

ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ



ЗАБЫТЫЙ
СЕКРЕТ
МИРОЗДАНЬЯ

Тольятти 2011

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5

ISBN - 85234 - 137 - 0

Редактор **Владимир Мисюк**
Художник **Марина Шляпина**

ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ.

«ЗАБЫТЫЙ СЕКРЕТ МИРОЗДАНЬЯ». –

Тольятти,

Литературное агентство В. Смирнова, 2011. – 464 с.

© И. Мельников, 2011

© М. Шляпина, 2011

© Литературное агентство В. Смирнова, 2011

|



ГОРОД ДЕТСТВА

* * *

Ты тайну тайн своих открай
Мне в час заката, город мой.

Опять горит твоя заря,
О чем-то дальнем говоря.

Но не вступают в разговор
Деревья и затихший двор.

Остались тени во дворе.
И я один иду к заре.

И отсвет вечности лежит
На спинах тротуарных плит.

А улицы, теряясь в ней,
Распались сотнями огней.

И сходятся передо мной
Небесный путь и путь земной.

ГОРОД ДЕТСТВА

1. Весна

У весны золотые ручьи!
Ты попробуй построить запруду, —
И под детские пальцы твои
Поплынут облака отовсюду.

Но плотина продержится час.
А ручей, может быть, две недели.
...Как легко, незаметно для нас
Эти давние дни пролетели.

Повзрослеешь ты. Станешь другим.
И, серьезных прохожих не хуже,
Никогда с упоением таким
Не полезешь баraphтаться в луже.

2. Лето

Льется солнце по листьям и стенам,
По чугунной траве оград.
Город детства привык к переменам.
Но забыть их беспечно рад.

Где та робость и где та шалость,
Взгляды темных и светлых глаз, —
В пестрой памяти все смешалось,
Повторяясь уже не раз.

Здесь когда-то, играя, жили:
Врач, водитель и продавец,
Птица с важной походкой, или
Неоперившийся делец.

Эта жизнь на асфальте мелом
Проступает едва-едва,
Как в старании неумелом
Недописанные слова.

3. Осень

Вместе с ветром осенним и светом
Мне хотелось вернуться туда,
Где стоят за растаявшим летом
Сохранившие детство года.

Я искал их везде: за дворами
И в заросших травой тупиках,
Где цветы золотыми шарами
Поднимались на тонких руках.

Как во времени милом и старом
На качелях, на темной доске
Я взлетал над пустым тротуаром
И дома возводил на песке.

Сердце ныло от дальнего гула
Разрывающей время любви.
Только память меня обманула.
И года не вернулись мои.

4. Зима

Спят сугробы в сиреневых шляпах.
Тротуары из ветра и льда.
Белый зверь на невидимых лапах
Лунный город забыл навсегда.

Он любил забираться на крышу
И на темное небо смотреть.
Больше я никогда не увижу
Как бросает он снежную сеть,

Как он ловит луну голубую,
Хлещет вьюжным хвостом по стене.
Я придумаю сказку любую.
Только зверь не вернется ко мне.

* * *

Старый двор позабудет пургу.
И капель захлебнется от звона.
У стены гаража на снегу
Заблестит золотая корона.

В рыжих пятнах облезшая дверь.
И весеннего солнца коварство.
Если сможешь, возьми и примерь –
Загляни в тридевятое царство.

В то, откуда приходят к нам сны,
Незаметно присутствуя рядом,
Где сверкающий замок весны
На холме над запущенным садом.

Но постой... это блики в воде,
Там, где лужи и автомобили.
А короны не видно нигде –
Будто галки ее утащили,

Унесли неизвестно куда...
И, как прежде, присев на качели,
Я уже не пойму никогда
Болтовню воробьев и капели.

* * *

Свет проходит сквозь окна и стены!
Новый день выражает вполне
Беспорядок большой перемены
В воробыиной нахальной возне.

Высыхают, оттаяв, дороги.
И тепло, и беспечно опять, –
Потому что забыты уроки
И не надо за все отвечать.

Будто нас ничему не учили...
Снова можно идти не спеша,
В легком облаке солнечной пыли
Ветром, шумом, свободой дыша.

* * *

Здесь ветreno. Мусор и лед.
И грани бетонных ступеней.
И солнца разлившийся мед
Немного пьянящий, весенний.

И кружится так голова
От бликов веселого света, —
Как будто услышал слова
Блеснувшего в лужах привета.

У грязной, холодной стены
Подъезда высотного дома
Живут голоса глубины,
Которая смутно знакома.

И ты, позабывшись, летишь,
Наверно совсем пропадая,
В мелькание окон и крыш,
В пространство звучащего края.

ЗОВ

И солнце живое. И ветер живой.
Темнеют кусты у дороги.
И с крыши срываются вниз головой
Сосульки прохожим под ноги.

Над жизнью и смертью одна синева.
Не видно границ между ними.
Звенят по карнизам все те же слова
И просят оставаться живыми.

Но есть и другой нестихающий зов –
И всем замороченным светом
Открытая даль за ветвями дворов
Опять говорит не об этом.

Она говорит и сосулькам, и мне,
И птицам, присевшим на крышу,
О брошенной в лужах другой глубине.
Но я ничего не услышу.

ПАТЕФОН

На столе неизвестной эпохи
В старом доме стоит патефон.
И пластинки крутящейся вздохи
Залетают на светлый балкон.

В них рождается музыка лета.
Сыплет снег. Протекает вода.
И пластинка старинная эта
Не спеша повторяет года.

Равномерное это вращенье!
Ненавязчивый вечный мотив!
Я не знаю его назначенье.
Но я слышу, что я еще жив.

Солнце. С крыши высокого дома
Капли падают в лужи, звеня.
Эта музыка... Ты мне знакома...
Не кончайся, звучи для меня.

* * *

Троллейбус, идущий по улице Мира,
Ты сможешь доехать до вечного мая?
Сегодня меня отпускает квартира,
О чем-то своем в тишине вспоминая.

Пусть тени деревьев бегут под колеса,
Но ты не собьешься с привычного круга.
А там одуванчики вышли из леса,
Встречая меня будто лучшего друга.

Молчат и не знают заветного слова,
Живущего в каждой веселой головке.
А вспомнят... и мне не захочется снова
Вернуться к знакомой твоей остановке.

И сосны сойдутся в полуденном зное,
Закроют дорогу стволами своими.
Я все потеряю: и время земное,
И блеск твоих стекол, и город за ними.

* * *

Сонный ветер в зеленых вершинах
И пронзительный утренний свет
На бесшумно скользящих машинах
Я увидел в смещении лет.

Я увидел сквозь годы и годы,
Может даже в столетье другом,
Ту же дымку хорошей погоды
И сверкающий стеклами дом,

И какие-то странные храмы,
И вдали купола площадей,
И плывущих реклам голограммы
Над фигурами стройных людей.

Что о жизни знакомой узнали
Эти люди, забывшие нас?
Там такие же синие дали,
Те же травы в росе, как сейчас.

Те же блики тенистого парка.
Так же тает его тишина.
И все та же бетонная арка,
Где моя задержалась весна.

* * *

*«Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова...»*
В. Соколов

Когда по водосточным трубам
Течет на землю синева,
Когда в шкафах шарфам и шубам
Не возвратить свои права,

Когда стихами Соколова
Заворожит капель, звения, —
Я хоть на миг узнаю снова
Слова, забывшие меня.

Конечно, надо быть моложе,
Чтоб их ловить, как птичью тень.
Но я ведь тоже, я ведь тоже
И этот свет, и этот день.

Я весь — открытая страница,
Где и без слова все мое:
И тополя, и шум, и птица,
И тень скользящая ее...

СУББОТНИК

Дворники выносят из подвала
За зиму скопившихся чертей
И швыряют в кузов самосвала,
Отгоняя руганью детей.

Ангелов бросают прямо с крыши,
А потом в машину грузят их, —
Очищают закутки и ниши
От жильцов никчемных и чужих.

И лежат они на кучах пыли,
Битых стекол, тряпок и газет.
Рай и ад когда-то отменили...
А порядка не было и нет.

И куда деваться им, несчастным,
От реформ и холода Руси?
И бормочет ангел с носом красным:
«Ты у черта вшивого спроси».

ВЕТЕР

Его узнаю по замашке,
Как песенку в несколько строк,
Мой ветер в свободной рубашке,
В которой сквозит холодок.

И первая зелень у края
Дороги темнеет в тени.
И плавают, солнцем стекая,
По вымытым стеклам огни.

И кажется жизнь бесконечной,
Как даль за углами домов,
От ноющей боли сердечной
Ленивых шмелей у стволов.

Он смотрит невидящим взглядом.
И города нет для него.
Но все же мне хочется рядом
Идти и не ждать ничего.

* * *

Якоря у речного вокзала.
И тяжелые звенья цепей.
Здесь о чем-то мне Волга сказала,
А потом подтвердил воробей.

Подарю ему крошки печенья.
Посмотрю как сверкает река.
И совсем не имеет значенья,
Что не знаю я их языка.

Пусть текут эти вечные воды,
Скачут птицы по лужам весны.
Я и сам не люблю переводы, —
Потому что в них нет глубины.

НА СКАМЕЙКЕ

Тени цветущей рябины.
С рыжим батоном пакет.
На старики спины
Падает утренний свет.

Снова нагрелась скамейка
Возле кирпичной стены
В солнечном мире римейка
Полузабытой весны.

Старые люди безмолвны.
Только, шумя в голове,
Бродят спокойные волны
По безучастной траве.

И, на последнем пределе,
Грезят в тепле старики
Смертью проснувшейся в теле,
Как молодые ростки.

* * *

На старых снимках не играет марши
Простуженный оркестр дотемна.
Но там живут воспоминанья наши
Как проблеск дня за шторами окна.

Безмолвны фотографии в альбоме.
Но если настежь распахнешь окно:
То память в листьях, в первом майском громе,
Который я не слышал так давно.

О детях с разноцветными шарами
И лозунгах над праздничной толпой
Напомнил мне летящий над дворами
Воздушный шарик бледно-голубой.

Плыви в пространстве утреннего света
И призрачного вешнего тепла
Отпущенная к облаку планета,
Где жизнь моя беспечнее была.

Теперь почти готов я к расставанию.
Почти не жаль мне этих давних дней.
И тень его легко скользит по зданью...
И что-то пропадает вместе с ней...

КАЧЕЛИ

В тихом парке стонали качели
В сонных сумерках позднего мая,
Будто песню забытую пели,
Надрываясь, но не умолкая.

То ли девочка, то ли старуха
Там качалась в тени, без билета.
И белели от лунного пуха
Одуванчики в полосах света.

Но о юности мы не жалеем.
Не стареет листва у ограды.
Зажигались огни по аллеям,
Оживая от легкой прохлады.

Задыхаясь, стонали качели.
И качались бескрайние дали.
И спокойные окна горели.
И высокие звезды мерцали.

КАРТИНА

Где он, полный цветенья и сил,
Прежний город дворов и бульваров?
Дождь прошел как столетье и смыл
Неспешащих людей с тротуаров.

То же небо сквозит в высоте.
Но другие машины и лица.
А далекая жизнь на холсте
Замолчала, как в книге страница.

В зелень яблони нервная дрожь
Кистью брызнула белые точки.
Сколько память теперь ни тревожь,
Не звучат позабытые строчки.

Но, счастливо не знающий лет,
Он для всех сохранится отныне
Молчаливым, как солнечный свет
Утром после дождя, на картине.

* * *

Стволы и бордюры побелены
В предчувствии всех перемен.
И так легкомысленно зелены
Наивные листья у стен.

И плещется небо за стенами.
И, слушая дальний прибой,
Мне хочется между антеннами
На лодке поплыть голубой.

Лениво качаться над крышами,
Над солнечным блеском машин,
Над маленькой тумбой с афишами, —
И чувствовать ветер один.

С ним будут года мои пройдены
Под парусом легким как дым.
...И снова дыхание родины
Сольется с дыханьем моим.

ОСТАНОВКА

Когда на землю выронит звезду
Высокий клен, состарившись за домом,
Я остановку тихую найду
Под фонарем в проезде незнакомом.

Она совсем не привлекает взгляд,
Обшарпанная, грязная, пустая.
Ее ничей не оживит наряд,
Не затрепещет объявлений стая.

Под тусклое мерцанье стоп-огня
Автобус ржавый мне откроет двери.
И я войду. И в темноте меня
Насторожит предчувствие потери.

За окнами проскальзывает свет.
Но в мутных стеклах тают краски мира.
И, подождав, надорванный билет
Я попрошу пробить у пассажира.

Он не ответит. Луч из пустоты
Вдруг озарит погасшие глазницы
И вечный смех, и страшные черты.
И сердце дрогнет трепетнее птицы.

И Океана Времени прибой
Сорвет с орбиты мертвый шар планеты.
Увидев даль его перед собой,
Смеются молча темные скелеты.

Пусть это сон. Но нас незримо ждут
В снегах зимы и в теплых ливнях лета:
Автобус, позабывший свой маршрут,
И остановка призрачная эта.

* * *

Хоть раз в году бывает день такой,
Бывает час, когда, вернувшись снова,
Ручей бормочет будто над строкой,
Сбивается в предощущенье слова.

И город тонет в солнечном дыму.
И, проходя по ослепленной луже,
Я думаю, что это ни к чему, —
И без него все сказано не хуже.

Бывает миг, когда слова пусты.
И мир в ручьях течет, сливаясь с нами.
И музыка не выше немоты,
А небо — светлой лужи под ногами.

* * *

В плену у цветущей сирени
Уже не сумею пропасть я
От яркого неба и тени,
И плеска бездонного счастья.

Там солнце стояло углами
От стен отраженного света
И пчелы летали послами
Еще предстоящего лета.

Но было немного тревожно
От тайного, смертного знанья, —
Что выполнить им невозможно
Глухие свои обещанья.

И все, что они обещали,
Когда-то, не зная сомнений,
Сегодня я вспомню едва ли
В плену у печальной сирени.

* * *

Овеивающий легкой одеждой
Дождь ушел. На дорогах вода.
Молодым и счастливым невеждой
Этот мир остается всегда.

Он смеется, о всех забывая.
Он не помнит, что было вчера.
Город. Улица в дымке до края,
В свежей зелени, в лужах с утра.

Я в автобусе еду сквозь годы
И знакомые вижу дворы, —
С тайным чувством неясной свободы,
Непонятной, но вечной игры.

И такой, озабоченный сушкой
Мокрых крыш, с ветерком в голове,
Город кажется яркой игрушкой
Позабытой, как детство, в траве.

* * *

В след от копыта, залитый водой,
Смотрит, склоняясь, одуванчик седой.

И на ребенка прикрикнула мать:
«Что ты такой непослушный опять!

Дома напьешься! Пристал как репей!
Грязную воду из лужи не пей.

Если попьешь хоть с ладони: беда —
Станешь... ну, может, козленком тогда».

Только ромашки молчали в тени.
И никому не сказали они,

Что, за туманом, в предутренний час
Здесь проскакал по дороге Пегас.

* * *

Тот город, который томится во мне,
С годами живее, чем тот, что я вижу.
Там дышат знакомые шторы в окне
И месяц, сутулясь, выходит на крышу.

Там все по-другому. За каждым углом
Покой и простор средневолжского лета.
И мой календарь со счастливым числом –
Всегда настоящим – висит у буфета.

А в этом привычный торопится взгляд
По стенам, по листьям, по детским качелям,
Как луч предзакатный, который не рад,
Что счет потерялся годам и неделям.

Мой призрачный город с его глубиной,
Мой каменный город, продутый ветрами,
Казались единственным далекой весной
С прохожими, лужами и голубями.

* * *

В коротком дожде перекличка
Прошедших и будущих лет.
Еще сохранилась привычка
Смотреть на разлившийся свет.

Как будто всей жизни значенье
Открыто за створкой окна,
Где медленных капель паденье
И мокрых дорог глубина.

И веет бессмертной прохладой.
И яблонь цветущих шары
Плынут над зеленою оградой
Куда-то в другие дворы.

И весь я в цветении этом,
Когда, прступив под рукой,
Мой мир озаряется светом
И гаснет за каждой строкой.

СОЛНЕЧНЫЙ ДВОР

С шумных улиц, сбиваясь со счета,
Дни за днями уходят туда,
Где зачеркнутый знак поворота
Запрещает его навсегда.

Мне уже не захочется снова
Заглянуть в этот солнечный двор
Там, где музыка тайного слова,
Где над крышами яркий простор,

Где оплывшие свечи каштана
Чуть заметно чадят по утрам
Лиловеющей дымкой тумана,
И сквозит паутина у рам.

Там, где в блеске листвы и капели,
Проскользив по кирпичной стене,
Мне весенние ветры пропели
О какой-то далекой стране.

ПРОГУЛКА

Я брел по аллее без цели.
Не помню зачем и куда.
Качались пустые качели
И в лужах блестела вода.

Под зеленью старого парка,
На низкой ограде, в тени
Сидели три маленьких квярка
И скромно молчали они.

А где-то над ними частицы,
Предчувствуя скорый распад,
Как будто безумные птицы
Трещали в листве невпопад.

От нежно цветущих акаций
Летел за фотоном фотон.
И солнечный мир флюктуаций
Казался прекрасным как сон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дома затонули в лагуне рассвета
И брезжат огнями сквозь теплую воду.
Зеленые волны спокойного лета
Качают их тени в любую погоду.

Качаются стены, балконы и крыши,
Как яркие рыбы мелькают машины.
Качаясь, безмолвные смотрят афиши
И в блеске рекламы плывут магазины.

Качаются мысли, смещаются даты,
Качается свет на столе и на стуле.
И тает твой мир позабытый, куда ты
Однажды вернешься рассветом в июле.

И как воплощение высшего дара
Прорвешься лучами сквозь дымку тумана,
Слетиши воробьями на плиты бульвара,
Умоешь траву и асфальт у фонтана.

ЗАВОД

Облака за цехами завода.
И шумят тополя надо мной.
Из какого далекого года
Эта свежесть и ветер степной?

В листьях небо и солнца осколки.
И как будто слышны голоса
Тех людей, что когда-то у Волги
Возводили в степи корпуса.

Столько светлой надежды и силы
Вместе с комьями пыльной земли
Многотонные КРАЗы и ЗИЛы
По дорогам с собой увезли.

Травы в резких тенях невесомых.
И мне кажется, что в высоте
Снова музыка песен знакомых
И не листья, а лозунги те...

* * *

Дымится земля теплотрассы.
Блестит на асфальте вода.
О, ангел неведомой расы,
Зачем ты явился сюда?

Зачем ты, сбежавший из храма,
Сидишь на скамейке в тени
У будки, где вырыта яма
И сыплются сварки огни?

С небесных краев-бездорожий,
Ты чем-то похож на меня.
Тебя не заметит прохожий
В сиянии летнего дня.

Ты кажешься светом и тенью.
Но что же случилось со мной?
Зачем я стремился к прозрению,
Зачем не прошел стороной?

ГОРОДУ

Я так благодарен твоим закоулкам
С тенями, травой и подоблачным светом,
И тем безнадежно-бесцельным прогулкам
По этой земле, но в пространстве не этом.

Где слушал я листьев нестройное пенье,
Молчанье дворов. И вполне вероятно,
Что время тогда замедляло движенье,
А может быть и возвращалось обратно.

И волжские чайки, как чайки морские,
Кружились над баржами и над плотами,
И волны плескались о камни сырьи,
И солнце ловили зелеными ртами.

Я помню дома и пустую аллею,
И старый от трещин асфальт под ногами.
Ты знаешь... Я больше сказать не сумею...
А помнишь как небо горело над нами!

* * *

Знакомый свет на лестничной площадке.
И тишина... и запахи жилья...
Сложив года в случайном беспорядке
Здесь дремлет память. Вечная. Ничья.

По мутным стеклам плещут листьев тени.
И ветер, залетающий в окно,
Бросает их на темные ступени
Как грязь следов, исчезнувших давно.

Обречены на долгое соседство,
Свои ключи сжимая в кулаке,
Здесь в прятки заигравшееся детство
И чья-то старость в мятом пиджаке,

И чья-то речь неясная, живая,
В кабине лифта стихшая опять.
Я прохожу, себя не узнавая.
Все это – я. Но я боюсь узнать.

ДОМ

Дверь в конце коридора открыта.
И оттуда, сквозь утренний свет,
Легкий пух – тополиная свита –
Залетает в большой кабинет.

Старый дом опустел перед сносом,
Как прошедший, оставленный век.
И, нахмурившись, смотрит с вопросом
На плакате в углу человек.

Но безмолвны плакатные трубы,
Полувыцвела краска знамен.
Не разжать ему резкие губы,
Не назвать позабытых имен.

За окном, над промышленной зоной,
К облакам поднимается дым.
И от тихой аллеи зеленой
Снова веет теплом молодым.

Там металл и гранитные плиты,
И горячие блики огня.
А на стертом паркете разлиты
Лужи солнца от ясного дня.

Где потом отзовется все это,
Воплотится в какие слова?
За окном пропыленное лето,
Растерявшая тени трава...

* * *

...Там, за углом, была еще аптека,
Колонны дома, берег и река.
И у воды фигурка человека.
И светлые большие облака.

И грязные тяжелые буксиры
Тянули мимо баржи и плоты.
И запах кухни из чужой квартиры.
И на газоне редкие цветы.

Минувший век, недавний и старинный,
Стал памятью среди других веков.
Он превратился в шелест тополиный,
В спокойное движенье облаков.

А вслед за ним сбежала стерва юность
В рассветный час по лужам от дождя,
И подчеркнула улицы сутулость,
По влажным стеклам пальцем проведя.

Пойду туда, чтоб заглянуть в аптеку,
Купить лекарство от прошедших лет.
Увижу ту же улицу и реку
В стекле витрины. Но... аптеки нет.

ОТРАЖЕНИЕ

Опрокинулся город под нами
После ливня, прошедшего днем.
Вдоль дорог, загораясь огнями,
Опускаются сумерки в нем.

Он тревожит загадочным глянцем,
Как страницы журнальных реклам,
Так, что кажется мне иностранцем
Человек, отразившийся там.

Он похож на меня, но не слишком.
Он не знает о жизни моей,
В мире счастья, заманчиво близком,
В золотистых огнях фонарей.

Он спокойно уходит за угол,
Где сверкает большой магазин,
Где прохожие с лицами кукол
Отражаются в стеклах витрин.

Там, под все разрешающим знаком,
Шевелящейся тени смола.
И, залиты мерцающим лаком,
Спят машин неуклюжих тела.

НА «ВОСТОЧНОМ КОЛЬЦЕ»

Послушай, — ладья из металла,
Летящая в светлый простор, —
Ты в море заката пылала
Как яркий, холодный костер.

И снова, с лучами рассвета,
Всегда выплывала из тьмы
Под грозы короткого лета,
Под низкое солнце зимы.

За тучами — неба озера.
Трава между каменных плит.
Не ветер степного простора,
А время у бора свистит.

Послушай, — легко и крылато
Скользящая в светлой дали, —
Не ты ли однажды куда-то
Меня уvezешь от земли?

* * *

Куда идти по улице воскресной,
Где на асфальт стекает летний зной,
Когда пространства родины небесной
Не совпадают с памятью земной?

Гоняют дети мяч по тротуару.
Но я уже не с ними... и не с той,
Что смотрит на обнявшуюся пару,
Присев на край песочницы пустой.

Потом она берет ведерко в руку
И своего уводит малыша.
И все больнее чувствует разлуку
С привычным миром спутница душа.

Пусть не о ней мне листья шелестели.
И не о ней молчали облака.
Пусть нет ее... но кто качнул качели?
И чья меня касается рука?

* * *

Я вспомнил свое нетерпенье
И ливень стихающий мой.
А все-таки жизнь – возвращенье
По улице детства домой.

И солнце спускается ниже.
И пух тополиный у стен.
И, руки раскинув, на крыше
Столпились фигурки антенн.

И туча стоит на востоке.
И улица светится вся.
И время шумит в водостоке,
Подхваченный хлам унося.

Там щепки разбитых желаний,
Бумажный кораблик смешной
И лист оторвавшийся ранний
Пропавшей надежды земной.

Так пахнет асфальтом и летом.
И тени дурманят траву.
И сам ты с привычным пакетом
Уходишь от них в синеву.

* * *

В слуховое окно чердака
Тени тополя плещут волнами.
И проходят в стекле облака,
Пропадая опять за дворами.

По утрам кипятят голубей
Скаты крыш, прокаленные летом.
И не вспомню еще – хоть убей! –
Ничего я о городе этом.

Может быть, он из давнего сна?
Там, на крыше, ленивое детство
С голубями сидит у окна,
Понимая такое соседство.

А над домом сверкает звезда
Одиночко, прозрачно и мудро...
Может быть, я вернусь навсегда
В тихий город, в счастливое утро.

ЗАЛ ИГРОВЫХ АВТОМАТОВ

В наркотическом свете рекламы
Оживают удач миражи.
И участники сказочной драмы
Покидают свои этажи.

Безмятежной улыбкой участья,
Не знакомо с добром и со злом,
Божество Запредельного Счастья
Улыбается им за стеклом.

Всем, привычно живущим без цели,
Не достигшим заветных вершин,
Обещая моря и отели
И ключи от роскошных машин.

Огоньки пробегают тупые,
Пропадая, стуча и звеня...
Будто бабочки, души слепые
У священного кружат огня.

Здесь себя забывают, играя,
На удачу меняя рубли,
В получьме электронного рая
Грезя солнцем не нашей земли.

МАНЕКЕН

Тень моя, проскользив по витрине,
В мире крыш отраженных и стен
В полутемном пустом магазине
Превратилось в глухой манекен.

Пусть гремят уходящие грозы,
Умирает листва на лету, —
Не меняя бесчувственной позы,
Он спокойно глядит в пустоту.

Жизнь течет на стеклянном экране
В блеске дня и под слабой звездой.
Как в уайльдовском давнем романе
Я старею, а он — молодой.

Для него я — игра отраженья.
И теперь, в зазеркальном краю,
Он, ко всем не скрывая презренья,
Не оставит витрину свою.

САЛЮТ

...И все же бывает минута
Среди незаметных минут, —
Когда городского салюта
Над крышами рощи цветут.

Тогда, ускользая от взгляда
В летучий светящийся дым,
Аллеи небесного сада
Сливаются с парком земным.

Там кто-то смеется и даже
Торгуют мороженым там.
И даль за плакатами та же.
И тени скользят по зонтам.

Там соки и сладкая вата,
Воздушных шаров пузыри.
И все, кто ушли без возврата,
Гуляют всю ночь до зари.

Там музыка кружится где-то
И слышится вечное в ней...
Как жаль, что сгорает все это
И падает ливнем огней.

* * *

В дымке улиц, у зданий похожих,
Освещенных закатом сейчас,
Торопливые лица прохожих
Будут так же мелькать и без нас.

Встанут годы тенями на страже.
Завернув в незнакомый квартал,
Ты забудешь свой адрес. И даже
Не поймешь, что себя потерял.

Будет с кем-то ругаться водитель,
Разгружая «газель» у ларька.
И, простора небесного житель, –
Белый голубь лететь в облака.

Там, померкнув, растает сознанье
Вместе с ним в глубине синевы.
И твое превратится дыханье
В шум моторов и шорох листвы.

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Здесь люди проходят у полок.
И спешки бессмысленной нет.
И счастья забытого морок
Мелькает, как солнечный свет

Они в магазине игрушек,
Как будто в небесном раю
Пластмассовых птиц и лягушек,
Судьбу выбирают свою.

Кто будет мячом разноцветным,
А кто музыкантом с трубой, –
Чтоб тек, становясь незаметным,
Весь мир, как туман голубой.

Чтоб окна исчезли... и двери...
И не было больше витрин...
Чтоб добрые куклы и звери
Играли у пальм и машин...

* * *

Над спящим городом, от звездного тумана,
Неуловимый свет, неуловимый зов, –
Как будто брызги волн и пена океана,
И шум его далеких голосов.

Открыты настежь полночи ворота.
Но знанья нет, и веры нет давно.
Привычный мир... Возможная свобода...
Что выбирать? Не все ли нам равно.

Мы не свободны, даже выбирая...
И в бледной дымке, льющейся к ногам,
Блестит дорога зыбкая, сырая,
Ведущая к летучим берегам.

* * *

В руинах сносимого дома
Недолго цветет тишина.
Но отзвук железного грома
Уже не находит окна.

Он глохнет в крапивном пожаре
За старой скамейкой у лип,
Где к рожице на тротуаре
Случайный окурок прилип.

Обломки в машины грузили
Под взгляды безмолвных старух.
И облако солнечной пыли
Вставало над ними как дух,

Как жизнь, где прохладные тени
С утра обживали забор,
Где молодость в дымке сирени
Легко выбегала во двор,

Где в луже большой и глубокой,
Блестя, зеленела вода.
...И дух этой жизни далекой
Теперь улетал навсегда.

РЕЧКА ДЁМА

Зной и радужная дрема
На далеком берегу.
Я к тебе и в детство, Дёма,
Возвратиться не смогу.

Ты следы мои размыла,
Эти годы сохранив
В дымке облачного ила
И в тени небесных ив.

Сказка солнечного лета!
Может, нет тебя нигде...
Дёма, Дёма, – блики света
В облаках и на воде.

* * *

Тополиного пуха разливы
Затопили весь город до крыш.
И звучавшие в прошлом мотивы
Беспокоят заснувшую тишину.

Будто хочется им на свободу
Из текучей своей глубины,
Погруженным в незримую воду
Теплой Леты и в пух у стены.

Будто хочется им, как и прежде,
Залететь вместе с ветром за дом,
Вместе с тополем в свежей одежде
Подышать в этом мире живом.

* * *

...Спускались вниз у сосен вдоль дороги
Ограды пионерских лагерей.
И шишки с неба падали под ноги.
И так хотелось вырасти скорей.

Лучи рассвета освещали будку
И отражались в треснувшем окне.
Трубач из гипса, заиграв побудку,
Рассказывал о бесконечном дне.

И я следил за велосипедистом,
Бросал в кустарник палку, как копье,
И забывал о кладбище тенистом,
И ночь над Волгой с безднами ее.

Я повзрослел. Старею понемногу.
Где мой трубач? Где плеск воды в горсти?
И, вспоминая прежнюю дорогу,
Земную жизнь хочу перерasti.

* * *

Город луж и далекого гула
Самолета в пустой глубине, –
Будто жизнь моя годы вернула
Вместе с утренней свежестью мне.

Тает, тает в высоком пространстве
Синей бездны и прячется в ней,
Не виня никого в самозванстве,
Давний голос забывшихся дней.

За углом, у панельного дома,
Где стоит голубиная тень,
С неизбежностью лет не знакома,
Ветром юности дышит сирень.

В мире скуки и пьяного мата,
Неизбытной тревоги и дел,
Не она ли во всем виновата, –
В том, что я повзросльеть не сумел...

* * *

Трава, мелькающая в спицах
Велосипеда и дождей,
И отблеск синевы на лицах
Неторопящихся людей,

И лужи легкие от пуха,
И тополиный липкий сор,
И доносящийся до слуха
Теряющийся разговор,

И тени облаков дворами
Бегущие, срываюсь с крыш,
И дремлющая за дверями
Послеполуденная тишина —

Весь этот мир тепла и света,
Не так волнующий уже,
Ты мне вернул, хранитель лета,
Стареющий в моей душе.

БЕЛЫЙ ГОРОД

На просеке покой и тишина.
И сохнут травы в первобытном зное.
И манит в даль не неба глубина,
А что-то невозможное, земное.

Блеск от песка летит со всех сторон
К вершинам сосен в мареве размытым.
И летний день стоит как светлый сон,
Обманывая чем-то позабытым.

Он бабочкой присядет на пиджак
И мне напомнит запахом полыни,
О чём молчит сосновый полумрак
С прорывами теряющейся сини:

Что облаков ленивые стада,
Плытвущие у самой кромки леса,
На белый город смотрят иногда,
Привычно и совсем без интереса.

Он ждет тебя. Иди к нему, иди.
Пусть пропадет дорога под ногами.
Пусть ничего не видно впереди.
Но за холмом... Но там, под облаками...

* * *

Автомобиль скользит по паутине, –
По улице как капля просверкав.
Огни реклам, стекая по витрине,
Плынут по лицам, пачкают рукав.

А город спит, свои раскинув сети,
И держит всех. Но только дела нет
До них тому, кто видит окна эти
И вновь летит как бабочка на свет.

Так можно жить в плену, не зная плена
В привычном круге полуустертых слов,
Где даже смерть приходит как измена,
Как ночь без звезд среди пустых домов.

И, опьянев от скорости движенья,
Не думая, позабывая страх,
Смотреть, как исчезают отраженья
Других миров в глубоких зеркалах.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Солнечное облако тумана,
Над землей поднявшись на заре,
Пило воду ржавую из крана
В полусонном стихнувшем дворе.

Потеряв скамейки и качели,
Растеклось, не помня ничего.
Только как-то странно молодели
Лица проходящих сквозь него.

Может, это возвратились годы
В ранний час на улицы свои,
С чувством вечной жизни и свободы,
С ожиданьем счастья и любви?

Нет... Но все же пусть в начале лета
Так легко обманывает всех
И стоит везде лучей рассвета
Безмятежный золотистый смех.

* * *

Во дворце из картонных коробок,
В позабывшейся летней стране,
Заклинатели божьих коровок
Тайной слова владели вполне.

Снова утро тенями и светом
Занавески колышет чуть-чуть.
Но словами в сиянии этом
Ты не сможешь уже обмануть

Ни себя, ни доверчивых, красных,
Возвратившихся с неба жуков, —
Слишком много их было напрасных,
Бесполезных, потерянных слов.

ПОЛИВАЛЬНАЯ МАШИНА

В струе поливальной машины
Менялись и плыли за ней
На мокром асфальте витрины,
Деревья и отблески дней.

И в дымке сверкающих граней
Газоны, слегка погодя,
Дышали той свежестью ранней –
Как в юности после дождя.

И в медленном гуле мотора
Дрожала под радугой сталь.
Дробился огонь светофора
У въезда в счастливую даль.

Мне в ней открывалось начало
И жизни, и новой земли.
...Но небо ее высыхало
И солнце терялось в пыли.

* * *

Город ночью открыт глубине,
Снам, текущим как тайные реки.
В этот час понимаешь вдвойне,
Видишь все, что уходит навеки:

Вот листвы замолкает прибой;
Над дорогами звездные ямы;
В черных лужах огонь голубой
От мигающей, яркой рекламы;

На балконе, где свет фонаря,
Прислонившись к теплу штукатурки,
Кто-то курит и, пеплом соря,
Вниз, на землю, бросает окурки;

Тень машины скользит по стене
С быстротой отрешенного взгляда...
А столетья стоят в тишине,
Как деревья незримого сада.

* * *

В автобусных стеклах со светом
И небом сквозящих аллей,
Наполненных пухом и летом,
Мелькают стволы тополей.

На улице около дома
За годы они разрослись.
И только как прежде знакома
Над крышней и листьями высь.

Открытая светлая бездна
Плынет над моей головой.
И спешка моя бесполезна
Для этой стихии живой.

Стареют деревья и стены,
Меняются лица людей.
И кажется: все перемены
Бесследно теряются в ней.

Ломает асфальт, прорастая
К простору и ветру трава.
Но что обещает пустая,
Зовущая нас синева?

* * *

Над сеткой троллейбусных линий,
Слегка серебря провода,
Сквозь сумрак бездонный и синий
Внимательно смотрит звезда.

Мне легче от свежести вечной,
Плыущей в такие часы
С дороги заоблачной, млечной
В холодных осколках росы.

И кажется даже, что можно
По лужам небесной воды,
За тучу свернув осторожно,
Доехать до этой звезды.

Пусть гаснет она за домами,
Покой и молчанье храня.
...Но что-то останется с нами
И в солнечном трепете дня.

* * *

Космический тревожный холод
Сквозит в вечерней синеве.
Как высший мир далек и молод,
И больше не понятен мне.

Нас разделяют дни и годы,
Движенье улиц, шум дождей,
Мне не дано его свободы
В земных огнях среди людей.

Смотрю на яркие витрины, –
Как по блестящему стеклу
Скользят прозрачные машины
И фонари плывут во мглу.

Таится трещинами старость
В бетоне плит, в коре стволов.
И дня ушедшего усталость
Во взглядах и в звучанье слов.

И только горные вершины
Счастливой облачной страны
Еще горят, до середины
Его огнем озарены.

* * *

Город сумерек. Свежесть газонов.
Здесь, устав от рабочего дня,
Снова дышит в листве у балконов
Дух июня, забыв про меня.

Для него замирающий вечер
Легким пухом летит на ладонь;
У дороги незримый диспетчер
Зажигает зеленый огонь.

Приведеньем забравшись за шторы,
Чуть колышется тень на стене.
Дух июня... какие просторы
Открывал он за листьями мне!

Пусть услышу я музыку ту же...
Но уже не смогу никогда
С ним кататься на туче по луже,
Где травой прорастает вода.

И ему без меня веселее
Беззаботно пройти у окна
И в огнях фонарей по аллее
С молодежью гулять допоздна.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

А дождь ушел за угол дома.
Ожили улицы опять.
Но вместе с дальним эхом грома
Я не хочу его догнать.

Пусть он оставил на прощанье
На листьях отблески огней, —
Я не поверю в обещанье
Открыть мне тайну этих дней.

Играя легкой светотенью
На складках штор и на стене,
Теперь не зацветут сиреню
Разрывы туч в моем окне.

Не пробежать мне как когда-то
Наискосок через газон.
И только время виновато,
Что не обманет снова он.

ПАРОВОЗ ИЗ ДЕТСТВА

На невидимых крыльях стрекоз
Пролетает над городом лето,
Забывая пустой паровоз
Во дворе зеленеющем где-то.

Жаркий полдень скучает вокруг.
Опрокинутой урны соседство.
Может рельсы окончились вдруг,
Но, скорее, — окончилось детство.

Он до станции этой довез
Через солнечных лет расстоянье, —
На которой пока не до слез,
Но уже предстоит расставанье.

Предстоит на обратном пути,
За другими прибывшими, следом
По траве и асфальту идти
Или плыть наркотическим бредом.

И у самого края узнать
Непривычно знакомые звуки:
Как вдали нарастают опять
Проржавевших колес перестуки.

* * *

Опять зацветает цикорий
Как облако синего света.
И тысячи старых историй
Теряются в памяти лета.

И все повторяется снова
За окнами и за дверями,
От самого первого слова,
До солнца, до ливня с ручьями.

От тех позабытых игрушек,
Пылящихся в темном подвале,
До сказочно лгущих кукушек,
Которым ты верил вначале.

Но все, что горело, — остыло.
И память тревожит сознанье, —
А, может быть, только и было
Одно голубое сиянье...

УЛИЦА

Я знаю, в шуме улиц где-то
Есть улица далеких дней.
Теперь я смутно помню это, —
Но все же я стоял на ней.

Там в зыбких стеклах магазина
Заоблачный томился свет
И плыли радуги бензина
В воде с обрывками газет.

Среди ее обычных зданий
Скрывалась глубина дворов.
На стенах не было названий
И даже просто номеров.

Там сохранилось это чувство —
О тайном смысле лучших лет.
А наше бедное искусство
Теперь не в силах дать ответ:

Где эта улица и годы?
Куда уходит жизнь моя,
Как тот неясный сон природы,
Которого коснулся я?

* * *

Озаряются, меркнут дворы
От подоблачных легких теней.
Как разбитые стекла остры
Границ солнечных, ветреных дней.

Только память о них не зови.
Не лови ускользающий свет.
Будет больно от прежней любви,
Если прежнего времени нет.

* * *

На приснившейся стройке раствором
Перемазаны дверь и окно
Полутемного зала, в котором
Проходил я когда-то давно.

А от солнца окно золотое
Плыло вниз по бетону стены.
И казалось мне зданье пустое
Домом времени и тишины.

Чуть блестел переплетом металла
И сквозил потолок подвесной.
И, толпясь за колоннами зала,
Чьи-то тени следили за мной.

Паутина пылилась как шторы
Рядом с ящиком скоб и гвоздей.
И таились вокруг разговоры
И шаги нерожденных людей.

Я проснулся. Но что-то шептало
Из рассветного сумрака мне
Будто собственной жизни начало
Я увидел и вспомнил во сне.

* * *

Голоса голубей и дождей
Проливаются, падают с крыш
На асфальт, на спешащих людей.
Подожди же! Куда ты спешишь?

Задержись на мгновенье, на миг.
Или ты еще взять не готов
Эти строчки невидимых книг,
Перезвон неразгаданных слов.

Это музыка жизни твоей!
Сохраняются в строчке живой
Голоса пролетающих дней,
Голубей и воды дождевой.

ПТИЧКА-СВИСТУЛЬКА

Безмолвно стоят карусели –
Игрушечный мир заводной.
И ветер тревожит без цели
Обрывок газеты цветной.

Рассмотрены все сувениры.
Уехал последний фургон.
И лунным забвеньем в квартиры
Течет с подоконников сон.

И где-то в пустом переулке
Блестит, не стихает листва.
...Я глиняной птичке-свистульке
Свои оставляю слова.

Пусть кто-то коснется губами
Ее тишины. И в ответ
В ней жизнь отзовется дождями
И музыкой канувших лет,

И утренним праздничным светом,
И шумом воскресного дня.
И птица расскажет об этом
Честнее и лучше меня.

* * *

Так бывает всегда:
Облака тополиного пуха,
Вечер стал как вода,
Дальний плеск долетает до слуха.

Проплывают дома,
Проплывают дворы и ограды.
Лиловатая тьма
Никому не приносит прохлады.

Опускается вниз
Тополиное легкое семя,
На траву, на карниз.
Стало видно, как движется время.

Я бросаюсь в него
Как в мерцающий сон до рассвета.
В мире нет ничего
Кроме времени, пуха и лета.

НОЧНОЙ БАЛ

Зарей за летними ночами,
Повеяв ветром молодым,
Насквозь пронизанный лучами,
В траве течет прозрачный дым.

Дворцы из легкого сияния
Безмолвной, звездной высоты,
Свои теряя очертанья,
Росой ложатся на кусты.

Там тихо музыка звучала
И тени заслоняли свет,
Кружась у стен в разгаре бала,
Для насекомых прежних лет.

Мелькала платьев паутина
Среди гудящих голосов,
Среди скелетов из хитина,
Каркасов крыльев и усов.

Блестели кольца и медали...
И на рассвете в синеву
Сквозь стекла гости вылетали.
И прахом падали в траву.

* * *

В лучах рассвета тени вполквартала
Пересекли аллею тополей.
Но стекла окон с отблеском металла,
Чуть потеплев, не стали веселей.

А возле банка отцветают липы.
И у стволов, не зная прежних лет,
С их легким сором падает на джипы
И на газоны невесомый свет.

На дымку придорожного тумана,
Застыв в прозрачной глубине дверей,
Тревожно смотрит из фойе охрана,
Как будто кто-то ясно виден ей.

Как будто там, в открытые ворота,
Преследуя вишневый «мерседес»,
На Росинанте призрак Дон Кихота
Летит, грозя, с копьем наперевес.

Насквозь протерты локти и колени,
Помятый панцирь и пробитый щит.
...Там только солнце, плеск листвы и тени,
И город оживающий шумит.

* * *

Я хотел бы, чтоб голос мой
Стал таким же, как все, что есть.
Затерялся в жизни земной,
Сохраняя о вечном весть.

Прозвучал в тишине двора
Скрипом двери, лаем собак,
Стуком мусорного ведра,
Ударяющегося в бак.

Пусть фантазии смел полет,
Ослепителен свет реклам,
Но обыденный круг забот
Больше тайн открывает нам.

У дороги, блестя листвой,
Старый тополь шумит опять.
Я послушаю голос свой.
...Не смогу слова разобрать.

* * *

Немытые стекла и рамы.
Прерывистый стук молотка.
А рядом: торговые храмы,
Прохожие и облака.

Короткая тень от навеса,
И, прямо на грязном полу,
Крылатая обувь Гермеса
Лежит для починки в углу.

И бог на рекламной газете
У будки стоит босиком,
И в жарком полуденном свете
Следит за рукой с молотком.

Он слушает друга Гефеста,
Плечом прислонившись к стене,
О выгодах нового места,
Что бизнес успешен вполне,

Что время настало такое,
И боги спустились с небес,
Что, верно, забыл о покое
Пронырливый парень Гермес.

СТРИЖИ

Над домами и над гаражами
Летний воздух расчерчен стрижами.

Где-то есть и архив чертежей
Архитекторов неба – стрижей.

Планы улиц с дыханьем весны
Там заботливо сохранены.

Там на кальках речная волна
С голосами из детства слышна.

Но не скажут мне адрес стрижи...
Как стремительны их виражи!

Над домами и над гаражами
Наши дни промелькнули стрижами.

* * *

За городом дымы стоят как великаны,
Случайных облаков касаясь головой.
И души их сквозят – бесплотные туманы –
Над крышами цехов вечерней синевой.

Они хранят покой как сумрачные джины
И смотрят с высоты среди неясных дум
На землю, где слетев с крутящейся резины
Стихает у дорог машин привычный шум.

Но им никто не смог сказать свои желанья,
Никто не угадал от мира скрытых сил.
Из проходящих здесь особого вниманья
На ожиданье их никто не обратил.

О чём мне их просить? О встрече через годы
В краю свободных птиц в такой же день и час,
Чтоб жизнь среди забот и солнечной погоды
От дальних облаков не отличала нас...

* * *

Где дождь по трубе водосточной
Звенел и стекала вода,
У маленькой клумбы цветочной
Мой взгляд остается всегда.

За ливнями полосы света
Летели, дробясь на стекле,
Как солнечный отблеск привета
Для всех, кто прошел по земле.

Я, помня минуту такую,
И тучи, и лужи, и свет, –
Кукушкой в листве прокукую
Для вас не жалеющей лет.

Живите на этой странице,
Где улица, клумба, дома,
Поверив невидимой птице,
Что смерти развеялась тьма.

* * *

Облитая утренним светом,
Блестит молодая листва,
Как тем потерявшимся летом,
Которое помню едва.

Бегущая татуировка
Теней и нагретый металл, —
Сквозь зелень видна остановка
Как будто далекий причал.

А рядом проходят маршруты
Автобусов и облаков.
И с ними, в такие минуты,
Я тоже уехать готов.

Уехать, уплыть за годами,
Где плещется даль как вода,
Где время не властно над нами...
Я только не знаю, куда...

* * *

На закатные окна квартала
Посмотрю от опушки лесной,
Где бетон и обломки металла
Под кустами в тени за сосной.

Я прижму к ней ладонь, чтобы жилы
И сосуды срослись со стволом,
Разбудив позабытые силы
Древней родины в теле моем.

Пусть мне будет нисколько не больно,
Что сгорают дома и года,
Даже если представишь невольно, —
Будто это уже навсегда.

Чтобы горечь ушла без возврата,
И текло со смолой сквозь меня
Беспределное пламя заката
Как сияние вечного дня.

СЕРЕДИНА ВЕКА

...Снова ветер проводит до самых дверей,
Где узнает меня электронный замок.
Я в прихожей повешу свой плащ на крючок.
И увижу за окнами свет фонарей.

Где-то робот-уборщик гудит за углом.
Предлагает товар Интернет-магазин.
Я экран отключу и побуду один
В тишине, как всегда заполняющей дом.

Ты, мой город сверкающий в летней ночи,
В серебристых конструкциях быстрых дорог
Высоко над землей, ты со мной помолчи,
Чтобы годы далекие слушать я мог.

Век подходит к своей середине, а я
От свободы устал и не жду ничего...
Но меня не оставят совсем одного
И разумные вещи, и память моя.

В темных листьях теряются окна квартир.
Опускается время, как легкий туман.
Я пройду в полусне сквозь прозрачный экран
И забуду тебя, оцифрованный мир.

* * *

Июльский гром и сор бумажный
Принес мне ветер, пыль подняв.
И дрогнул дом многоэтажный –
Как будто тронулся состав.

Опять под тучами поплыли
Антенны крыши и провода.
...Но прежний запах мокрой пыли
Не повторится никогда.

Простимся, «Станция Рассвета»,
В дожде пустеет твой перрон.
А впереди просторы лета
И свет среди продрогших крон.

И за кустами возле дома,
Где кукла брошена ничья,
Последним отголоском грома
Затихла музыка твоя.

* * *

Дождь откроет стеклянные двери.
С мокрых улиц запахнет травой.
Как легко забывает потери
Этот сумрачный вечер живой.

Мне сегодня хотелось бы тоже,
Легкий плащ поправляя плечом,
В блеске капель, скользящих по коже,
Проходя, не жалеть ни о чем.

Чтобы снова текли под ногами
Золотые огни фонарей
Мимо тех, кто не стали богами,
Не заметили зыбких дверей.

Там, за ними, я с ветром и светом
Дальний край различал иногда.
Хорошо бы не думать об этом
И идти под дождем никуда.

СОЗВЕЗДИЯ АВГУСТА

Все стихло от зноя. Скажите, пожалуйста,
Вы, листья, лежащие в воздухе жарким,
И вы, облака – далеко ли до августа?
Быть может, он там, за дорогой, за парком?

Там, в августе, ночи длиннее немного
И сумрак вечерний тревожен и молод,
Почувствовав в небе себя одиноко,
Созвездия-звери спускаются в город,

Созвездия-птицы летят над домами,
Созвездия-рыбы скрываются в луже.
Все небо расцвечено их именами.
Я жизнь на земле им придумал не хуже.

Я август придумал с небесными тварями.
Он, даже не сбывшись, мне будет наградой, –
С бензиновой гарью, с увядшими травами
И с тайной за каждым кустом и оградой.

* * *

Дожди. Бесконечное лето.
А как рассказать о дождях,
Бродящих по городу где-то
В прозрачных и легких плащах.

Они замирают у дома,
Не в силах забыть ничего.
Им каждая мелочь знакома
На лестничной клетке его.

И долго бормочут у входа
На зыбком своем языке,
Что им надоела свобода
В неясном, пустом далеке.

Потом оставляют ступени,
Чтоб снова уйти в тишину.
И лиц моросящие тени
Бесшумно скользят по окну.

И станет темно и печально
В домашнем привычном тепле, –
Как будто увидел случайно
Свое отраженье в стекле.

СТАРЫЕ ДОМА

Молчат за листьями фасады
Домов в задумчивой тени.
И в час медлительной прохлады
Во все глаза глядят они.

В почти неуловимых взорах
Печальный предзакатный свет,
Как в старицких разговорах,
Знакомых им за много лет.

Когда зелеными дворами
С их шумом или тишиной
Идешь без цели вечерами, —
То кто-то дышит за спиной.

Да, кто-то здесь вздыхает рядом
И листья трогает рукой.
И странно так под тайным взглядом
В душе почувствовать покой.

И, задержавшись без причины,
Заметить, как в былые дни,
И потемневших стен морщины,
И в окнах первые огни.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Ветер гонит, волна за волной,
Поздний ливень, смывающий годы.
Старый парк, от озона хмельной,
Захотел небывалой свободы.

Корни вырвав из мокрой земли,
Закачались деревья, запели,
По дорогам куда-то пошли,
Запустили свои карусели.

И цветы открывали парад
Под веселые аплодисменты.
И оркестр гремел наугад.
И сверкали его инструменты.

А под утро все стихло опять.
Горизонт прояснился у края.
И асфальта блестящую гладь
Устилала листва, умирая.

ГОСТИНИЦА

Над гостиницей в центре квартала
Птичий гнезда, листва тополей.
К ней гудки долетают с вокзала
Вместе с ветром озер и полей.

За колоннами мрамор фасада.
Фонаря золотистый тюльпан.
У крыльца, где газон и ограда,
Одиноко бормочет фонтан.

Здесь, в конце двадцать первого века,
Под скульптурой бегущих детей
Старый робот с лицом человека
Принимает нечастых гостей.

И, пока не опущена штора,
Можно видеть, как в арку ворот
Выезжает такси без шофера,
И беседку, где чешется кот.

Можно в кресло присесть у кровати,
Посмотреть на аллею в огнях,
И, задумавшись, вспомнить некстати
О пропущенных в странствии днях,

Как людей заменили машины...
Распадалась с традицией связь...
Алкоголь... чудеса медицины...
Как манили и звезды, и грязь.

Стихи страсти. Осталось немного
Городов и людей на Земле.
Будто призраки мира былого
Дремлют пыльные письма в столе.

Вновь раскинулись звездные сети.
За дорогой мигнул светофор.
И бегут неподвижные дети,
Взявшись за руки, в темный простор.

Дышит воздух прозрачный и свежий.
Лунный полог упал на кровать.
Из прошедшего века приезжий,
Что ты так безучастен опять?

Твой билет на поездку сквозь годы
Был оплачен по счету сполна.
Ты, мечтавший о странах свободы,
Стал свободен как эта луна.

Льется с неба на стены молчанье.
В номерах и в фойе никого.
Изучив поездов расписанье,
Ты давно позабыл про него.

Можно ехать в Париж и на море,
Слезть на станции в диких песках.
Только... искрой в межзвездном просторе
Твой вагон затерялся в веках.

Превратиться бы в струи фонтана
И с детьми говорить до утра,
Легким сном водяного тумана
Оседая на плиты двора.

* * *

За автобусным тонким стеклом
То ли пух тополей, то ли выюга.
Светофор на углу. За углом
Мы уже не узнаем друг друга.

Там, в безудержной пляске реклам,
В мире празднично ярком и мнимом,
Резкий свет, с темнотой пополам,
По лицу растекается гримом.

Посмотри, по дороге земной,
Безразличной к ногам и колесам,
Едет клоун веселый, худой
И печальный с раскрашенным носом.

Хоть автобус – не цирк-шапито,
Да и зрители – клоуны тоже,
Но играть так не может никто, –
До тоски, до озноба по коже.

Светофор промелькнет как звезда.
Дверь скрипит и трястется от смеха.
Представление «жизнь» никогда
И нигде не идет без успеха.

* * *

Его не выразить словами.
Но чувство счастья для меня –
Как небо чистое над нами
У края пасмурного дня.

В нем столько радости и света,
Дыханье свежести такой, –
Как будто жизнь не знает эта
Ни тьмы, ни осени сырой.

А счастье там, за поворотом!
Асфальт блестящий как стекло
Вдруг приведет тебя к воротам
Страны, куда оно ушло.

Там все как здесь. И по-другому.
Там царство вечное его.
И ты идешь с улыбкой к дому,
Не узнавая ничего.

* * *

За все, что проходит — как странная плата,
Быть может, случайность и даже ошибка, —
На миг отразится в стекле циферблата
Признательной юности свет и улыбка.

Когда у дороги стоишь, ожидая
Привычный автобус, пропавший куда-то,
По пальцам вечерняя свежесть сырья
Скользит, как дыханье ее, виновато.

А день угасает в углу павильона.
Но в струях холодных огней непогоды
Опять ожишаешь от легкого звона
Рассеянных капель, летящих сквозь годы.

Как будто за взгляд на часы торопливый
Мне вечное что-то отклинулось взглядом, —
Как блеск фонарей в этот сумрак дождливый,
Как блики от фар, проскользившие рядом.

* * *

У дороги лежит, не взлетая,
Разучившись летать навсегда,
Легких листьев горящая стая,
Пролетевшая сквозь провода.

На стене голубеет известка,
Голубая вокруг глубина, —
Будто там, где асфальт перекрестка,
Возвращается в город весна.

Будто почки раскрыться готовы.
И, немного пригнувшись в седле,
Растеряв золотые подковы,
Снова скачет она по земле.

* * *

Людмиле Смолиной

На столе кофейник и газета.
Дверь полуоткрыта на балкон.
Песенка, которая не спата,
Долетает с четырех сторон.

Там, где сосен темные вершины,
С ней плывут, меняясь, облака.
С ней с утра до полночи машины
По шоссе идут издалека.

Снова осень тихими руками
Занавеску тронула едва.
Проквозив как тень под облаками,
Оживают на листе слова.

Что же нам желать еще на свете?
Только, чтоб играя у перил,
Теплый ветер, помнящий о лете,
Дверь для этой песни не закрыл.

* * *

Дым заката стоит у ограды
Опустевшего парка. На ней
Снова листья лежат, как награды
За количество прожитых дней.

Пусть не важная это причина,
Осень всех наградит просто так.
И какое ей дело до чина,
Для нее все заслуги – пустяк.

Ей не жалко медалей блестящих,
Орденов и значков золотых.
Осыпает она проходящих,
А потом забывает о них,

Под текущей легко и незримо
В красном дыме небесной рекой...
Обо всех, торопящихся мимо,
Орден клена смахнувших рукой.

* * *

Смеялись. Толкались плечами.
Домой собирались скорей.
Теперь же клубятся ночами
Их души в шарах фонарей.

И в городе вечно спешащем
Так странно растрачивать свет
Для тех, кто живет в настоящем,
В ком знанья о вечности нет.

Так странно душе и печально
Молчать позабытой строкой
И вспыхивать снова случайно
Под чьей-то небрежной рукой.

ЖУРАВЛИ У ТОРГОВОГО ЦЕНТРА

Мне жаль журавлей из металла –
Они не взлетят с пьедестала
Танцуют... На месте застыли...
Но дорог небесный порыв!

От шума, бетона и стали
Зовут их любимые дали –
Не могут забыть журавли
Своей журавлинной земли.

* * *

Под стылым ветром в окнах зданья
Погас последний взгляд зари.
Но дымный сумрак увяданья
Вдруг осветился изнутри.

Машина с дремлющим шофером.
...Как будто двор и детский сад,
Асфальт дороги на котором
Следы оставил листопад,

Скамья с раскрашенным сиденьем,
Трава под вкопанным столом –
Все стало легким сновидением
Того, чей профиль за стеклом.

Где кленов редкие вершины,
Сквозит и тает мир его.
Склоняясь на руль своей машины,
Он не запомнит ничего.

Так запутавший лист в полете,
Минутным счастьем, иногда
Мелькает в лаке на капоте
И пропадает навсегда.

* * *

Город стих, утомившись от гула.
День прочитан с газетных страниц.
Может быть, это жизнь промелькнула,
Будто стая неузнанных птиц.

Смолкли звуки случайного пенья.
В небе облако гасит звезду.
Мне не жаль моего поколенья,
Пусть уходит как свет в темноту.

Превращаясь в дома и дороги,
В шелест ветра и запах травы,
В ощущение тайной тревоги
От холодной, ночной синевы.

Память тает с годами земными.
Но меня обступили кругом
Те, кто тоже остались живыми
В незнакомом обличье другом.

Мы вернемся в огне одиноком,
Наши песни споют провода,
Чтобы в будущем, в мире далеком,
Вспоминали о нас иногда.

ПЁС ДОЖДЯ

У столба, где грязные собаки
Поднимают ноги, проходя,
Пробираясь, оставляет знаки
Зыбкий пес осеннего дождя.

Порожденный алкогольным бредом
Нищего, сидящего в углу,
Он идет за всеми нами следом
К свету и домашнему теплу.

Обернешься на его дыханье, —
Только дождь. И больше ничего.
Там погасло смутное сознанье
И ушло, с собой забрав его.

ОКРАИНА

Текучие блики вечернего света
Скользят по домам, фонарям и рекламам.
Опавшие листья недавнего лета
Смешались с землей и строительным хламом.

Окраина города пахнет бетоном,
Асфальтом и горьким дымком новоселья.
И я, проходя под растрепанным кленом,
Пойму его дрожь и волненье веселья.

В подъезды заносят шкафы и кровати.
Сидит на скамейке девчонка с корзиной.
И чья-то собачка сбежала некстати,
И носится с лаем за каждой машиной.

Еще не развернуты шторы, как флаги.
И ветер, колючую пыль поднимая,
Забросив в кустарник обрывок бумаги,
Коснется лица дуновением мая.

Как будто я снова вернулся к началу,
Его узнавая по тайным приметам.
...Но свет, убывающий мало-помалу,
Печально напомнит совсем не об этом.

* * *

Тихий дворик. Дорога сырая.
Были в луже скамейка и свет.
Да, я здесь проходил, вспоминая.
Здесь я понял, что времени нет.

Полуспущеный шарик воздушный,
Позабытый, лежит под кустом.
Летний вечер, спокойный и душный,
Стал осенним в пространстве пустом.

Падал снег. И ложился. И, тая,
В блеске луж сохранял синеву.
Эта истина слишком простая, –
Что на свете я вечно живу:

Стариком на подсохшей скамейке,
У которого все позади,
И ребенком, в игрушечной лейке
Грозовые несущим дожди.

Только истина слишком простая
Не бывает такой никогда.
И скамейка сегодня пустая...
И, как небо, пустая вода...

НОЯБРЬ

Пустое солнце ноября
Стоит над городом пустым.
Какая поздняя заря!
И небо – дым. И время – дым.

Холодный марсианский свет.
А город стар и незнаком,
Как будто миллионы лет
Багровой пылью дремлют в нем.

Как будто всех нас нет давно.
И только в память прежних дней
Ложатся молча на окно
Косые полосы теней.

Пропавших бабочек леса –
Бурьян хранит их легкий прах.
И с ветром бродят голоса.
И замирают во дворах.

ОСЕННИЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Снова падают листья, мелькая
Возле крашеных стен в тишине.
И вечерняя даль голубая
Отражается в каждом окне.

И на миг, от высокого света,
Проясняется их глубина.
Но всегда, как вопрос без ответа,
Не бывает прозрачна до дна.

Там, за тонкими стеклами в рамках,
Кто-то осени смотрит в глаза.
Но в летучих ее телеграммах
Неразборчивы все адреса.

И молчат одинокие тени
Всех ушедших, забытых давно.
В тусклых листьях асфальт и ступени.
Небо гаснет. И в окнах темно.

ГОЛОС

Поздний вечер. Туман невесомый.
Ты идешь, возвращаясь домой.
Тихий голос, совсем незнакомый,
Вдруг окликнет тебя за спиной.

Ветки мокрой березы повисли
Там, где стекла витрины и мрак.
...И сбываются привычные мысли, —
Будто что-то не вспомнишь никак.

По дороге от встречной машины
Пробегает стремительный свет.
Но никто не стоит у витрины.
И прохожих поблизости нет.

И почувствуешь вдруг сожаленье
Неизвестно зачем и о чем,
Видя лужи и капель кипенье
Под горящим во мгле фонарем.

* * *

Как нищим у стен подаянье
Мне ветер бросает листву,
Растратив свое состоянье.
А я на него проживу!

Над шумной толкучкой базара
В березах сквозят облака.
И с пыльной плиты тротуара
Листок поднимает рука.

Его неразменной монеты
Мне хватит во все времена
На луж голубые просветы
И солнечный отблеск окна,

На крики веселой гулянки
И музыку где-то вдали,
На пестрое счастье цыганки,
Гадающей всем за рубли.

Он высохнет в старом блокноте,
Где память о ветреном дне,
О лицах толпы, о полете, —
В стихах, не удавшихся мне.

* * *

Я боялся, что время пройдет.
Что я сам ничего не замечу.
...Но опять, осветив поворот,
Фонари выбегают навстречу.

Стало рано темнеть во дворе,
Как всегда в этот месяц темнело.
Те же листья в сыром серебре.
Тот же дождь моросит то и дело.

Так же в лужах чернеет вода.
Облетают кусты у бордюра.
И в далеком окне, как всегда,
Фиолетовый круг абажура.

Силуэты безвестных людей,
Как слепые летучие мыши,
Промелькнув у знакомых огней,
Ускользают за мокрые крыши.

И тревожно мелькают опять
Под холодные звоны капели —
Будто тщетно желают понять,
Что при жизни понять не успели.

* * *

Огонь заката за дворами.
В огне осенние дворы.
И за дымящими кострами
Живут забытые миры.

Сверни за угол длинной тенью,
Шагни растерянно туда.
И ты увидишь путь к спасенью –
Небесный свет сквозь провода.

Он озаряет туч вершины,
Как много лет тому назад.
И на асфальт, и на машины
Роняет листья листопад.

На «Запорожцы» и «Победы»
Ложится прежняя листва.
...Где эти радости и беды,
И отзывающие слова?

Спеша, народ проходит мимо.
И ничего за дымом нет.
Но все хранит в себе незримо,
Струясь у стен, небесный свет.

* * *

Здесь лето шумело, здесь осень мерцала,
Но в грязные лужи заброшены маски,
Но кончился, кончился срок карнавала.
Как быстро погасли веселые краски!

Но кончился, кончился срок разрушенья,
Развеялся дым отгоревшего фронта.
И солнце, разлившее банку варенья,
Упало в него за чертой горизонта.

Темно и пустынно. И под фонарями
Прохожим мерещится в мороке света
Как птица-синица живет за морями
Среди «Мерседесов» и вечного лета.

Им хочется жизни такой же серьезной,
Гонять «Мерседесы», кусая бананы...
И снова из света в мир ночи беззвездной
Ныряют, как пальцы в пустые карманы.

А ветер швыряет и крутит бумажки,
Цветные обрывки, остатки веселья,
И, видимо, не обещая поблажки,
Свистит над ларьками и плачет с похмелья.

* * *

Ветер крутит сальто акробатом
Во дворе на ржавом турнике.
Каждый ловко пойманный им атом
Катится по призрачной руке.

Он бросает их и ловит снова,
Создавая контуры миров.
А когда вселенная готова,
Жизнь в нее вдохнуть он не готов.

И плывут, клубясь, прозрачным дымом
Легкие, холодные миры,
На своем пути неуловимом
Оставляя темные дворы,

Где стихает ветер понемногу,
Неудачу позабыв свою.
И ложатся листья на дорогу,
На траву, на мокрую скамью.

КОРАБЛИ

Дни спокойные. Ночи пустые.
И стоят во дворе за окном
Не деревья, а мачты кривые
Кораблей, обреченных на слом.

Вы зачем в эту гавань приплыли?
Вы же птицы свободных морей!
Не поднять вам из грязи и пыли
Проржавевших своих якорей.

Вы же знаете, знаете сами,
Что свобода не сон, не обман.
Посмотрите, как низко над вами
Бесконечный горит океан.

МУЗЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ,
КОГДА-ТО УКРАШАВШЕЙ
ГОРОДСКОЙ ФОНТАН

Ты скверик запомнишь едва ли
И редкие встречи вдвоем.
Деревья листву побросали
В забытый, пустой водоем.

Настала пора расставанья
С придуманным миром. И ты
Ушла за соседние зданья,
Где яркой рекламы щиты.

Пусть в юности бредят стихами, —
А с возрастом это смешно.
И вслед за твоими шагами
На улице стало темно.

Газеты в соседнем киоске
Расскажут для всех обо всем.
Но где, на каком перекрестке
Твой облик мелькнул под дождем?

Но только совсем не об этом
Кричат заголовки газет
Под резким, мелькающим светом.
А прежнему отклика нет.

* * *

*«Не сами ль мы своим воображеньем
Жизнь создаем, к бессмертию идя».*

К. Фофанов

На траве и на дороге
Мокрый снег и тишина.
Где-то в облачном чертоге
Скрылась сонная луна.

Городских огней движенье.
Фонарей застывший лак.
Что же ты, воображенье,
Не рассеешь этот мрак?

Пятна света как сороки
Что-то ищут под стеной.
Вспомнил Фофанова строки
Про такой же час ночной.

Резкий ветер по аллее
Гонит изморось во тьму.
Все же стало чуть теплее
Неизвестно почему.

* * *

Оранжевый залив дороги.
В последнем свете ноября, —
Мой год, мой век, твои итоги,
Твоя сквозящая заря.

Дворы прозрачны и безмолвны.
Но, может, показалось мне,
Что будто каменные волны
Бегут под ноги в тишине.

Сквозь этот день, такой недлинный,
Сквозь блеск холодный вижу я
Песчаный остров муравьиный,
Где потерялась жизнь моя.

Где с этим годом, с этим веком
Она бредет наедине
Как тень с далеким человеком
В полупридуманной стране.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР

Люди входят в мир многоэтажный,
В зданье из бетона и стекла,
Где в углах таится сумрак влажный,
Сонный от дыханья и тепла.

Волны нетускнеющего света,
Блеск витрин с изломами теней –
Сказочная новая планета
Во вселенной уличных огней.

Где-то звуки музыки и пенья,
Мебель, обувь, яркий абажур, –
Жизнь вещей в Музее Воплощенья
Для случайных восковых фигур.

Светом электрическим согреты,
Перейдя в совсем другой предел,
Души, воплощенные в предметы,
Долговечней ненадежных тел,

Тех, что снова открывают двери,
Исчезая в шуме городском.
...Музыка не чувствует потери
И не вспоминает ни о ком.

* * *

Спокойного неба сиянье.
И музыка издалека
Забывшая про расстоянье.
Как легкая жизнь коротка!

И полупустая аллея.
И тающий лист у лица.
И ты, ни о чем не жалея,
Проходишь по ней до конца.

Пройдешь под облупленной аркой,
А дальше – огонь синевы.
В дали ослепительно яркой
Ни музыки нет, ни листвы.

Она никому не знакома.
И нам остается одно
Предчувствие близости дома,
Который оставлен давно.

* * *

Ставил ногу я в детское стремя
Карусельного злого коня.
Но по кругу скакал он, а время
По дороге ушло от меня.

По дороге, по тихой аллее,
Где скамейки в тени и цветы,
Где сегодня немного светлее,
Потому что желтеют листы.

Незнакомое чувство смиренья!
И волнения прежнего нет.
Я найду колесо обозренья
И куплю себе новый билет.

И уже по-другому увижу
Тот, манивший когда-то, простор,
Уходящий за дальнюю крышу
И за дымку синеющих гор.

* * *

Мне осень казалась спасеньем
От жарких, скучающих дней.
Но в меркнущем свете осеннем
Я часто не думал о ней.

И лист, подлетев, виновато
И робко толкался в рукав.
А я торопился куда-то,
Улыбки ее не узнав.

Конечно, веселого мало, —
Что в спешке теряешь года,
Что люди проходят устало
И дождь моросит иногда.

И ржавых качелей скрипенье.
И здесь, на площадке пустой,
Покажется вдруг на мгновенье, —
Что всё уже там... за чертой.

Что мы — бесприютные тени
У мокрых кустов и дверей.
И лица других поколений
Мелькают в огнях фонарей.

XXI ВЕК

Мерцающий вечер. Реклама
Кричит, рассыпаясь огнями,
Что жизнь – не печальная драма,
А сказка, которая с нами.

Что в этих витринах блестящих –
Сиянье желанного рая,
И манит к себе проходящих,
Их лица в стекле отражая.

Теряются тени цветные
Среди бесконечных товаров.
И сумерки смыты земные
С горящих огнем тротуаров.

О прошлом не думать в тревоге,
Забыть о далеком – не сложно.
По этой веселой дороге
Идти, не задумавшись, можно.

И блики на глянце бумаги,
На вате фальшивого снега
Мелькают как красные флаги,
Как пламя двадцатого века.

* * *

Луна стоит над крышей дома,
Холодная, как снежный ком.
Мне эта улица знакома.
Мне этот город не знаком.

Ныряя под забор убогий,
Блестит тропинка из песка.
Для сокращения дороги
В заборе выбита доска.

Там лунных снов колышут сети
Давно прошедшие года,
Как будто переулки эти
Их сохранили навсегда.

Так бессознательно-тревожно
Они томятся в тишине,
Когда проснуться невозможно
И невозможно жить во сне.

* * *

Снова упали снега,
Преодолев расставанье.
И, затопив берега,
Белое дремлет сиянье.

Светлые тени от штор.
Снова прошедшие годы
С нами ведут разговор.
Вечная тема свободы!

Будто возможно опять,
Все начиная сначала,
Времени не замечать.
Будто душа не устала.

Снова мечтает она,
Снег загребая ногами,
Где-то бродить дотемна,
С детством бросаться снежками.

* * *

Над низкой оградой больницы,
Оставив в сугробах следы,
Летают тревожные птицы
В предчувствии чьей-то беды.

И в утренней дымке мороза,
За тканью светлеющих штор,
Видением после наркоза
Всплывает из сумрака двор.

И чистые краски рассвета,
Огнем разливаясь вокруг,
Страной небывалого лета
Кому-то покажутся вдруг.

Как будто пройдя сквозь ограду
И мир заметенный зимой,
Идет он по летнему саду,
К себе возвращаясь домой.

* * *

Дни еще убывают. А полдни
Бледно-желтые в первом снегу.
Ты мне, память, об этом напомни,
А не хмурую, злую пургу.

Да и что непогода слепая,
Если в солнце неярком дворы
Через время плывут, проступая
Из далекой, забытой поры.

Там, в подъезде, открытые двери
Утопали в потоках лучей.
Как же я не заметил потери?
Да и мир стал какой-то ничей.

Раньше был он моим без предела,
Безмятежным, прозрачным до дна.
Через окна и двери глядела,
Проливалась его глубина.

Озарялась слабеющим светом
И неслышимой песней его.
Ты мне, память, напомни об этом.
Больше я не хочу ничего.

* * *

В городе моих воспоминаний,
Медленно кружась у фонарей,
Выпал снег задумчивый и ранний,
Заблестел следами у дверей.

И в его мерцании неярком,
Там, где фар проскальзывает свет,
Под луной, скучающей над парком,
Оживают лица прежних лет.

У ограды тихая аллея
Потеряла в сумерках следы.
И на ней, сугробами белея,
Спит фонтан, забывший плеск воды.

Неподвижно спят аттракционы,
Слыши смех и музыку во сне.
У дорог ларьки и павильоны
Ничего не предлагают мне, —

Чтоб ушел я мимо темных зданий,
По следам ведущим никуда,
Из страны своих воспоминаний.
И нечасто заходил сюда.

* * *

Скамейки в снегу по колени.
И низкое солнце, горя,
Бросает прозрачные тени
В пустынных дворах января.

Пронизанный светом холодным,
Дыхания тающий дым
Плывет к тротуарам свободным,
К домам и деревьям седым.

И снег ослепляет огнями.
И в окнах мелькают огни.
И видно, как с прежними днями
Сливаются новые дни.

Пройдя у замерзшей машины,
С тревожной печалью не спорь,
А лучше сквозь ветви рябины
Смотри, как на улице зорь,

Над камнем и льдом парапета,
Забывший про тысячи лет,
В потоках вечернего света
Струится немеркнущий свет.

* * *

Мерцанье морозного, ясного неба.
И отблеск заката на чистом снегу.
И ветер. И запах бензина и хлеба.
И все, что люблю. Но понять не могу.

Горящие окна. Спокойные шторы.
Счастливые сказки, печальная быль,
И звуки смеха, и все разговоры
Летят и сверкают как снежная пыль.

И хочется верить, что жизнь не случайна,
Что, даже растаяв как выпавший снег,
Она прорастет как бессмертная тайна,
Как вольный, веселый, весенний побег!

* * *

Здесь звездный мир над тополями.
На краске стен потеки лет.
И под забором со щелями
Упал на снег оконный свет.

Я в этот город трехэтажный
Зашел опять среди огней,
Где в темных ветках змей бумажный
Застрял как память летних дней.

Он вместе с тополиным пухом
Плыл в синеве, не зная зла,
И всем казался добрым духом
Свободы, счастья и тепла.

Все это так невозвратимо.
Дома не помнят ничего.
И я, пройдя спокойно мимо,
Не оглянулся на него.

СУГРОБ

Сугроб, на скамейке забытый,
Всю зиму провел в полусне.
Как грязный бродяга небритый
Совсем разболелся к весне.

А тут еще солнце пригрело,
Грозя неизвестной бедой,
И грузное, рыхлое тело
Налилось свинцовой водой.

И даже не зная про лето,
Про то, что слабеет зима,
Он, видимо, чувствует это
И медленно сходит с ума.

И память расплылась, теряя
В намокшей, тяжелой тени –
Как юность, как отблески рая –
Морозные, ясные дни.

* * *

Опять в пустом углу черновика,
Который весь исчеркан безнадежно,
Рисуешь силуэт снеговика
Почти поверив, что еще возможно
Вернуться снова в тот далекий двор,
Где зимний день и школьные уроки,
Откуда начат этот разговор,
И там найти потерянные строки...

* * *

Ночные тени прячутся за угол –
Переходя поток метели вброд.
...Где мэрия, а где театр кукол
Незримый перепутал кукловод.

Он позабыл, кому на сцену выйти.
И, затерявшись в снежной толчее,
Спускаются серебряные нити
Сквозь крышу в кабинеты и фойе.

И, как миры из вакуумной пены,
Рождаются в лучах прожекторов:
Столы и стулья, жалюзи и стены,
Проемы окон с глубиной дворов.

Скрывают двери деловые звуки:
Негромкий голос, торопливый шаг.
Приносят чай. Раскрыты ноутбуки
Среди брошюр и папок для бумаг.

Тая почти шекспировские страсти,
Застегивая куртки и пальто,
Здесь монологов о деньгах и власти
В метельный зал не говорит никто.

А поздний снег, тревожен и неярок,
Как сонмы лиц летит из темноты
И заметает стекла иномарок,
Колонны зданий, ели и кусты.

* * *

Мир памяти слаб и нестоек.
Но я позабыть не смогу
Как солнце среди новостроек
Сверкало на свежем снегу.

И окна слепили сиянем
Коварной, живой синевы,
Которая высшим сознанием
Касалась моей головы.

И время ложилось как плиты,
Росло на глазах у меня.
И в воздухе были разлиты
Все краски и радости дня.

Уже намечались аллеи
И площади будущих лет.
И кранов железные шеи
Пронизывал утренний свет.

Все молодо было и ново —
И небо, и город земной.
И самое первое слово
Летело как дым надо мной.

* * *

О, улица Воскресенская,
Спаси... воскреси меня!
Такая метель вселенская
И сумрачный призрак дня.

Не людям, идущим тропами,
А мне на ветру скажи:
За зданьями, за сугробами
Где скрылись твои стрижи?

Всё отдано плену снежному...
И ты не ответишь мне:
Увижу ли я по-прежнему
Их быстрый полет в окне,

Узнаю ли свежесть майскую
И в облаке горний свет,
И бабочку ту китайскую,
Что нам завещал поэт.

ЗЕБРЫ

В снегу тополиной аллеи,
Встречая знакомый закат,
Склонив полосатые шеи,
Бесплотные зебры стоят.

О, зебры, волшебные кони
Из детства, из солнечных снов!
И льдинки как соль на ладони
Я вновь предложить вам готов.

Я рад вас увидеть как прежде
В какой-то немного смешной,
Наивной, неясной надежде,
Что вы возвратились за мной.

КАРУСЕЛЬ

Седые вихри мчатся за окном.
Но все равно они не постарели.
Опять на них, в пространстве ледяном,
Я покатаюсь как на карусели.

Я полечу у окон... никуда
В переплетеньях невесомой стали.
Не так ли наши кружатся года
И возвращают все, что потеряли?

Я все найду, я все возьму с собой
До самого последнего мгновенья,
Летя на карусели голубой
И опьянев от счастья возвращенья.

И будет мир по-прежнему знаком.
И будет жизнь по-прежнему знакома.
Седые вихри мчатся за окном.
И я смогу. Я выбегу из дома!

ПРЕДНОВОГОДНÉЕ

Среди предпраздничной толкучки,
В плену торговой суеты
И нерастраченной получки,
Зачем так долго ходишь ты?

Зачем глядишь не без тревоги
На солнце зимнее, с витрин
Текущее по льду дороги
Из магазина в магазин?

В толпе спешащего народа,
Придерживая дверь опять,
Какие дни, какого года
Тебе хотелось отыскать?

Зачем? Ты сам не знаешь даже...
Среди привычной тесноты
Нигде на этой распродаже
Нет ничего, что ищешь ты.

* * *

Березы пустого бульвара
Не верят его тишине
И стынут в предчувствии дара,
Такого понятного мне:

Когда, разрисованный мелом,
Оттаёт асфальт у стены,
Ожить, ощущая всем телом
Вернувшийся ветер весны.

Рванутся, почти без сознанья,
Не чувствуя тяжести лет,
В простор над антеннами зданья,
Где счастью названия нет.

||



ЗЕМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

* * *

Показалось, что птицы запели.
Я не слышал таких никогда.
Это голос прозрачной капели,
В легких скачущих бликах вода.

Разве птицы из ветра и света
Прилетают сюда, под окно?
Нет. Там лужи и песенка эта,
Солнце, снега сырое зерно...

* * *

От талого снега в низине
Блестит ледяная вода.
Там месяц причалил к осине
У кромки прозрачного льда.

Он с неба спускается ради
Недолгих весенних ночей.
На темной мерцающей глади
Колышутся весла лучей.

С него незаметные тени
Выходят на берег земной
И смотрят, как сонмы растений
Слежавшийся рвут перегной.

Забыв о далеких могилах,
Не трята бессмысленных слов,
Вздыхают, вернуться не в силах,
Среди посветлевших стволов.

* * *

Белый храм – одуванчик России!
Мне легко от твоей красоты.
Твой огонь, укрощавший стихии,
Пропадет как живые цветы.

Потому что кончается детство.
Потому что как детские сны
Выцветает любое наследство
Позабывшей себя старины.

И в безжалостном мире природы
Как редеющий утром туман
Не закроет печальной свободы
Утешающий душу обман.

Смотрят молча пустые глазницы
Из забытых могил в высоту.
А над куполом кружатся птицы.
Звездный сад застывает в цвету.

ЧЕМОДАН

В открытом старом чемодане
Среди вещей забрезжил свет —
Проплыли дом и двор в тумане
Каких-то пережитых лет.

Туман растаял понемногу.
...И вдруг я понял, что иду
И вижу мокрую дорогу,
Скользя с прохожими по льду.

И прежний ветер дует в лица.
И вновь, смелая от тепла,
На ветке тренякает синица
Что море неба подожгла.

Так забываться невозможно!
Опять сгущается туман...
Закрыв, легко и осторожно
Поставлю в угол чемодан.

Как странно там снега сверкали...
Но давним запахом весны
Пусть не тревожат эти дали.
И спят в кладовке у стены.

* * *

Теплый ветер над снегом талым.
Над домами прозрачный свет.
И живу я вот этим – малым,
Неизменным за столько лет.

Снова воздух вдыхая влажный,
Я сегодня доволен всем.
Воробей, как чиновник важный,
Не глядит на меня совсем.

Я запомню и позабуду
Все, что кончится в свой черед.
Отсверкает капель повсюду.
На дорогах расколют лед.

Но останется течь по кронам
И цепляться за провода
В стеклах, в небе сине-зеленом
Эта музыка навсегда.

ВЕСЕННЕЕ ПЛАВАНЬЕ

Далекого детства привычку
Напомнит сиянье лучей, —
И я обгоревшую спичку
Бросаю в холодный ручей.

Плыви, как корабль Одиссея,
Тебя еще ждут чудеса,
Веселыми брызгами сея,
Пусть ветер летит в паруса.

Пусть боги смеются, пируя,
И чаши сдвигают, звеня.
Еще постою на ветру я.
Но он не окликнет меня.

Плыви по созвездиям тайным
Туда, где родная страна,
Заливам и землям случайным
Давая свои имена.

* * *

А воздух! Он как в ручьях вода.
Плесни мне в лицо водой,
Апрель! Проходят мои года,
Но ты всегда молодой.

Ты не откроешь мне свой секрет, —
Источник зеленых сил.
Ты ничего не сказал в ответ,
Как будто я не просил.

Когда-то вдохнул я в свой первый раз
Твой воздух. Он так же тёк.
Быть может, коснувшись прикрытых глаз,
Последний мне дашь глоток.

Легко улыбаться сегодня мне,
Ждать праздника и беды
От этих «зайчиков» на стене,
От горькой твоей воды.

* * *

Когда опять из синевы и дали
Над снегом встанет светлый храм весны,
Я вспомню все, что мне пообещали
Лесные боги, выйдя из сосны.

И вот весна, весна в лесу сосновом –
Неясный гул, зеленая вода.
И я спешу узнать о чем-то новом,
О чем не думал раньше никогда,

Коснуться стен замерзшими руками,
Где на известке тени от стволов,
И, голову подняв, за облаками
Услышать перезвон колоколов.

Но не пройти – затоплены дороги.
Не виден храм в огне земного дня.
И где же вы, неназванные боги?
И чем хотели удивить меня?

* * *

Деревья – виденья Корана –
Арабский сплели алфавит,
Где неба открытая рана
Над тающим снегом сквозит.

И мудрость Евангелий снова
Капель выбивает в снегу.
Но эти мистерии слова
Я больше читать не могу.

Не лучше ли свежесть сомненья
Как ветер и свет в облаках,
Как мир пробужденья и тленья,
Оставивший всех в дураках.

О, гении прошлых столетий,
Писавшие эти листы!
Вы жили наивно, как дети,
Смеясь и боясь темноты.

А небо сегодня – как прежде.
И в знании та же печаль.
И то же спасенье – в надежде.
И всех нас по-прежнему жаль.

* * *

Пока еще лежат в листве истлевшей
Оставшегося снега острова.
Но вновь, не зная смерти надоевшей,
Печально голубеет сон-трава.

И в тишине, когда скользят по кронам
Луки весны, забыв небытиё,
Встречают их неуловимым звоном
Глухие колокольчики ее.

Так сны земли выходят в дымке вешней
Из глубины, всегда хранящей их,
И обещаньем красоты нездешней
Соединяют мертвых и живых.

И кажется в минуты примиренья
Что, проходя по лесу, видишь ты
Не слабые обычные растенья,
А высшей жизни вечные цветы.

* * *

Тихий вечер. Первое тепло.
Снега нет почти уже нигде.
Солнце закатилось тяжело
В темной луже, в ледяной воде.

Для чего на свете столько слов?
Для кого, зачем они нужны?
Млечный Путь, не зная берегов,
Затопил, разлившись, полстраны.

Половодье неба и земли,
Половодье запахов весны, —
Чтобы зеленели и цвели
Эти ветви около стены.

Чтоб они, оперившись едва,
Повторяли прежние слова.

* * *

Куда уходит вешняя вода,
В какую даль живых перерождений?
Там, в облаках, играет иногда,
Спускаясь к нам, большой ансамбль весенний.

Опять капель и солнечный туман.
И, по дворам блуждающий без цели,
Сбежавший от присмотра барабан
Заговорит на языке капели.

И я хотел бы понимать как он
Значенье слов бессмысленно-счастливых,
Что так звенят, блестя, со всех сторон,
Как будто знал я, знал, но позабыл их.

* * *

Размыли ручьи по оврагам
Безмолвные тайны земли,
Которые годы бумагам
Доверить еще не смогли.

О ветре сказать мы сумели,
О солнце весеннем и льде,
В разливах ползущем на мели,
Ломаясь в холодной воде.

Открыли нам бездны глухие,
Где нет никаких новостей, —
Чешуйки хитина сухие,
Траву и осколки костей.

Но не было слов о надежде —
Далекой, единственной, той...
Они ускользали и прежде,
Как парус за синей чертой.

* * *

Эти тучи растают как лед.
И в открывшемся море без дна
Свой бессмертный кораблик вперед
По волнам отправляет весна.

Попрощаемся — те, кто ушел.
До свидания — те, кто устал.
Вам могильной ограды металл.
Вам кровать и обеденный стол.

Даже память о вас не нужна.
И вбегают на борт корабля
Те, кого принимает весна.
Те, кого отпускает земля.

* * *

С утра под деревьями стынет вода
И плещется солнце, играя.
Там кто-то нездешний забыл навсегда
Ключи от небесного края.

Я снова поверю такой синеве,
Удаче почти невозможной, —
Пойду, посмотрю в прошлогодней листве
И в робкой траве придорожной.

Так в детстве упавшую ищут звезду,
Так в юности верят чему-то.
И пусть только хлам позабытый найду —
Все ветром и временем сдuto.

Но как же легко этим ветром дышать,
Уже ничего не желая.
И шум наплывающий слушать опять,
И дальние звуки лая...

* * *

Ни прошлого, ни будущего нет.
Есть только яблонь мимолетный свет.

Они цветут в весенней синеве,
Не помня об асфальте и траве.

Не ты их видел в прежние года.
Ты был другим. Был мир другой тогда.

А в будущем... кто может предсказать,
Что ты увидишь этот свет опять?

Не опуская торопливых глаз,
Иди, смотри, живи в последний раз.

ФОНАРЬ

На улице вечер весенний.
Фонарь у скамейки пустой
Горит как задумчивый гений
В листве неизменно густой.

Он видит насквозь. И до дрожи
Тревожит молчаньем своим.
И сумерки снова похожи
На времени тающий дым.

Присев на скамейку беспечно,
Не хочется верить ему, —
Как будто все это навечно,
А значит спешить ни к чему.

Не чувствовать, видя волненье
И трепет листвы у огня,
Как медленной жизни теченье
Уносит скамью и меня.

ПРИЗРАК

Ночь. И звезды сверкают как прежде.
И, видением давней весны,
Смутный призрак в бесплотной одежде
Одиноко молчит у сосны.

Лунный луч, невесом и прозрачен,
Тронул лист над моей головой.
И стою я, тревогой охвачен,
На тропинке, заросшей травой.

Что хотел он сказать мне молчаньем
И внимательным взглядом своим?
Но, застигнутый светлым сияньем,
Отступил и растаял за ним.

Все заснуло. Ни звука, ни слова.
Может, был я в стране неземной?
Или это черемуха снова
Зацвела у опушки лесной...

* * *

Склоняются деревья на ветру.
Прозрачных листьев легкую игру
Часами я готов смотреть, когда
В них свет и тень мелькают как года.

То стихнут листья, то звенят опять.
Никто им не прикажет замолчать.
Смотрите, как свободен их полет!
Так сердце замирает и поет.

И по корням, из вечной глубины,
Текут к нему таинственные сны,
Соединяясь с вымыслами дня.
Оно томит и радует меня.

Шумите, листья, весело, пока
Так синева светла и глубока.
И воздух свеж. И дождь прошел вчера.
И ветру не наскучила игра.

СВЕТ И ТЬМА

Снова небо кистями сирени
Зацвело в беспокойной листве.
Блики света и гибкие тени
Заскользили по влажной траве.

И о вечных трагических силах
Не подумаешь, глядя на них.
Как играют они на могилах,
На дорожках, на лицах живых...

* * *

Тучи пахнут дождем и полынью.
Только после весенних дождей
Небо светит томительной синью.
Будто мир этот – не для людей.

Для чего мне цветение мая?
Красота уходящего дня?
И готов я молчать, понимая,
Что природа не знает меня.

Что рождаются достойные знанья
И любви через тысячи лет.
И улыбка ее ожиданья
Излучает безжалостный свет.

* * *

Снег переходит в дождь.
Тьма переходит в свет.
Слово горчит как ложь.
С ветки сорви билет.

Этот листок живой –
Пропуск в счастливый мир,
Плещущий синевой
В окна любых квартир.

Он беспощадно нов.
В грохоте свежих гроз
Будет не слышно слов,
Будет не видно слез.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Когда игрушечные солнца
Сверкают в каплях на окне –
Они как огненные кольца
Звенят и падают во мне.

И сердце падает как в бездну.
И запах быстрого дождя
Мне говорит, что я воскресну,
Из мира в мир переходя.

Что будет жизнь везде знакома
Как туч молчащих острова,
Как эта первая, у дома,
Полузабытая трава.

СВИРЕЛЬ

Где долбит сугробы капель
И плавают сосны в тумане,
Весной прорастает свирель
В пустынном лесу на поляне.

И ветви склоняются здесь,
В жару, над цветеньем и тленьем,
Где дремлет зеленая весть
Простым, невысоким растеньем.

Кто, срезав случайно, ее
Очистит от листвьев и сора, —
В ней имя услышит свое
Гуденьем соснового бора,

Задумчивым плеском волны,
Дыханьем небесной равнины
И стоном лесной тишины,
Попавшейся в сеть паутины.

Весь мир отзовется ему,
Как эхо, от края до края.
И станет он равен всему, —
Себя самого забывая.

* * *

Птицы возвращаются не с юга,
Птицы возвращаются с небес.
И глядят враждебно друг на друга,
Заселяя пригород и лес.

Роясь в кучах мусора и пыли,
Ищут пропитанья и жилья.
Как же так вы быстро позабыли
Облачные дальние края?

Столько лет глотаю эту пыль я,
Что сроднился в чем-то с ней уже.
Вы забыли, для чего вам крылья,
Я забыл о собственной душе.

О ее таинственной свободе,
Для которой крылья не нужны.
...И тревожит птиц на огороде
Пугало с Рубцовской стороны.

* * *

Намокли тенистые крыши.
И свежий озон грозовой
Стекает под арки и в ниши
Домов и оград за листвой.

Свернув в переулок знакомый,
Пройди сквозь зеленый туннель
В мелькающий мир невесомый,
Где падает в лужи капель.

Сквозь камень пропустит основа
Прозрачней, светлее стекла.
Там жизнь возвращается снова,
Какой она прежде была.

Там все позабытые годы,
Пролившись коротким дождем,
Дают ощущенье свободы,
Который мы даже не ждем.

* * *

Этот запах пчелиного рая,
Эти белые тени цветенья
Переходят в слова, умирая
Между строчками стихотворенья.

Возвращается снова и снова,
Звонким небом весенним согрето,
Только то, что живет и без слова.
Жаль, что мне не обещано это.

* * *

Над крышей, в скворечнике старом,
Где тающих звезд леденцы,
Вы жили когда-то задаром,
Стихи мои — птицы-скворцы.

Вы пели, смеялись, болтали,
В скандалах срываешься на крик.
Я думал, что, все же, едва ли
Пойму ваш беспечный язык.

В нем было дыханье метели
И вкрадчивый шорох листвы.
Когда же в окно залетели,
Случайно открытое, вы?

Теперь, задержавшись в квартире,
Почти научились молчать.
А в солнечном, ветреном мире:
Свобода, простор, благодать.

ГОРИЦВЕТ

Земные звезды горицвета
Горят и светятся в траве.
А рядом первый месяц лета
Туманы прячет в рукаве.

Ложится время легкой тенью
В краю зеленой тишины.
Пока беспечному цветению
Воспоминанья не нужны.

Потом ты вспомнишь это царство
И эти образы его.
Но память – горькое лекарство –
Не исцеляет никого.

И никому спасенья нет...
Гори, гори, мой горицвет!

* * *

Свежий ветер с северо-востока.
Облака спокойны и чисты.
Как река у светлого истока,
Время, губы обжигаешь ты.

Пусть течет до головокруженья
Надо мной другая синева,
Пусть играет струнами теченья
Яркая весенняя листва.

Может, с ней я все начну сначала
Здесь, где снова праздничный народ,
И стоит у вечного причала
Каждый дом как белый теплоход.

Можно улыбнуться на прощанье
Этим мыслям, уловив опять
В шуме ветра то же обещанье.
Но его, конечно, не понять.

* * *

За лесополосой, сквозящей
Дыханьем светлой глубины,
Живет волненье настоящей,
Не пережитой мной весны.

Весны не Тютчева, не Фета.
Ни прошлых лет, ни старых слов
Не повторяет песня эта
Ее проснувшихся ветров.

ПЕСНЯ

Весна, ты стара, но старость
Твоя не бессильна, — нет!
Да разве поймет усталость
Летящий как ливень свет.

У дома скворечник снова,
Открыв пересохший рот,
Беззвучно, не зная слова,
О чем-то своем поет.

Так явственна песня эта
В полуденной тишине.
Она еще не допета
Дворам, облакам и мне.

* * *

Дай руку твою, Мнемозина,
За взгляд мимолетный один
На утренний двор магазина,
Где хлеб разгружают с машин.

Под крышей в небесном покое
Наполнено солнцем стекло.
И запах земной, и такое
Прозрачное в мае тепло.

Дорога из легкого света
Ведет до ограды и ввысь.
Богиня, с улыбкой привета
На просьбу мою отзовись.

Дай руку. По этой дороге
Тогда я пойду за тобой.
Нам всем достается в итоге
Не хлеб, а простор голубой.

* * *

Какой простор, какая глубина!
Полет стволов и крыш под облаками.
Привет тебе, бездомная весна,
Я за углом твой луч поймал руками.

Не в первый раз, с открытой головой
Бродя по непросохшим тротуарам,
Хотел увидеть тайный облик твой,
Узнать тебя. Но время тратил даром.

Нет, я не верю в твой обман ничуть, –
И в этой дымке солнечной и зыбкой
Ты улыбнешься мне когда-нибудь
Своей никем не понятой улыбкой.

* * *

Фигуры в плащах разноцветных.
Дороги залиты дождем.
В надеждах своих мимолетных
Куда мы по лужам идем?

А в тучах синеют прорывы
Какой-то небесной весны –
Над гибкими ветками ивы,
Над кленом у мокрой стены,

Над гроздьями белой сирени...
И в светлом пространстве, для нас,
Все сотни ее измерений
Свободно открыты сейчас.

Она в этом шуме и плеске,
В слегка запотевшем окне,
В неяркой его занавеске,
В траве на газонах, во мне.

ИГРА

Одуванчик сорву и сдуну
Спецдесант на полоску суши
Окаймляющую лагуну
Океана – зеленой лужи.

Целый рой парашютов белых
Прямо к джунглям летит без слова,
Там, где павшие смертью смелых
Из земли прорастают снова.

Не кузнечики, не соцветья, –
Пламя взрывов и автоматы.
Чтоб добыть эликсир бессмертия,
Гибнут маленькие солдаты.

...Брошу стебель, и в мире этом
Вновь вернутся покой и дали,
Утро, травы со свежим ветром
И бессмертьем, как обещали.

* * *

На роликах под ливнем за окном
По майским лужам пробежался гром.
Он звал меня. Но стоя у окна
Я повторял, что не моя вина,
Что много лет не властны надо мной
Ни первый гром, ни лужи под стеной.
Напомнила мне яркая листва,
Что я всю жизнь растратил на слова.
Что стали словом запахи грозы
И синева на крыльях стрекозы,
И тихий двор, где на скамье промок
Из желтых одуванчиков венок.
И вновь казалось, что слова верней
Мне сохранят среди случайных дней,
В темнеющий простор не уходя,
И свежий блеск, и молодость дождя.

* * *

Вечерней листвы медитации.
И запахи трав в тишине.
...Цветение желтой акации
Опять прозвучало во мне,

Как в музыке полузабытые
За давностью лет голоса.
И в нежном кипении скрытые
Смотрели мне в душу глаза.

Казалось, что эти растения,
В тени уходящего дня,
Не призрачных слов, а цветения
Хотели сейчас от меня.

Томились желаньем слияния
Побегов, цветов и корней
В единую жизнь без названия
И даже без мысли о ней.

* * *

У песчаного серого склона
Тишина неизвестных планет.
В светлом куполе антициклона
Ни единого облака нет.

Только всё позабывшие тени
Легким трепетом радуют взгляд.
Как томителен сон поколений
У железных могильных оград.

Он стоит, выцветая венками
И травой высыхая в пыли.
И минувшими грезит веками
Это царство не нашей земли,

Где стихии и силы земные
Не нарушают покой тишины.
И ни мысли, ни чувства живые
Пролетать никогда не вольны.

Только в мире надежды и боли
Продолжают они разговор, —
Где дано им дыхание воли,
Где открыт им бескрайний простор.

* * *

Пылятся бутылки и банки
В кустах у стены гаражей,
Свидетели браны и пьянки,
И скучной судьбы сторожей.

И здесь, где в раздумьях о мести
Порой одуванчик цветет,
Из тронутой ржавчиной жести
Стоит небольшой звездолет.

Какой-то свихнувшийся гений
Его смастерили в гараже.
В компании мух и растений
Забыт он, помятый уже.

Одна только жизнь виновата,
Что в мире нелепых пропаж
Создатель исчез без возврата,
Оставив открытый гараж.

Под шорох ночного бурьяна
Соседям, среди тишины,
Бывает, мерещится спянина,
Что кто-то зовет их с Луны.

ГРОЗА

Сквозь легких листьев тонкие ладони
Течет вода, прозрачна и свежа.
Клен, как беглец, оглохший от погони,
У проходной замешкался, дрожа.

Он смотрит на закрытые ворота.
А над кварталом, вспугивая птиц,
Несется с криком пьяная охота,
Под лай собак стреляя с колесниц.

Сверкая в тучах, стрелы грозной меди
Слетают вниз грохочущим огнем.
Старик Илья, смеясь в небесной тверди,
Не управляет бешеным конем.

Конь ослеплен! Забиты звоном уши!
Качаются безумные дома!
Хохочет звонко, разевая лужи,
Сама земля, сошедшая с ума!

* * *

Давно пустуют гнезда звезд
У дач среди ветвей.
Где звезды: Феникс, Певчий дрозд,
Жар-птица, Соловей?

Они над облаком живут
В неведомом краю,
Знакомый позабыв уют
И родину свою.

А я с тропинки у стволов
Смотрю на гнезда их.
Здесь знают листья столько слов
И слышат птиц живых.

Здесь эльфы пьют из кружек чай
На липовом цвету,
Сложив в захламленный сарай
Ночную темноту.

Безмолвны звезды для меня.
Не видно их огней.
Здесь только сон земного дня,
И листьев, и теней.

* * *

На железнодорожном откосе
Тени сосен и запахи трав.
И обломки качелей на тросе
Задремали, качаться устав.

Гвозди петель давно проржавели
И доска потерялась в траве.
Вы беспечно взлетали, качели,
От земли к облакам в синеве.

А когда грохотали колеса
И слегка холодело в груди,
Мне казалось, что здесь, у откоса,
Открывалась вся жизнь впереди

С вольным счастьем и тайной печалью,
С чуть заметным пятном корабля
Там, где Волга сливается с далью
И становится небом земля.

ДЕТСТВО

Трава с молодыми слезами
Росы, не запомнившей тьмы.
Когда-то такими глазами
На землю смотрели и мы.

И жил я, не делая вида,
Что будто не чувствую зла.
Но все же любая обида
Была безнадежно светла.

Ее выпивали рассветы.
И все повторялось опять.
...А имени этой планеты
Совсем не хотелось узнать.

ВОСПОМИНАНИЕ

В этом городе полукирпичном,
В этой провинциальной дыре
Ветер дышит в покое больничном
И в белье на заросшем дворе.

Гладит пальцами швы на заплатах,
Залезает рукой в рукава, —
Будто в старых больничных халатах
Оживают тела и слова.

И, напившись летейской микстуры,
У обломанных вишен в цвету,
На лужайке танцуют фигуры,
Спотыкаясь, ловя пустоту.

И бормочут, и машут руками,
Отрываясь от скучной земли.
Будто бредят они облаками,
На которые души ушли...

* * *

Облака стоят как купола.
Вместо храма – только тень косая.
Но звучат его колокола,
В летнем зное слышу голоса я.

Заслонив далекий небосклон,
В чистой дымке солнечного рая
Темный призрак канувших времен
Нас зовет и манит, отступая.

Ничего не видя впереди,
Люди потянулись к этой тени.
Там бросают быстрые дожди
Звонкие монеты на ступени.

Там цветут нездешние сады,
Возвращая молодость и силы.
Но давно потеряны следы.
Но давно заброшены могилы.

ПОЛДНИ

У черной дороги откосы
Песчаные с пыльной травой.
Безумное солнце и осы,
И бабочки над головой.

Машина проходит как ворох
Огней от любого стекла.
И пене́ мотора. И шорох.
И снова забвенье и мгла.

И чудятся в мареве этом
Манящие нас города,
Пропахшие морем и летом,
Где я не бывал никогда.

А полдни горячие долги
Как призраков тающий дым,
С которыми город у Волги
Становится чем-то одним.

* * *

...И дерево, слепящее огнем,
Вдруг разломилось. Прокатился гром.

И погасила дождевая мгла
Видение летучего ствола.

И я хотел бы в небо так врасти,
Чтоб осветились все мои пути,

Чтоб свежий ветер, в листвах промерцав,
В лицо повеял запахами трав.

И шум воды, и влажный блеск перил,
И все, что помню, я бы не забыл.

И, уходя в открывшийся мне свет,
Я всем простил бы горечь поздних лет.

И дух грозы, и вешнего огня
За все, за все простил бы и меня.

* * *

Качаются травы как волны.
Цветов закипевшая пена.
Зачем мы судьбой недовольны
И рвемся как птицы из плена?

Нам гладит, касаясь, колени
Сухое, колючее море.
Горячее солнце и тени
Проходят как радость и горе.

И кажется, будто над нами
Есть мир неизвестной свободы.
И нас под земными волнами
Не скроют когда-нибудь годы.

* * *

Опять в душе проснулось тайно
Все то же чувство: что в былом
Не тень ли облака случайно
Задела жизнь мою крылом?

Как будто ветра дуновенье.
Как гром за лесом в тишине.
И, может быть, прикосновенье
Свой след оставил во мне.

Не потому ли год от года
Среди дорог в земной пыли
Завидней мне теней свобода
Бегущих в даль, за край земли.

ИДОЛ

Языческого идола черты
Из пня сухого на холме зеленом
Я вырезал когда-то. И цветы
К нему сошлись с молитвой и поклоном.

Как сон его стояла тишина,
Горячим полднем замирало лето,
И еле слышно волжская волна
Плескала в камни под обрывом где-то.

А сколько лет уже прошло с тех пор,
Как облака высокие над нами.
На этом месте развели костер.
И тонкий пепел разнесло ветрами.

Но кажется, что длится прежний сон
В прозрачных струях солнечных течений,
Что в светлой дымке сохраняет он
И жизнь мою, и божество растений.

* * *

Небо вспыхнуть готово.
Сумрак сходит на нет.
Это – каждое слово
Превращается в свет.

Не на чуждой странице –
Бесполезном листе.
А на крыше, на птице,
И на каждом лице.

Это – больше чем слава,
Чем глухая молва,
Чем пустая забава.
Это – тоже слова.

Даже лучше чем в книге
Им звучать для меня
В каждом трепетном миге
Наступившего дня.

НОВЫЙ ЭДЕМ

Знакомый полям и озерам
Эдем облаков в вышине.
То ангелы пьяные хором
Поют о любимой стране.

О жизни, потраченной даром,
Печалятся их голоса.
Ковши с недопитым нектаром
В овраги летят и леса.

Под звуки небесного пенья
Так падают звезды в ночи.
И часто на месте паденья
Сверкают, рождаясь, ключи.

И я из ковша расписного
Воды драгоценной напьюсь
За истину счастья земного,
За новую трезвую Русь.

* * *

Солнце. Лужи. Праздная прохлада.
Стала даль просторней и слышней.
Будто гулких комнат анфилада –
Череда июньских свежих дней.

Голуби проносятся кругами –
Легкие как мысли облаков.
Беспокоит ветер под ногами
Хрупкую известку лепестков.

Для себя не сотворив кумира,
Посмотрю опять на облака.
Может, сам я архитектор мира –
Зданья,остоявшего века.

Может, сам я набросал мазками
Эти листья, где теперь в тени
Дышит утро ранними веками.
...Нет, и я не старше, чем они.

Падаю на землю, отцветая.
Оживаю медленной травой.
И кружусь, как солнечная стая
Вольных птиц, рожденных синевой.

* * *

Летний полдень приходит босой,
Закатавший штаны по колени.
И над маленькой речкой Усой
Столько света и солнечной лени.

Он идет по сырому песку,
По воде с пузырящейся тиной.
И к его прилипает виску
Тонкий звук страны комариной.

Мне вернуться бы в эту страну,
Лечь в траву и как в повести новой
Молча слушать ее тишину
С горьким запахом хвои сосновой.

Чтоб вдали, за горячим бугром,
Колесом, к перемене погоды,
Прокатился стихающий гром,
Обещающий вечные годы.

ТАЙНА

Опять у ограды собора
Темнеют листвой тополя.
И запахом клейкого сора
Июньская дышит земля.

Здесь царство мячей и колясок.
И тени за белой стеной
Смягчают свечение красок
Прозрачной прохладой земной.

Здесь желтые листья случайны.
Но каждый упавший листок
Наполнен присутствием тайны,
Вместившейся в несколько строк.

Не Ветхим и Новым Заветом
Глухих, полуустершихся слов,
А утренним солнечным светом
Она говорит у стволов.

СОБАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ

Под тучами, летящими с востока,
Темнеет и склоняется трава.
И местность так пустынно-одинока,
Как одиноки в море острова.

Когда проходит, на подъеме воя,
Тягач за редким лесом по шоссе, —
То чудится далекий шум прибоя
На облачной прибрежной полосе.

Поникшие в смирении незрячем,
Цветы встречают за волной волну
На незаконном кладбище собачьем,
Где ночью тени лают на луну.

Но светел лик собачьего кумира,
Безжизненный, спокойный, неземной...
А днем — движенье ветреного мира
С его невыразимой глубиной.

* * *

Над тенью сквозящей и длинной,
У ясного дня на краю
Пушинки в листве тополиной
Блуждают как души в раю.

А там неизвестны: тревога,
Обиды, сомненье и страх.
Огонь уходящего бога
Горит в невесомых телаах.

Но им-то он кажется вечным.
И как им не верить ему, —
Таким золотым и беспечным,
Летящим в безликую тьму.

ТВОРЧЕСТВО

Я слеплю человека из глины
И вдохну в него жизнь на листе.
Будут заросли жаркой малины
На бумаге и свет в высоте.

Будут солнце и тень на поляне.
И, как целая горсть медяков,
У него заведутся в кармане
Два десятка тяжелых жуков.

Он кустарник раздвинет руками
И, ослепнув от яркого дня,
Этим далям заплатит жуками
За цветы, за себя, за меня.

У дорожной разбитой канавы,
Там, где грязь от тяжелых машин,
Их возьмут эти сонные травы,
Эти синие блики вершин.

А потом он, как в сказке старинной,
Заблудившись в сосновом бору,
Станет снова расплывшейся глиной
И дыханьем... А я не умру.

* * *

Быстрый ливень. И миг облегченья.
И трава заблестела опять.
И уже не имеет значенья
То, что строчку не смог дописать.

Солнце снова прорваться готово.
И, затихшее в тучах как гром,
Я хотел бы забытое слово
Дождевым разменять серебром.

ТАТИЩЕВ

Над пляжной толпой разноцветной
Татищев на темном коне.
Он смотрит с тоской безответной
Как солнце стоит в вышине.

Рука бесконечно устала
Ловить под собой пустоту.
И просится конь с пьедестала
На землю, где травы в цвету.

Где в милой прохладе сосновой
Среди одеял и теней
Забыть бы о славе дешевой,
О хватке тяжелых камней.

Чтоб волны живые с живыми
Вели разговор ни о чем.
И шмель с голосами своими
Опять зависал над плечом.

* * *

Мне вспомнилось безмолвное болото,
Стволы осин и блеск небес пустой,
И странное присутствие чего-то,
Живущего за этой немотой.

Слетал какой-то мелкий сор на воду.
И ветер не тревожил тишину.
Так только в детстве чувствуют природу
И видят в ней и свет, и глубину.

* * *

Я помню ни много, ни мало,
А несколько солнечных дней,
Где легкое счастье мелькало
По стенам в разводах теней.

Как праздник в начале недели,
Слегка незаконный, они
В прохладной листве голубели
И таяли – тихие дни.

Я помню: из пуха и света
Текла полусонная блажь –
Ленивая спутница лета,
Обжившая каждый этаж,

Хранящая память о зное
И мягкий сиреневый дым.
И там, за углом, неземное
Сливалось с простым и земным.

ЧАСОВНЯ

Дыхание раннего лета.
И ангел, присев на карниз
Часовни из камня и света,
Внезапно срывается вниз.

И снова взлетает как голубь
От шума колес и шагов
В бездонную синюю прорубь
Среди кучевых облаков.

И над корпусами завода
Становится даль голубей,
Где ветер, простор и свобода
Для ангелов и голубей.

Окна опустела бойница.
Но кажется, что иногда
Святых голубиные лица
По-птичьему смотрят туда.

ЛЕТО

Повеет лето скошенной травой,
В кустах засуетится муравьями,
И встанет древней тучей грозовой,
Гудящей электронными роями.

И духоту встревожит дальний гул.
В порывах ветра прилетит прохлада.
...Я как в овраг сегодня заглянул
В пространство не доступное для взгляда.

Там все года сливаются в одно,
Там снег и поле зреющего хлеба.
Оттуда вновь ко мне пришло оно,
Высокой тучей заслонив полнеба.

Смотрю на эту летнюю страну.
Седые камни в склон уткнулись лбами.
И я спущусь в глухую глубину,
К истоку жизни прикоснусь губами.

* * *

Звездный дым над железной дорогой, –
Голубой, застывающий свет.
Я однажды подумал с тревогой,
Что достанется этот билет.

Да, конечно, меня вы манили,
Города, чьи огни надо мной.
Но тепло замирающей пыли...
Ветер с Волги... и шелест ночной...

И теперь с зарастающих склонов
Стал смотреть равнодушнее я
На последние окна вагонов,
Уходящих в другие края.

Стихли рельсы под листьев дрожанье.
Вот звезда полетела опять.
Но ни странствия, ни расставанье
Я себе не хочу загадать.

* * *

Где новой жизни семя
Намокло от росы –
Пересыпают время
Песочные часы.

И кто-то на песчаной
Дороге луговой
Сидит и дремлет в странной
Повозке паровой.

На блоки и на шкивы
Дизайна прежних лет
Ложится тень от ивы.
И с ней играет свет.

Блестят кусты и травы.
Течет зари река.
И там, у переправы,
Столпились облака.

Дрожит воздушный мостик
На сваях тишины.
Где топка, перевозчик? –
Потом досмотришь сны.

Тетрадка со стихами –
Добыча для огня.
Ты в путь за облаками
Возьми с собой меня.

* * *

Нет, не я пробегаю со смехом
По волнам мелководья сейчас.
Но душа отзывается эхом,
Если свет в ней еще не угас.

В ощущении солнечной веры
Жить и жить бы, не думая, мне,
Что кипит океан биосфера,
Хороня все живое на дне.

Чтоб до этого не было дела,
Чтоб не знать, как не знает река,
Что в изломанных залежах мела,
Каменея, заснули века.

Чтоб в тени наклонившейся ивы
Слушать лай, чьи-то крики и визг,
Там, где радуг горят переливы
Под ногами от облака брызг.

* * *

Теплый запах сосновой смолы
И нагретого солнцем песка.
И, качаясь, врастают стволы
В высоту, в синеву и в века.

Сколько раз догорали года
На высоких небесных кострах.
Но остался их след навсегда,
Засветившись на темных ствалах.

А вершины шумят над землей
И плывут с облаками над ней.
В давнем шуме их слышен прибой
Подступающих звездных морей.

Неизведанный грозный простор
Задремал у земных берегов.
Ярким солнцем залит косогор.
Блики солнца лежат у стволов.

* * *

Где озеро дремлет в тумане,
Упавшем на чистую гладь,
У сосен в колючем бурьяне
Сидеть бы, смотреть и молчать.

В каком-то забытом покое
От запаха трав и песка.
Чтоб солнце текло молодое
И зной не тревожил пока.

И чтоб, как веков сновиденье,
Светился и таял туман.
И скрипок хитиновых пенье
Звучало с тенистых полян.

Чтоб вечное утро дышало
На дальнем своем рубеже.
Мне хочется, в сущности, мало.
...Но полдень склонился уже.

УТИХНЕТ ДОЖДЬ

Утихнет дождь. И разойдутся тучи.
И утро, глянув с тротуарных плит,
Потоками сверкающих созвучий
И свежим ветром в окна полетит.

И вымокшие зонтики прохожих
Вдруг превратятся в ярких мотыльков,
На трепетные отблески похожих
Лучей, скользящих между облаков.

Их позовет родное небо лета.
И, вырвавшись из рук людей, туда
Они помчатся, опьянев от света.
И позабудут город навсегда.

* * *

Как облака меняют очертанья,
Плынут, роняя тени с высоты,
Порой неуловимо для сознанья
Меняет мир знакомые черты.

Лежишь в траве, не отрывая взгляда
От облака, растущего легко.
В его тени вечерняя прохлада.
Но день высок. И вечер далеко.

Там, в синеве, воздушные теченья,
Причудливые, странные миры.
Но ничему ты не придашь значенья.
И не поймешь закона их игры.

Ты не поймешь, что время с облаками
Соединяет жителей земли.
Что наши годы медленно над нами
Летят и тают в солнечной дали.

МУРАВЕЙНИК

Муравейник с его суетой
У сосны за упавшей осиной
Освежает слегка кислотой
Сонный воздух земли муравьиной.

Здесь поляны с травой-муравой
Муравьиные прячут дороги.
И вершины сквозят синевой,
Где живут муравьиные боги.

Горький запах плывет к облакам.
И в сиянии дикой природы
Много жертв равнодушным богам
Здесь приносится долгие годы.

Но в язычестве памяти нет.
И среди паутин невесомых,
Как и прежде, сквозь тени и свет
Пролетают рои насекомых.

Только гром прогремит иногда.
И ночами над соснами где-то
Неизвестная помнит звезда
Про затихшее капище это.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

За лесом солнце гасло тяжело,
Растрескавшись от собственного веса.
Оно вершины темные зажгло
В последний раз совсем без интереса.

Ему давно наскучила игра
Нам не доступных красок и созвучий.
И над землей застыли до утра
Высокие, безжизненные тучи.

Но в них еще лежал далекий свет
Задумчиво, спокойно, без движения, —
Как будто отблеск всех безвестных лет
И мыслей, не нашедших выраженья.

И поднимался невесомый звон,
Настоянный на тишине и хвое,
Храня в себе печаль былых времен,
И мир, и утешение живое.

Он над дорогой плыл среди ветвей,
Расстраиваясь и прощаясь с нами.
И что-то меркло медленно за ней
И, уходя, сливалось со стволами.

НА ЗАКАТЕ

Я все это видел за тысячи лет
До жизни моей на земле:
Слабеющий, ясный, пронзительный свет
И облако в синем стекле.

Сгорая, летело оно на закат
За далью заволжских лугов,
Туда, где моря неземные шумят
Волной у своих берегов.

И тайная зависть коснулась меня,
Нарушив короткий покой, –
Нет, мне не дано ни такого огня,
Ни сказочной цели такой.

* * *

Бегут пузыри по лужам,
Под теплым дождем скользя.
Таким невесомым душам
Жалеть о земле нельзя.

Затихнут раскаты грома.
И солнцем блеснет вода.
Скамейку и куст у дома
Забудут они тогда.

Забудут июньский вечер,
За стеклами тени штор.
Потом тополиный ветер
Откроет ночной простор.

Я бегал под ливнем тоже.
И небо текло у ног.
Но землю так просто, все же,
Забыть бы теперь не смог.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Когда под звездным небом лета
С тенями в лужах спит земля,
Она мерцает в бликах света
Прозрачной глыбой хрустала.

И все зарытые в могилах,
Где лунный дым затек в траву,
Я знаю, не смотреть не в силах
На этот блеск и синеву.

Им зыбкий мир дождем умытой
Скользящей в облаке луны, —
Привет от жизни позабытой
Среди тревожной тишины.

...Когда-нибудь мои желанья,
Мои надежды и мечты
В потоке лунного сияния
Придут на землю — с высоты.

ЖИЗНЬ И ПАМЯТЬ

Как крылья мух взлетающих с перил,
И ветви сада в синеве высокой,
Двоится мир. Об этом говорил
Мне пруд, где небо заросло осокой.

В нем, отражаясь, плыли облака,
Чья легкая, серебряная пена
Касалась дна. А память глубока.
И в глубине светла и неизменна.

И этот день, где бабочки полет
И тень листвы, и доски у сарая, –
В ее саду бесплотном не умрет,
Среди холмов за Волгой догощая.

Но только мухам, бабочкам, цветам
Дан безраздельно яркий праздник лета.
Им нет границы между «здесь» и «там»
В горячей дымке солнечного света.

* * *

Гуденье ос, забытый хлеб с вареньем
И в термосе полуостывший чай.
...Вся жизнь была одним стихотвореньем,
Пригрезившимся в полдень невзначай.

Оно вставало облаком высоким
И в листьях трепетало и текло,
И берегам, и лодкам одиноким
Даря прохладу в летнее тепло.

Мелькала даль мазками синих пятен
И вспыхивала солнечным огнем.
Его язык мне мало был понятен,
Но тайный смысл угадывался в нем.

И бедное мое воображенье
Не в силах было выразить его.
Я видел небо, желтых ос круженье,
Горящий плес. И больше ничего.

* * *

Деньги обесценились. А дни
Каждый год становятся дороже.
Не грозят инфляцией они,
Но и лишних не дано мне тоже.

Я тетрадь расходов не веду, —
Много дней осталось или мало.
Я купил черемуху в цвету.
Заплатил, чтоб небо просияло.

Этим летом я беспечно брал
Все, на что глаза мои глядели.
Как ребенок тратил капитал
На игрушки разные, без цели.

Облаков воздушные шары
Запускал. И повторял сначала.
Будто невозможно без игры.
Будто жизнь ничем не угрожала.

ВЕТРЕНЫЙ ПОЛДЕНЬ

То солнце осветит поляну,
То все потемнеет опять.
Я скоро совсем перестану
Тебя, моя жизнь, понимать.

Тогда мне придет облегченье
Как ветреный полдень в лесу.
И с ним потеряет значенье,
Что я ничего не спасу.

Здесь шишки валяются в хвое,
По листьям бегут муравьи.
О жизни не знает живое.
И что ему мысли мои.

Они превращаются снова
В порывистый танец теней,
Которые были до слова,
До наших сосчитанных дней.

ЗВЕЗДЫ

Ночью звезды стекло залепили
У машины на полном ходу.
Белый блеск несмываемой пыли
Ослепляя, отвлек на беду.

Или радость была неземная?
Только звезды смеялись, когда
В стороне от дороги, мерцая,
На траве загорелась звезда.

Что измеришь единственной мерой,
Мир на мертвый деля и живой?
С чем останешься: с памятью, верой,
Обгорелым металлом, травой?

Или, может, с надеждой, что эта
Тайна выше добра или зла,
И с веселыми звездами лета
Как с рассыпанной крошкой стекла?

* * *

Какие кончал институты...
В какую смотрел высоту...
И тихо звенели минуты
Как рой мошкary на свету.

И желтое облако пыли
Ползло за машиной вдали.
И что-то о жизни бубнили
На кафедрах солнца шмели.

Я помню все эти уроки!
Но время уже не верну –
Когда мне неровные строки
Прощались за их новизну.

Там тень отдыхала за домом.
И мне из ее глубины
Был выдан зеленым дипломом
Узорчатый лист бузины.

* * *

Плеснет весло, плеснет волна,
Повеет свежестью и тиной.
И память в дымке полусна
Проступит призрачной картиной.

И зашумят над головой
Струящиеся листья ивы.
И вспыхнут в туче грозовой
Огня мгновенные разливы.

Из гнезд прибрежных скорлупа,
Плывшая по мелководью,
Как дней забытых черепа, –
Вновь обрастет зеленою плотью.

Забывается в сетке грузный язь –
Ожившим солнцем на буксире.
И дни из лодки спрыгнут в грязь,
Бессмертные в бессмертном мире.

Их ждет костер на берегу
И отдых в шалаше знакомом.
И я по-прежнему смогу
Там побывать с дождем и громом.

* * *

За оградой набережной море –
Море света с дымкой Жигулей.
Рядом на песчаном косогоре
Запах трав и тени тополей.

Вместе с полднем вновь присяду в тень я.
Проведу травинкой по губе.
Облака, как Острова Забвенья,
Терпеливо ждут меня к себе.

Там, пространством скрытые от взгляда,
Забывая шум и летний зной,
Голубые зданья Автограда
Проплывают тихо надо мной.

Где ныряют щепки в клочьях пены,
Возле лодки у высоких ив
Про него расскажут мне сирены, –
Незнакомым счастьем поманив.

Но дыханьем жизни беспокоя,
Волжский ветер, стихнув у земли,
Их заглушит всплесками прибоя,
Смехом с пляжа, музыкой вдали.

УБОРЩИК

Скучный дождь, дорогу моя,
Задержался у сосны,
Где в траве сереет хвоя
Горстью ломкой тишины.

Он немного колет ноги
И вздыхает ни о чем.
Утро. Свежий блеск дороги.
Дымка Волги за плечом.

Он скользит метлой прозрачной
По скамейке, по коре, —
Легкий мусор жизни дачной
Унося в своем ведре:

Пепел дней, где разговоры,
Стены в солнечных тенях,
Облака и косогоры,
Темный бакен на волнах,

Где дрожит в кусте зеленом
Мелких капель серебро...
И гремит за дальним склоном
Проржавевшее ведро.

* * *

В свете фар над дорожной разметкой
Растревожено мечется тьма.
А за рощей пустынной и редкой
Позабытой деревни дома.

Сколько звезд над российским простором,
Над погостами в позднем тепле –
Будто годы ушедшие хором
В темном зале поют о земле.

И мерцают высокие свечи.
И под музыку сфер, в тишине,
Позабыв про остывшие печи,
Домовые вздыхают во сне.

Может, снятся им запахи хлеба,
Дым из труб, перебранка собак.
И далекое пение с неба,
Замирая, не смолкнет никак.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Скользнув по стеклам книжной полки,
Весенний свет ворвался в дом.
И во дворе с железной горки
В последний раз скатился гром.

Толстой, Вергилий и Сенека,
Шекспир... слова, слова, слова.
Но что вся мудрость человека?
Ее не знает синева!

Она залила все обложки,
В ней пролетают воробыи,
Тревожа взгляд ленивой кошки,
Сидящей около скамьи.

И вот уже одно мерцанье
И небо с листвами в стекле.
И в этом, может, оправданье
Всему, что было на земле.

* * *

Над камышами топкого залива,
Закрывшими темнеющий простор,
Горит звезда прозрачно-молчалива
Под земноводных неумолчный хор.

Соседний берег, поднимаясь круто,
Роняет тень на легкую волну.
И голос жизни, жалуясь кому-то,
Небесную тревожит глубину.

Как будто души солнного болота,
Стремясь постичь до них дошедший свет,
Кричат и плачут в тине – без расчета
Из чуткой бездны получить ответ.

* * *

Безлюдно на кладбище старом.
Над ним в облаках синева.
Шум города за тротуаром
Стихает, плеснувшись едва.

А листья у края ограды,
Ловящие солнечный свет,
Наверно, по-прежнему рады
Услышать от жизни привет.

Под вспышкой небесного близа,
Среди беспокойных теней,
С надгробий ожившие лица
Смеются над блеском камней.

Над плитами и над цепями,
Сковавшими наши умы,
Беззвучно смеются над нами,
Над всем, что не поняли мы.

* * *

Опять, как в строчке неумелой,
Из давних лет – простор ветрам.
И я брошу в рубашке белой
По летним будничным дворам.

Здесь тени лиственной прохлады,
В траве политой сохнет пыль.
И припаркован у ограды
Сиреневый автомобиль.

В туманном зеркале эмали
Я отражаюсь. А за мной
Сквозят подоблачные дали
Непостижимой глубиной.

И весь он будто обещанье
Кого-то снова взять с собой
И, просигналив на прощанье,
Растаять в дымке голубой,

Где только утро, май и дети,
Где в лужах солнце и мячи...
Но кто откроет дверцы эти,
Достав звенящие ключи?

* * *

Я взял простой бумажный лист.
Нарисовал гнездо с тенями.
И вдруг услышал птичий свист...
Бумага проросла корнями...

Строка, лежавшая яйцом
В какой-то заповедной чаще,
На свет проклонулась птенцом —
Легко, беспомощно, кричаще.

И шум вершин, и радость дней,
И над ветвями перелеты —
Все это оживает с ней,
Как плоть и кровь, слова и ноты.

С ней мир рождается опять!
Пусть птичья жизнь одно мгновенье, —
Она не может не летать,
Не петь ее самозабвенье.

* * *

Виктору Стрельцу

Как пишется стихотворенье, —
Почти бездумно, наугад, —
Неуловимое волненье
Как прежде проясняет взгляд.

И луж безвестные заливы, —
Следы вчерашнего дождя,
Напомнят, что мы живы, живы! —
Своей дорогой проходя.

И жизни тайные приветы
В сырому наивном ветерке
Сквозят как холодок монеты,
Случайно поднятой, в руке.

* * *

За дачным лесом перестуки
Колес и редкие гудки.
Но почему-то эти звуки
Невозвратимо далеки.

Я помню, как трава лениво
Дремала в летнюю жару,
И как легко и терпеливо
Вздыхали листья на ветру,

Быть может, о листе случайному,
Который выпал из гнезда...
О всем потерянном и тайном,
Что забывают поезда.

Блестели полосы стальные
На пропыленных ребрах шпал.
Расслышав жалобы лесные,
Им шум вагонов отвечал.

И через годы понемногу
Я начинаю понимать
Их разговор про ту дорогу,
Которой не пройти опять.

* * *

Борису Скотневскому

Пусть останется в памяти долгой,
Не моей, но живущей века,
Этот ветер, несущий над Волгой
Отпустившие тень облака.

Столько счастья и столько печали,
Человеческой смертной беды.
Но такие же волны сверкали,
Листья ивы касались воды.

И сейчас, если выйдешь к обрыву,
Поглядишь на песчаное дно, —
Тот же ветер и песня про иву,
Что звучала когда-то давно.

ОЗЕРО

Вода, затянутая ряской.
И слабый бег листвы над ней.
Здесь летний ветер веет лаской
Каких-то позабытых дней.

Безмолвно сумрачные воды
Свою скрывают глубину,
В которой спит душа природы,
Приникнув к илистому дну.

И раки – скучные соседи –
Касаются ее боков,
Где чешуя из тусклой меди
В зеленой патине веков.

Она вильнет хвостом случайно,
И озеро в сосновый зной
Вздыхает тихо и печально
Чуть покачнувшейся волной.

И в этом вздохе бессловесном,
В тревоге лиственных хоров,
Шумят о чем-то неизвестном
Все языки из всех миров.

САМОЛЕТ

Спокойные звезды, без счета,
Горят над холмами Земли.
И ноющий звук самолета,
Затерянный где-то вдали.

Стихая и вновь нарастая,
Поет он себе самому:
Что эта работа пустая,
Что звезды не ближе к нему,

Что, даже поднявшись над тучей,
Не будешь на Млечном Пути,
И, сколько турбины ни мучай,
Земные огни впереди.

И вдруг обрывается эта
Гудящая в небе струна.
И вспышкой летящего света
Звенит и смолкает она.

И в лунной тени у обрыва,
Склонившись над самой водой,
Дуплистая старая ива
Следит за падучей звездой.

БАБОЧКА

Бабочка танцует над травой
Легкий танец
радости живой.

Ты совсем не знаешь прошлых лет.
Для тебя –
и будущего нет.

Ты бессмертна, как бессмертен миг,
Как улыбка,
как слова из книг.

Поделись бессмертием своим.
Мы с тобой
беспечно полетим

В ощущенье свежести и сил,
Над землей

тропинок и могил,
Над асфальтом городских дорог,
Бабочка –

счастливый летний бог!

* * *

Он вышел из душной машины.
Прилег на траву под сосной.
Пропахшие хвоей вершины
Омыло прохладной волной.

Себе самому неизвестный,
Смотрел обитатель земли,
Как бакен мигает небесный
Звездой в запредельной дали.

И бакенщик в лодке смоленой
Движеньем незримой руки
Над глубью лесов полусонной
Легко зажигал огоньки.

«Какая простая работа, –
Подумал лежащий в траве, –
Служить из любви без расчета
И вечером плыть в синеве.

Вернувшись, у вечного моря
Забыться в соседстве костра,
Не зная ни смерти, ни горя,
Не помня, что было вчера».

ЗАБОР

За тропинкой, в тени, осторожно
У забора растут лопухи.
С разрешенья Ахматовой, можно
Написать о заборе стихи.

Крепко вбиты в сосновые доски
Проржавевшие шляпки гвоздей.
И знакомых стихов отголоски
В шуме листьев и плеске дождей.

И звучит, как веков перекличка,
Лай собак... И дымок над костром...
Что за странная это привычка –
Мир озвучивать тонким пером.

Светят щели небесным простором.
Пахнет тень лопухом и сосной.
...Пусть лежало бы здесь, под забором,
Позабытое птицей лесной.

* * *

В тихом шуме соснового бора
Мне с годами слышней и слышней
Отголоски какого-то спора
Жизни с вечным молчаньем теней.

Тени спят как медведи в берлоге,
Не вступая в пустой разговор
Там, где блеск на забытой дороге
Редких луж – комариных озер.

В гуле сосен покорность такая,
Что почти забываешь о нем.
И, кукушкой меня окликая,
Лес горит предзакатным огнем.

Вот и тени растут понемногу
И, в траве оставляя следы,
Осторожно идут на дорогу,
Чтоб напиться прозрачной воды.

И толчется над ними тревожно
Мошкова у колдбин сырых –
Будто Солнце спасти невозможно
От немого нашествия их.

* * *

Пройду я по берегу Волги
Как гость из далекой страны,
Пусть волны бросают под ноги
Прохладу речной глубины.

В них те же звучат отголоски,
Где солнечный берег высок,
Где лодок смолистые доски
Вросли в раскаленный песок.

И так же плывут теплоходы
В тени Жигулей голубых.
Не наши ли праздные годы
Скучают на палубах их?

Но мне не дойти, провожая,
До облака в зыбком стекле...
И чаек крикливая стая
Летит к неизвестной земле.

ДАЛЕКИЕ ГУДКИ

Далеким гудком парохода
С уснувших под солнцем полей
Поманит, окликнет свобода.
И станет чуть-чуть веселей.

Здесь нет ни железной дороги,
Ни пены морской, ни реки.
Но прыгнет кузнечик под ноги.
И травы коснутся руки.

Сбегают с холмов перелески.
А там, где деревня была, —
Колосьев бесшумные всплески
И пруд, как осколок стекла.

И склоны оврага в бурьяне,
Где раковин крошится прах,
О древнем молчат океане
И белых его кораблях.

Синеет простор с облаками.
Там ветер и птицы вдали.
Зачем же тревожат гудками
Полуденный зной корабли?

* * *

Вечер спокоен и нежен.
В сумерках тают стволы.
Плач комара безутешен –
Тоньше сосновой иглы.

В небе исчезли куда-то
Жившие там облака.
Звон замолчал виновато, –
Будто уже на века.

Где-то за лесом, над Волгой,
Дальний, померкнувший свет.
Этой тревоги недолгой
Не было, может, и нет.

Красный огонь теплохода
Мимо проплыл и погас.
Все же скрывает природа
Тайную горечь от нас.

КРАПИВНЫЙ ГОРОДОК

Снова дни неторопливы,
Как в июле облака.
В темных зарослях крапивы
У могил – ни ветерка.

Будто сон приснился чудный
Тишине в сухом тепле –
Вырос город изумрудный
На заброшенной земле.

В дымке солнечной погоды,
Господин слепней и мух,
Там живет творец природы –
Безотчетный, смутный дух.

В толчее жужжащей свиты
Опьянев как от вина,
Он легко ломает плиты,
Забывает имена.

Он свистит незримой птицей
И летает за жуком
Над своей глухой столицей,
Над крапивным городком.

* * *

Там, где плещет море живых теней,
На холмах, под старыми облаками,
Ковыли, как гривы седых коней –
Хоть скачи за канувшими веками.

Миражи заливов блестят вдали,
Уходя в песок от любой погони.
А за ними – берег иной земли.
И к нему незримые мчатся кони.

В знойном воздухе слышен мне стук копыт.
И, глаза слезя просоленной синью,
Им навстречу ветер степной свистит,
Никнут годы, пахнущие полынью.

Этот шум и люди среди домов,
Знаю, могут стать для меня чужими...
А коней позвать я всегда готов
И лететь за счастьем неясным с ними.

ОВРАГ

Туда, где спустившись со склона
Кустарник темнеет в тени,
На легких пропеллерах клена
Летят незаметные дни.

Там сырость в заросшем овраге
Стоит невесомой водой
И жук-светлячок на коряге
Горит одинокой звездой.

И лес, утонув в неизвестном,
Сливается с тайной души, —
Как будто ты в мире небесном,
В его заповедной глухи.

Столетья мерцают как влага
И пахнут вечерней травой
На дне каменистом оврага —
Размытой его мостовой.

Среди фантастических зданий,
Во мгле различимых едва,
Следами бесплотных созданий
Лежит, истлевая, листва.

Но путь за обрывы и скалы
В страну потерявшихся дней
Закрыли глухие завалы
Стволов и сплетенье корней.

* * *

Белый «омик», плывущий по полю, —
Потому что не виден залив.
И пространство, таящее волю,
Над зелеными скирдами ив.

Столько в травах цветов и покоя,
Что Артур Шопенгауэр здесь
Написал бы, у пристани стоя,
Что у воли сочувствие есть

К этим людям, молчащим у сходен,
К этим птицам в дорожной пыли.
Пусть никто на земле не свободен,
Но свобода синеет вдали.

В ней стерня золотится сухая.
Дышат борозды хлебным теплом.
И моторы комбайнов, стихая,
Окликают ее за холмом.

СОСНЫ НА ЗАКАТЕ

Как древние языческие боги
Из красной глины, треснувшей в огне,
Давным-давно собравшись у дороги,
Стоят они в тяжелом полусне.

Осенний день склонился, догорая
В далекой дымке прежних дней и бед.
Над ними лег от края и до края,
Как тайный знак, инверсионный след.

Сквозит, везде разбрасывая блики,
Тревожный свет рекой без берегов.
И сквозь кору просвещивают лики, —
Безмолвные свидетели веков.

Они глядят ожившими глазами,
Как кровь заката за холмы стекла.
И ощущают твердыми губами
Знакомый привкус жизни и тепла.

* * *

Как рассказать словами прозы
Про тот далекий день один,
Когда осипали березы
Меня листвой своих вершин.

О чем была у них беседа,
И чем был мой встревожен ум,
Когда я слез с велосипеда,
Стоял и слушал этот шум?

То налетая, то стихая,
Дул ветер с убранных полей.
И ветка хрустнула сухая,
Ломаясь под ногой моей.

Конечно, проза жизни проще...
Но я почувствовал тогда,
Что в освещенной солнцем роще
Терялось что-то навсегда.

Быть может, жизнь, покой и детство
Как листья превращались в прах.
И книжной вечности соседство
Грозило здесь, а не в словах.

БУКЕТ

Понемногу редеет букет
На столе у цветной занавески.
И в стекле отразившийся свет
Рассыпает мгновенные блестки.

Здесь совсем не орнамент руин,
Что столетья стереть не сумели,
И не старые краски картин, —
Нет, цветы не живут и недели.

И недолго лежат лепестки
На полу и на скатерти с края,
Будто солнечной кисти мазки
В полусолнном тепле догофра.

Но не надо другого конца
Красоте их земной и беспечной,
Ни камней, ни холстов, ни венца,
Ни музеев, ни памяти вечной.

* * *

Над ржавым металлом кабины
Последнее веет тепло.
И красные капли рябины
Летят в лобовое стекло.

Летят, как огни светофоров
Размытых грунтовых дорог.
...И вновь от пустынных просторов
Машина спускается в лог.

Здесь рощи выходят на склоны,
В поля, — провожать облака,
Чьи лики с небесной иконы
Хранит, отражая, река.

Колеса вращаются с воем
В тяжелой и вязкой грязи.
И пахнет сырым перегноем
Прозрачное небо вблизи.

«Уазик» не кажется тесным
Его пассажирам в пальто.
И между земным и небесным
Границы не знает никто.

* * *

Что нам откроет бездна эта,
Где, прилетев издалека,
Сейчас, на грани тьмы и света,
Беззвучно гаснут облака?

Там, прожигая атмосферу,
В молчанье ночи, иногда,
Как ангел, потерявший веру,
На землю падает звезда.

Как будто вечное сомненье
Она бросает, уходя
В свое короткое горенье,
В мерцанье звездного дождя.

ПЕНЬ

Разрушенные летние чертоги.
Руины света. Задремавший день.
Среди стволов у брошенной дороги
Как чей-то трон темнеет старый пень.

Какое место для лесного бога!
Но бог исчез. И трон стоит пустым.
И, поднимаясь, старая дорога
В тень облака уходит перед ним.

Теперь, давно забытый муравьями,
Покрыт листвой опавшей, тишиной,
Когда-то здесь звучавшими словами
Быть может он поделится со мной.

Я подойду, смахну листву и сяду.
Куда спешить? Я помолчать готов.
И слушать за терпение в награду
Мелодию неуловимых слов.

АВГУСТ

Август, август, — пора ожиданья
И тревоги от высших вестей.
Эти крыши и ветки у зданья
Растеряют крылатых гостей.

В лужу брошены старые доски.
Вместе с ними забыть ты не смог
В близком небе своем перекрестки
Не измеренных птичьих дорог.

Гаснут будни твои, холода.
Но сейчас, не жалея о том,
Как по небу пройду по воде я,
А по синим просторам — потом.

Мне трава у асфальта знакома.
Мы еще на углу постоим.
Ты меня провожаешь до дома,
А не к облачным далям над ним.

* * *

Спасибо вам за чувство дали,
Мои земные облака.
Вы ничего не обещали,
А просто шли издалека.

У зарастающей дороги
Склонялась в колеи трава.
Вы плыли медленно, как боги,
Без горечи и торжества.

За ваше вечное сиянье,
За ваш мерцающий покой,
Я видел, машет на прощанье
Вам с ветки слабый лист сухой.

Но вы его не замечали.
И он, сгорающий в огне,
Рванулся молча в ваши дали.
И полетел под ноги мне.

Скользнула холодком по коже
Его мгновенная печаль.
И в этот миг он был дороже,
Чем вы, открывшие мне даль.

ФОНТАНЫ РАЯ

Блестит в пересохшем фонтане
Вода от недавних дождей.
И улица тонет в тумане,
Скрывая дома и людей.

Промокшие тенты убрали.
С площадок столы унесли.
И солнце проглянет едва ли
Сквозь тучи и в лужах земли.

Ничто здесь не дышит спасеньем.
Опавшие листья мертвы.
И кто-то в пространстве осеннем
Стоит, не подняв головы.

Но, время бесцельно теряя,
Он видит, как там, за двором,
Фонтаны цветущего рая
Сверкают живым серебром.

ДИКАЯ ВИШНЯ

Тускнеют блики диких вишен,
С вечерним солнцем говоря.
И в этом разговоре слышен
Негромкий голос сентября.

Где так недавно ливни лета
Шумели, жить взахлеб спеша,
Теперь штрихи и пятна света
Осеннего карандаша.

Кусты и поздняя крапива.
И берег Волги в стороне.
И на тропинке у обрыва
Опавший лист напомнил мне,

Что я иду в лучах заката
По склону жизни налегке.
И у меня с листвой зажата
И гаснет вишня в кулаке.

* * *

Лес в ноябре прозрачен и бесплотен.
Ни шороха. Ни запаха смолы.
И кажется, что тесно между сосен
Стоят из света легкие стволы,

Что в лес лучей, хранящий сны столетий,
Мы забредем когда-нибудь потом,
Как в шумный сад, смеясь, заходят дети,
Как солнце входит утром в новый дом.

Там не заметны ни часы, ни годы.
Ни прошлого, ни будущего нет.
Там не бывает хмурой непогоды.
Там вечный день. Невыразимый свет.

Там дремлет зелень в брызгах земляники –
Случайно приоткравшийся сейчас
Далекий мир, таинственный и дикий,
Но недоступный никому из нас.

УТРО В ЖИГУЛЯХ

На жигулевские курганы,
Повеяв свежестью речной,
Как мысли местности, туманы
Ложатся влажной пеленой.

Пожухли, выцвели, и в травы
Упали с листьями века...
Не слышно их великой славы.
И дремлет тихая река.

Плынут неясные виденья
Былых метелей и дождей.
И придорожные растенья
Встают как призраки людей.

И, погружаясь в эти думы,
Невольно трогаешь рукой
Кустов старинные костюмы.
И видишь парус над рекой.

Когда осветит перевалы
Багровый шар издалека, —
Здесь снова будут только скалы
И осыпи известняка.

ДОГОВОР

На мокром асфальтовом лаке
Рассыпал огни светофор.
И в этом простуженном мраке
Я вспомнил один договор.

Свидетелем птица ворона
Смотрела в кустах под стеной
На лист облетевшего клена,
Подписанный жизнью и мной.

Но память давно позабыла
И строчки, и даты число, —
Дождями размыты чернила
И ветром листву унесло.

Я листья ловлю под огнями,
Как будто найду в тишине:
И тот договор между нами,
И все, что обещано мне.

* * *

На траве у древесных корней
Догорает, летит на дорогу
Драгоценная летопись дней,
Уходящих от нас понемногу.

Там живет мой забывчивый друг –
Старый желудь в коричневой шляпке.
Он рассеянно смотрит вокруг,
Ловит листья и прячет их в папке.

Я нашел эту папку в дупле.
Со стихами о нашей земле.

КОСТЕР

Бестелесное облако дыма,
Поднимаясь, летит от костра.
Так же жизнь наша неуловима,
А надежда легка и остра.

Там, где насыпь за сонным заливом,
У темнеющих в поле стогов,
В перестуке колес торопливом —
Пересчет не минут, а веков.

Уплывая за скошенным летом,
Над кустами развеется дым.
И случайные мысли об этом
Неизбежно уступят другим.

Потому что беспечен и светел
Был огонь, не желающий знать,
Что холодный, засыпанный пепел
Никого не согреет опять.

ПЛАНЕТАРИЙ

Опять в одном из полушарий
Рассыпан звезд холдный свет.
И мир открыт, как планетарий –
Приют заброшенных планет.

Тревожа запахом полыни,
Вдохнувшей трав сгоревших дым,
Молчат небесные пустыни
Под старым куполом своим.

А за оградой, где природа
В спокойный сон погружена,
На тихом кладбище, у входа
Листва опавшая видна, –

Как будто брошены билеты.
И посетители ушли.
Но те же звезды и планеты
Горят по-прежнему вдали.

НЕБЕСНЫЕ МЕДВЕДИ

Из звездного леса медведи
Хранят сундуки языка.
Простите мне, Буки и Веди,
Что я вас не знаю пока,

Что я вас назвал именами
Случайными... так... наугад,
Что млечный напиток ковшами
Я с вами не пил в листопад.

Пусть листья на ваши берлоги
Летят и летят в тишине,
Засыпав глухие дороги,
Забытые вами во сне.

Простите, прощайте, до встречи
В бору заповедной весны,
Где ярмарка птичьих наречий.
А наши слова не нужны.

* * *

Налейте мне, тучи, в ладони воды,
Прозрачной воды дождевой.
Я выпью за чувство любви и беды
Холодной, горчащей, живой.

Потом, вспоминая о жизни своей,
Я вспомню и этот глоток,
Как, может быть, самое лучшее в ней,
Как несколько искренних строк.

* * *

Такой ослепительно-ясный,
Спешащий, порывистый день,
Как лист зазевавшийся красный,
Летит в придорожную тень.

И северных птиц виноградом —
Рябиной горчит синева.
А жизнь, проходящая рядом,
Смеется, теряя слова.

Ее зазывают витрины
Цветным магазинным теплом,
Где зыбкие лица и спины
С размывчатым слиты стеклом.

Мы знанием скорбь не умножим!
Огни предлагают тебе
На улице жизни прохожим
Опять потолкаться в толпе.

Сменяй же бумаги и книги, —
Страну заблудившихся дум,
На взглядов случайные миги,
На ветер вечерний и шум.

* * *

В темных ветках опавшего клена
Задрожали ночные огни.
На ветру выстывая до звона
По дворам покатились они.

Вот и город пустеет, как это
Государство пропавшей листвы.
Да и улица прячется где-то,
Расплываясь среди синевы.

В стороне, где фонарь и ограда,
И погасшие окна во мгле,
Над качелями детского сада
Пьяный сторож летит на метле.

Он уносится в радостном страхе
К вечным звездам, молчащим вдали,
От лежащей в разврате и прахе
Позабывшейся милой земли.

ТОПОЛЬ

Мой тополь, одетый в кольчугу
Из капель и света зари,
Как самому лучшему другу
Мне сказки свои повтори

О лесных тенистой дубравы...
И, может, я снова вернусь
К валам богатырской заставы,
Хранящей небесную Русь;

О птицах и бледных русалках,
О домике Бабы-Яги,
Где сохнут кувшины на палках
И кот задремал у ноги.

Я слышал. Но снова и снова
В спокойном вечернем огне
Душа улыбнувшись готова
Бездумной твоей болтовне.

В такой безотчетной надежде,
У хмурого дня на краю,
Ей хочется верить, как прежде,
В бессмертную участь свою.

* * *

В минуты последнего света,
Когда затихает закат,
Тревожной улыбкой ответа
Оконные стекла горят.

Еще не задернуты шторы,
Небрежно открытые днем.
И комнаты, и коридоры
Залиты нездешним огнем.

Как будто в небесном чертоге
Мерцает привычный уют.
О солнечной вечной дороге
Прозрачные струи поют,

Звенят улетающим хором...
И жизнь беспричинно легка.
И где-то за волжским простором
Стоят в синеве облака.

ОБРАЩЕНИЕ К ШЕКСПИРУ

Как в раковине гул былых штормов,
Раскаты грома, смерть и возрожденье, —
Во мне живет звучанье старых слов,
Приобретая новое значенье.

Так за волной встающая волна
Неотличима от прошедших прежде.
И целый мир хранит в себе она
В такой же вечной, солнечной надежде.

Она спешит к бревестным берегам,
Чтоб там, у них, с любовью неизменной,
Под ветра шум и птиц базарный гам,
Разбившись, вспыхнуть серебристой пеной.

Но образ Ваш из бездны голубой
Нам не вернет немолкнувший прибой.

МЕЛЬНИЦА

По-прежнему в небе над лесом
Осенняя брезжит луна.
И в призрачном свете белесом
Мне мельница в чаще видна.

Там хмурый, седеющий мельник
Работает – мелет года.
...И память, как цепкий репейник,
Уже не стряхнуть никогда.

И всё, просиявшее былью
Высоких и солнечных дней,
Блестит фосфорической пылью
Тропинки в разрывах теней.

Вращаются лунные крылья.
Шуршат и скрипят жернова.
И чувствую мертвую пыль я,
К траве прикоснувшись едва.

Проклятый старик! Неужели,
Здесь все, что случилось со мной,
Развеялось в лиственной прели
И в запахе гнили грибной?

ИМЕНА

Я забыл имена дождей.
Я забыл имена ветров.
Я забыл имена людей.
Я забыл назначенье слов.

Незаметно идут дожди.
Ветер зонтик не рвет из рук.
И молчит, затаясь в груди,
Стиснув тонкие губы, звук.

Мир без имени не живет.
Может, был он, а может – нет,
Как бесшумный листа полет,
Как скользнувший по стеклам свет.

Мир без имени глух и пуст.
...Только ветер, устав от сна,
Хлопнул дверью, взъерошил куст
И вернул всему имена.

КОЛОДЕЦ

Я вижу колодец далекий
С холодной, прозрачной водой.
И вечер. И лист одинокий,
Плывущий за первой звездой.

Бесшумно сорвавшийся с дуба,
Не помня уже ничего,
Он кружится около сруба
И трогает бревна его.

И туч потемневшие спины
Легко омывает вода.
И дышат за ними глубины,
Хранящие дни и года.

Но спрашивал я без успеха
О жизни у прошлых веков.
В нем голос продрогшего эха
Смеялся и плакал без слов.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Сегодня снег совсем не стоек, —
Рисуя в воздухе пустом
Кварталы призрачных построек,
Он тает в лужах за окном.

Побелит ненадолго крышу.
Мазнет известкой по стене.
...Как будто в первый раз я вижу
Его в предзимной тишине.

Как будто песня прозвучала
Про голубые города
Без окончанья, без начала,
Кружась пластинкой изо льда.

Плынут виденья снежевые.
И в их пространстве для меня
За глянцем стекол все впервые:
Дома, дороги, сумрак дня.

* * *

Останутся птичий следы на снегу,
Останутся вечные строчки.
Я так сочинить никогда не смогу,
Забыв запятые и точки.

Рассыплются буквы бумажных страниц.
И это, конечно, не ново.
Мне кажется, что в этом мире без птиц
Исчезнет последнее слово.

А с птичьего неба опустится снег
В наивной, бессмертной надежде.
И брошенных строчек прерывистый бег
Расскажет о жизни как прежде.

ОГНИ ЗЕМЛИ

Над сумрачным снегом сверкают огни.
Под крышами россыпь огней.
Чем дальше, тем больше дороже они,
Старинных сокровищ ценней.

Я их не закрою в надежный сундук.
И не закопаю в земле.
Они, промелькнув, ускользают из рук
И снова мерцают во мгле.

Судьба моя, легкая как кошелек,
Который с деньгами и без!
Пока нахожу хоть один огонек,
Я буду богаче, чем Крез.

Не буду в долгу перед жизнью земной.
Глазами скользнув по лучу,
Огнями, горящими вместе со мной,
Я щедро за все заплачу.

* * *

Пустеющий город вечерний.
Подъезды. Машины в снегу.
И сумрак сквозящий и древний
Зовет из окраин пургу.

Когда уже полночь глухая,
Она изменяет свой бег,
О чем-то бормочет, вздыхая,
Спешит, зарывается в снег.

Как будто ее задержали,
А надо успеть в магазин.
Но так понимает едва ли
Случайный прохожий один.

Не все магазины закрыты.
В изменчивом свете реклам
Плынут тротуарные плиты
По снежным холодным волнам.

И тень человека, ныряя,
Уходит за дом, как на дно,
Где жгучая бездна седая.
Где нет никого. И темно.

* * *

Веселые аппликации
Рябин на первом снегу.
О, жизнь! Твои новые акции
Я выкупить не смогу.

Счета мои убывают.
А строчки стихов не в счет.
Не взять у судьбы тайм-аут.
А время идет, идет.

Настанет пора расчета.
Я буду опять в долгу
За светлое чувство полета,
За грозды рябин на снегу.

* * *

Вечернего света скольжение
По свежим сугробам у ног.
...Но лучшее стихотворенье
Я вспомнить сегодня не смог.

Закат, растревоживший память,
В снегу зажигает следы.
А все-таки жизнь не представить
Без этой обычной беды,

Без дымки морозной над нами
И дальней полоски зари,
Без длинных теней за домами,
Где стынут в слезах фонари.

* * *

Вячеславу Смирнову

Колеса спокойно стучали.
И медленно плыли в окне
Пустынные, светлые дали
В холодном, вечернем огне.

А небо над русской равниной
Темнело, свозя синевой
Скитальческой и журавлиной,
Как вечные сказки старинной,
В одних только песнях живой.

Когда громыхающей тенью
Вагоны прошли по мосту,
Казалось, поддавшись мгновению,
Слепому порыву, сомнению,
Взлетают они в высоту.

Расставшись с землей несчастливой,
Исчезнут в закатной дали
Над речкой, над стынущей ивой,
Над селами в снежной пыли.

ПОЗДНИЙ СВЕТ

Поздний свет, старинный, но не старый,
Ни минут, ни тысячи веков
Он не помнит. Будто взгляд усталый
На закате из-за облаков.

В нем улыбка вечно молодая
Перед светлой свежестью зимы,
Перед всем, что жизнью называя,
Слишком редко замечаем мы.

ПИВБАР «МОРСКОЙ ВОЛК»

Мокрый снег налипает на стены,
На стекло и столбы фонарей
И срывается клочьями пены
Разыгравшихся выюжных морей.

Как скупой огонек папиросы,
Помутневшее тлеет окно,
Где в пивбаре томятся матросы
С кораблей, затонувших давно.

И в мозгах, затуманенных пивом,
На минуту прервав разговор,
Крики чаек над синим заливом
Их зовут в посвежевший простор.

Там маяк, на утесе мигая,
Засмотрелся в прибрежную рань.
И в насмешливый хрип попугая
Превращается пьяная брань.

И совсем не вечерняя выюга
Белизной ослепляет глаза, —
А плывут, обгоняя друг друга,
Каравеллы, подняв паруса.

ЗИМА

Глаза мне прикрыла руками.
Но я узнаю тебя, ты –
Застывшие под облаками
Из свежего снега кусты.

Сощурясь от света, замечу
Твой облик, прозрачный насквозь,
Где улицы, выйдя навстречу,
Опять разбегаются врозь,

Где небо от края до края
И солнце стекает к ногам,
Где каждый прохожий, не зная,
По легким скользит облакам.

МАГАЗИН ЛУНЫ

От бумажных китайских ракет
На ветвях загорается иней.
То зеленой, то красной, то синей
Высотой отзывается свет.

Новогодняя ночь холодна.

Где-то звезды молчат над домами.

Тротуары скрипят под ногами.

И висит, как реклама, Луна.

А под ней за бесплотным стеклом,
За витриной, текучие тени.
Рядом столб фонаря и ступени.
И в стекле отразившийся дом.

Он дрожит от летящих огней,

От машин, проезжающих мимо.

И сливаются неуловимо

С глубиной магазинных теней.

Там на полках товары с Луны.
Но прозрачные двери закрыты.
И дорожки неровные плиты
Вместе с лестницей заметены.

Серый жемчуг из Моря Дождей

И ковры из далеких селений,

И плоды неизвестных растений

Здесь не купит никто из людей,

Потому что прохожим видны:

Только снег, где затоптана хвоя

И бетонные блоки пристроя,

И забытый тонар у стены.

* * *

Воробы на подтаявшем льду
Скачут в отблесках ясного неба
И, свою забывая нужду,
Копошатся над корочкой хлеба.

Эта оттепель скоро пройдет.
Помутнеют морозные дали.
Только станет сегодня едва ли
Беспокойнее птичий полет.

Не живут они завтрашним днем,
Но счастливой минутой единой,
Ослепленные пьяным огнем
Ненадежной весны воробьиной.

ЛИЦА ОГНЕЙ

Когда все спят, и лунная светлица
Сквозит узором призрачных теней,
В мое окно заглядывают лица
Огней небесных и земных огней.

Напрасно я в холодных бликах где-то
Хотел найти знакомые черты.
Мне никогда не удавалось это.
Они всегда безмолвны и пусты.

Я думаю, нам не понять друг друга.
Есть тайны, не доступные живым.
Мы дети дня. Мы из другого круга.
Мы радуемся, плачем, говорим...

* * *

Мерцает чаша Вечного огня.
А в глубине зеркального гранита,
Тревожные видения храня,
Багровой дымкой кровь войны разлита.

С тех давних лет течет ее огонь
По граням плит, по буквам из металла,
Хотя ничья случайная ладонь
Его, скользнув, еще не ощущала.

На площади, вдали от всех столиц,
По праздникам склоняясь над венками,
Плынут в граните отраженья лиц.
И голубеет свет за облаками.

Он о земле не знает ничего –
Все имена и кровь им позабыты.
И у огня цветы не для него
Положены на каменные плиты.

ПУШКИН

Стоит он в бронзе. Навсегда ничей.
И мы бездумно повторять не вправе
Прочитанных по слушаю речей
О вечной жизни и о вечной славе.

Зачем нужны привычные слова,
Которые его постичь не в силах?
В них память прорастает как трава
Беспечная на брошенных могилах.

Нет, он убит на дальнем берегу
В холодных бликах меркнущего света.
И дней не остановишь на бегу.
И не задержишь выстрел пистолета.

И не вернешь того, что не вернуть,
Что навсегда с собой уносят годы.
...Но есть стихи, как бесконечный путь,
Как тайна нераскрытая природы.

* * *

Смотри уставшими глазами
На яркий предвесенний свет.
За синевой и за слезами
Не разглядеть ни дней, ни лет.

Опять, опять в сугробах где-то
Пробились тайные ключи.
И ты, почувствовавший это,
Постой, послушай, помолчи.

И пахнет воздух талым снегом.
И все плывет как в полусне.
И зеленеющим побегом
Сырой кирпич пророс в стене.

Смотри на первый блеск капели
И ничему не прекословь...
И пусть без смысла и без цели
Земное небом дышит вновь.

* * *

Язык умрет. Окаменеет слово
Как раковины в наслойнях лет.
В нем не найдешь дыхания живого.
В нем жизни нет. Поэзии в нем нет.

Изгибы букв как панцири и кости,
Как под стеклом музейным экспонат.
Я думаю без горечи и злости:
Пусть будет так. Никто не виноват.

Хранящийся в таинственной основе,
Во внешних формах мир не так уж нов.
Поэзия живет совсем не в слове, —
В неуловимом сочетанье слов.

В обрывках книг она не умирала.
Пройдут года. И где-то вдалеке
Пусть повторится все, что есть, с начала
В другой судьбе. На новом языке.

* * *

Не много дано человеку.
Но хочется мне иногда
Пройти по зеленому снегу,
Не зная, зачем и куда.

Чтоб вечное небо стояло
С безвестной звездой в глубине
Над снегом цветущим. Так мало,
Но все-таки хочется мне:

Идти как по летнему лугу,
Смотреть как сверкает звезда.
И с ней улыбаться друг другу.
Как было... не помню когда.

* * *

Февральское небо горело,
Стекая на снежный простор.
И дуба тяжелое тело
Горело как черный костер.

И где-то в открытое ухо
Лесной, ледяной тишины
Стучало неровно и глухо
Ожившее сердце весны.

|||



ВРЕМЯ
ПРИДУМАНО
НАМИ

* * *

Последний снег растаял на балконе.
И с новым чувством замечаю я, —
Что утонули в дымном небосклоне:
Соседний лес, ограда и скамья.

В окне машины проезжают мимо.
Блестит сырой дороги полоса.
Во мне и там звучат непостижимо
Какой-то вечной жизни голоса.

Теперь совсем не рвусь я на свободу,
Что дышит ветром, штору теребя.
С недавних пор, как ива смотрит в воду,
Душа моя глядит сама в себя.

ДАЛЕКАЯ ВЕСНА

Блесни мне лучами в тумане,
Земная весна без меня,
Где низко бежит по поляне
Залитая солнцем лыжня.

Бежит она к светлому лесу.
А в городе, где-то за ним,
Сосульки стучат по железу
Карнизов и тают как дым.

Там сохнут на крышах антенны.
И спорят в кустах воробьи.
И клены роняют на стены
Веселые тени свои.

И кажутся миром свободы
Просторы счастливой весны.
А наши забытые годы
Уже никому не нужны.

* * *

В памяти сливаются года
Как в ручьях сливается вода.
Может быть, была одна весна.
Может, не кончается она.

Я не помню, сколько было зим.
Голубые тени на снегу.
Снег почти растаял. А за ним
Ничего увидеть не могу.

Осени латунное кольцо
Где-нибудь найдется. Или нет.
Потемнело в зеркале лицо.
Я не помню, сколько было лет.

Этот день один. И жизнь одна.
Может быть, всегда была весна.
В памяти моей звенит вода
Как легко текущие годы.

* * *

Как нелегко бывает вспоминать,
Когда весна на языке невнятном
Старается нам снова рассказать
О чем-то дальнем и невероятном.

О той стране, в которую давно
Был вход забит, как дверь в подвале старом.
Там было пусто, тихо и темно.
Вдруг свет блеснул на грязном снеге талом.

Случайный луч такую даль открыл,
Что сердце, дрогнув, на мгновенье сжалось.
Ты все свои богатства позабыл!
Ты сам не знаешь, что тебе досталось.

Послушай! Не об этом ли опять,
Сверкая в лужах и во льду разбитом,
Старается весна нам рассказать
На языке невнятном и забытом.

* * *

Сосульки бросали капель как монеты,
В надежде вернуться опять под карнизы,
Где в марте, оттаяв, стекают рассветы.
И вновь уезжали куда-то без визы.

От золота крыш заслоняясь руками,
Я видел ожившие окна и шторы,
В стекле отраженную даль с облаками,
И там, в синеве, ледяные узоры.

Они возвратились. Но нет возвращенья
Тем солнечным дням с ожиданием счастья.
А капли блестят и не просят прощенья,
Не помня о прежнем, не зная участья.

Спасибо за то, что меня обманули,
Хотя обмануть никогда не хотели.
Я понял, что это не деньги, а пули,
Прозрачные пули, летящие к цели...

* * *

Понимание невыразимо.
Это музыка, образ без слов.
Проходящие рядом и мимо,
Кто из вас задержаться готов?

Кто почувствует, как задышали,
Засветились на солнце снега,
И как небо, размывшее дали,
Затопляет свои берега?

Строчки могут сверкнуть на бумаге,
Но не знают они никогда,
Как живет, просыпаясь в овраге,
И смеется от счастья вода.

Это выше чем слово. И выше
Даже облачных белых вершин.
Но звенит. Но стекает по крыше.
Но летит под колеса машин.

ДОРОГА

Дорога по талому снегу
Уходит до края земли,
Где дымное солнце в телегу
Скрипучего марта впряжен.

И снова забытой печалью
Сквозит из прошедших веков,
Как тучи стоящих за далью
Осевших, вечерних снегов.

Там войны, пожары и смуты.
И благовест колоколов
Считает года как минуты
В глухи захолустных углов.

Там села, боры и долины
Скрывают преданья свои.
Туда не доедут машины,
В страду укатав колеи.

Со снегом растает все это.
И, с облаком над головой,
Дорога проляжет сквозь лето,
Пыля, зарастая травой...

* * *

В лесу открываются люки.
И, с первым апрельским теплом,
Как прежде слышны перестуки
Ремонта под каждым стволом.

Сливаясь со звоном капели,
Тревожа личинки жуков,
Поют-заливаются дрели,
Срываются дробь молотков.

Землей перемазаны губы,
Спецовки и шапочки в ней
У гномов, меняющих трубы,
Болты и прокладки корней.

Жужжат раскаленные пилы...
И, выдав себя с головой,
Весны безрассудные силы
Простор затопляют листвой.

* * *

Повторится, но не так, как прежде,
Все, что ты давала мне, весна.
И теперь, в несбыточной надежде,
Я смотрю куда-то из окна.

Стали глубже и темнее дали.
И снега осели тяжелей.
Помнишь, раньше мы с улыбкой ждали
Свежий ветер от земных полей.

А сегодня ты мне не знакома.
По-другому ты заходишь в дом.
И ручьи, текущие у дома,
Не впадают в небо за углом.

К берегам неведомого края
По воде поплыли наши дни.
Новых тайн своих не открывая,
Ты, весна, хоть прежние верни.

* * *

На корочке льда поскользнувшись непрочной,
Умойся водой из трубы водосточной.
Потом, прислонившись, постой у стены.
...И ветром повеет из первой весны.
Смотри как вода протекает сквозь годы
И в лужах плывут от бензина разводы.
А там, за дорогой, сугробы свежей,
И каплет с нечищенных крыш гаражей.
И небо в светящейся дымке, как прежде.
И странно, что все еще в зимней одежде.
И в талые дали летят провода.
...И что-то поймешь ты о жизни тогда.
И снова услышишь как вешнее слово
Ржавеющей жестью звенит бестолково
О рыжей траве с почерневшей листвой,
Но где-то, за солнечным блеском, живой.
За солнечным блеском, где трепет и тени.
Там старого дома подъезд и ступени.
Там кукла сидит у скамейки одна.
И время бормочет в трубе у окна.

* * *

Над Волгой темнеют обрывы.
И пальцы не мерзнут мои.
И как-то по-новому живы
У шумных дорог воробы.

Скользит по сосновой иголке
И капает в лужу вода.
И даль проступает в осколке
Разбитого, вешнего льда.

Он тускло блестит под ногами.
И там, за годами, видна
Другая река с облаками
Из легкого детского сна.

Все тает в туманном кристалле...
И снова у Волги один
Я молча стою на причале
В простор отплывающих льдин.

И снова их в путь провожаю,
Меня не забравших с собой
К открытому, светлому краю,
Где ветер и дым голубой.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я вдруг проснусь, разбуженный сияньем.
Как будто в тучах за стеклом окна
С таинственным, неслышимым звучаньем
Плеснула неба яркая волна.

Как будто там невидимые руки
Открыли даль неведомой страны,
Где все слова, и образы, и звуки
Для человека не разделены.

Как будто все вернувшиеся годы,
Вся жизнь моя, весь мир в моем окне
Горят в огне разлившейся свободы,
В последнем, торжествующем огне.

* * *

Тает сугроб на крыше.
С крыши течет вода.
А небо гораздо выше!
Я часто смотрю туда.

Зачем я горю от жажды,
Стоя на берегу?
Я в небо брошусь однажды,
Когда уже не смогу.

Я брошусь в него как в Лету.
Губами коснусь волны...
Я землю забуду эту
И запах ее весны.

* * *

Теплый ветер, напоенный влагой,
Музыкой срывающейся с крыш,
Шелестит надорванной бумагой
Выцветших и красочных афиш.

Понемногу высыхают крыши.
Оживает, просыпаясь, мир.
Резкий ветер, распахни афиши
Будто окна сказочных квартир!

Потому что воздухом искусства
Очень быстро устаешь дышать.
Ветер, ветер, освежи мне чувства,
Возврати мне молодость опять!

Возврати незнанье и свободу,
И бессмертный льющийся покой.
Светлой каплей, падающей в воду,
Я глотну напиток золотой.

* * *

Мне хочется верить, что прошлого нет,
Что все в настоящем. И молодость тоже.
Так в тучах мелькает таинственный свет, –
Что легкая дрожь пробегает по коже.

Так резко откроется вдруг синева,
И дали стоят безмятежно-пустые, –
Что ты повторяешь все те же слова.
И чувства все те же – всегда молодые.

Намокшие стены. Блестящий карниз.
И больше не надо ни слова, ни строчки.
Всеечно! И капли срываются вниз.
И ставят, разбившись, последние точки.

* * *

И.П. Орлову

Тает снег. Заливает низины.
Ветер. Блестки весеннего хлама.
Над стеклом непомытой витрины
Мне однажды попалась реклама:

«Магазин уцененной одежды.
Продаем сапоги-скороходы!
Так что вы не теряйте надежды, –
Догоняйте ушедшие годы».

Я тогда не поверил, конечно.
Рядом дети по лужам бежали
И чему-то смеялись беспечно.
И синели над крышами дали.

А теперь возвращаться напрасно.
Там, в живом лабиринте квартала,
Те же лужи, по прежнему ясно.
Только вывеска где-то пропала.

СВЕТ В АПРЕЛЕ

I

Опять повторилась неделя,
Когда в облаках надо мной
Прозрачное небо апреля
Тревожит своей глубиной.

И вспомнишь: все так же звенело
И лужи синели везде,
И голубь такой же несмел
Гулял по рябящей воде.

Тот день, показавшийся вечным,
Ушел за дома, за года.
Другим проходящим и встречным
Смеялся он в лица тогда.

Но в мире спешащем и старом
Есть молодость — свет с высоты,
Разлившийся по тротуарам.
И в нем потеряешься ты.

II

Этот свет — как немолкнущий шум,
Как нестройное пенье и смех.
Он по лицам скользит наобум,
Небывалый имея успех.

Может, кажется только ему,
Что улыбки совсем не пустяк.
Сам не знаю еще, почему
В это верить мне хочется так,

Погружаясь в разлившийся свет,
Неумелое пенье и смех,
Где тревожащей памяти нет,
Где свобода прощенья – для всех.

III

То сиянье, где небо с ветвями,
Грязь и лужи на талом снегу,
За сугробами и за домами
Я увидеть уже не смогу.

Нет, наверно нисколько не хуже,
Но не так, как когда-то давно,
Это солнце расплывится в луже.
И ослепит не так все равно.

И не будет в нем радости смертной,
Тайной горечи дальних потерь
Этой жизни такой мимолетной,
Оказавшейся вечной теперь.

РОДИНА

Посмотрю на небо молодое
И замру от легкой высоты.
Надо мной в насмешливом покое
И в движенье вечном – снова ты.

Свежий ветер обнимает плечи
Как напоминанье и привет.
От твоей сбивающейся речи,
От твоей улыбки – этот свет.

Обращаясь к облачному краю,
К листвам, льющим утренний уют,
Говорю, волнуясь, вспоминаю.
...Но не вспомню, как тебя зовут.

* * *

Где ты живешь, мое воображенье?
Твоя страна среди далеких дней
Была — луча весеннего скольженье,
Волнение разбуженных теней.

Когда оттают тротуаров плиты,
За окнами, как невесомый дым,
Твои пространства светлые размыты
И ветер дышит запахом твоим.

Тогда с надеждой тайной и тревогой
Я чувствую, что, может, жизнь моя
Мне вспомнится сверкающей дорогой
В твои невыразимые края.

* * *

Рассвет. И черемухи листистой
Цветение возле угла.
Такой же прозрачной и чистой
Ты, жизнь моя, тоже была.

Последним дыханьем мороза
Туманилась луж синева.
Обычная, кажется, проза,
Но ей не давались слова.

Я веток касался руками
В еще молодой тишине.
И мир осыпался стихами
На плечи и под ноги мне.

* * *

Теряется вечное детство
Как башни песчаной страны,
Как бабочки яркой соседство,
Которой года не нужны.

Она, торопясь и мелькая,
Скрывается где-то в траве.
За ней появилась другая
Минуты на три или две.

Наверно, они прилетели
На праздник короткой поры
Порывом цветочной метели
Из дальнего мира игры.

Он к нам проникает повсюду
На крыльях посланниц своих.
И я никогда не забуду
Даров и приветствия их.

НЕВИДИМКА

Вечер, пахнущий нитроэмалью
Обновленных витрин и оград.
И заоблачной гаснущей далью
Полон чей-то задумчивый взгляд.

Первых листьев прозрачная дымка
Наплывает с ветвей на меня.
И молчит за спиной невидимка –
Светлый дух уходящего дня.

Я еще оглянусь и услышу
Как шаги затихают его.
Слабый отблеск ложится на крышу...
Исчезает... и нет никого.

Так и годы куда-то пропали.
Только мне их терять веселей
В этом запахе нитроэмали,
Теплых луж и зеленых аллей.

* * *

Я разучился торопить года.
И равнодушно дни терять от скуки.
Они теперь как ветер, как вода
Звенят, поют. Но не даются в руки.

Внимательно, как будто в полусне,
Я слушаю загадочное пенье.
Какие песни вы споете мне,
Чтоб заглушить всесильное сомненье?

Наверняка, последние слова
Я не пойму. И смысла не узнаю.
Но вот, как прежде, подросла трава
И листья снова радуются маю.

Весь мир звучит отпущенной струной.
И, может быть, стихает понемногу.
Поэтому и музыке земной
Не утаить далекую тревогу.

Я слушаю. Я чувствую всегда
Ее полет, ее прикосновенье.
Я разучился торопить года.
И не хочу остановить мгновенье.

КИТЕЖ

Прозрачный, мерцающий холод.
Старинные башни и гул.
Как будто таинственный город
В небесной воде утонул.

Искавший защиты высокой,
Он, в стенах из легкого льда,
Покорный судьбе одинокой,
Над нами плывет иногда.

Жестокую гибель земную
Он выменял как и просил
На вечную участь другую:
Игрушки неведомых сил.

В бездушном пространстве свободы.
Не в силах забыть ничего.
И ветры – дыханье природы –
Возводят и рушат его.

* * *

Не дано мне участи провидца.
Но и жить беспечно не могу.
Ты, душа, как сказочная птица,
Певшая на утреннем лугу.

Сколько разных песен там звучало!
Разве вспомнишь их теперь, когда
Потеряли светлое начало
Этой жизни быстрые года.

Вольных птиц мне не услышать пенье.
Только за домами для меня
В облаках горит их оперенье
На закате солнечного дня.

* * *

Заблудиться бы с ясными днями
В этом городе мне навсегда.
Пусть как рельсы сверкают над нами
И бегут к облакам провода.

Чтобы свежие краски рекламы,
Будто с ярких страниц букваря,
Как малыш из-под летней панамы
Улыбались, своё говоря.

Да и что мне в заоблачном мире!
Я остался б во всем и для всех,
Легкой музыкой в чьей-то квартире
Откликаясь на крик и на смех.

Но проспект под полуденным светом
Обрывается в даль, в облака.
Не остаться мне в городе этом.
Он отпустит меня. А пока...

ВСЕЛЕННОЙ

Еще сквозит в твоих ветвях
Тот взгляд, который был вчера,
В неугомонных воробьях
Слетает с крыш твоя игра.

Еще на тротуарах мел.
И дым в небесной синеве.
И двор немного поседел
От одуванчиков в траве.

Но мне приснился свет зари,
Короткий дождь в другом дворе,
И в мутных лужах пузыри,
И ты в таком же пузыре.

Там ты всплываешь только миг
К безбрежной жизни, в шум и блеск,
Где наших мыслей, дел и книг
Неуловим последний всплеск...

* * *

Над полем тучи темные нависли.
Короткий ливень землю ослепил.
Как призрачно и слабо тлеют мысли
В огромном мире древних, грозных сил!

Но те же силы в разуме – живые!
И, отражаясь, пробегают в нем:
Короткие удары грозовые
И контур тучи, вспыхнувшей огнем,

И проблеск неба, красный от заката...
И там, в дали вечерней, видно мне,
Как летний день уходит без возврата
С косым дождем по вымокшой стерне.

И ты уйдешь, мой мир непостижимый.
Забытый кем-то и открытый вновь
Бесцельный мир. И потому любимый.
И потому не вечный как любовь.

ТРАМВАЙ

...Быть может, забытые боги
Спускались сюда с высоты.
И здесь, на асфальте дороги,
Растут меловые цветы.

Спокойное солнце, вставая,
Лучами скользит по стене.
И детский рисунок трамвая
По рельсам подъехал ко мне.

Как будто заветного слова
Я понял значение. И вот
Волшебный трамвай Гумилева
Меня у песочницы ждет.

Разбужены утренним светом
Балконы и окна квартир.
И в свете струящемся этом
Живет нарисованный мир.

Там, тонкие рельсы скрывая,
Цветами желтеет простор.
Но я, не дойдя до трамвая,
Свернул на тропинку во двор.

* * *

В фотографическом альбоме,
На пыльной полке у окна,
Как в старом, позабытом доме
Застыла, выцвев, тишина.

Визг тормозов на перекрестке.
На стенах свет и трепет дня.
И мальчик в глаженой матроске
Со снимка смотрит на меня.

Двадцатый век. Начало века.
Такой же день и облака.
«Ночь, улица, фонарь, аптека...» –
Напишет нервная рука.

И, как столетие, в тетради
Страницу зачеркнет перо.
И вновь блеснет на водной глади
Луны плывущей серебро.

И мальчик, но в другой одежде,
В мобильник что-то говоря,
По улице пройдет, как прежде,
Под желтым светом фонаря.

РУЧЕЙ

У дачных заборов, где сосны безмолвны,
Где катятся времени легкие волны,
Где светятся тусклые звезды ночей,
Блестит безымянный, случайный ручей.

Заросший травой и заваленный хламом,
Он тихо сочится в стремление упрямом.
И скучные мухи летают над ним,
И стелется утренний, тающий дым.

Здесь люди бросают окурки у края.
Порой пропадая и вновь оживая,
Он все же хранит позабытые сны
На самом пороге неясной страны,

Чье имя звучит как далекое пенье.
Ее называют Страна Возвращенье.
Там солнечный блик как паук золотой
Сидит в паутине над самой водой.

И тот, кто пройдет по мосту паутины
Над грязью и зеленью сохнущей тины,
Окажется где-то на том берегу.
Я тоже хочу, но пока не могу.

НЕВЫРАЗИМОЕ

Как ливень приходит, не зная,
Зачем он, и кто он такой, –
Сквозящая даль молодая
Мерцает за каждой строкой.

Я раньше искал ее где-то
В дрожащей от луж синеве,
Когда безмятежное лето
Катилось мячом по траве.

Забылся мой мяч безответный, –
Мелькнул и пропал вдалеке
Как солнечный луч мимолетный,
Как пух в тополиной реке.

Он стал этой далью за словом,
За полупрозрачной листвой
В каком-то волнении новом
Спешащей, текущей, живой.

УСАДЬБА

Возле полуза забытых руин,
Где безмолвны кирпичные стены,
Ветер сдунал в траву балерин
С одуванчика, будто со сцены.

А когда-то вон там под стеной
Дожидались хозяев кареты.
И оркестр играл крепостной.
И какие гремели балеты!

И какие давались балы!
И синели заречные дали.
И аллей вековые стволы
От воздушных теней трепетали.

Столько лет незаметно прошло.
Но не все пропадет, от цветая:
Так же летнее льется тепло,
Та же в лужах пыльца золотая.

Снова здесь над тропинкой к пруду
Пролетает случайная муха.
И мелькают в траве, как в саду,
Чьи-то платья из легкого пуха.

ГНОМ

Пусть солнце пригреет немного
Цветы за случайным окном.
И глянет из мира чужого
На улицу комнатный гном.

Игрушечный гном деревянный,
Зачем улыбаешься мне
Сквозь призрачный отблеск стеклянный
В своей невозможной стране?

Все так же спешат пешеходы.
И небом синеет окно.
А годы... но что тебе годы?
Ты их не считаешь давно.

Ты вечен, — с улыбчивой рожей
Скучающий в пыльном тепле.
А я — незаметный прохожий,
Мелькнувший как тень на стекле.

* * *

Кто забросил на небо игрушки
И ушел, позабыв навсегда,
И лафет от стреляющей пушки,
И разрушенные города?

Ни во что уже больше не веря,
Там валяется розовый кит,
И забавная мордочка зверя
Неизвестной породы блестит.

Те же лужи, и вечер, и запах.
Разве жизнь не менялась никак?
Человечков в причудливых шляпах
Поглощает летающий мрак.

И в сомненье, и в тайной надежде,
Будто я перед ними в долгу,
Постою, посмотрю, но как прежде
Дотянуться до них не смогу.

* * *

Я молодость помню. И ливень живой.
Мы были бессмертны как боги!
Деревья от радости вниз головой
Росли у зеркальной дороги.

Дорога, сверкая, вела в синеву,
В плывущее облако лета.
Тогда я не думал: зачем я живу?
Зачем эта песенка спета?

* * *

И блеск на траве, и молчанье,
И тени в сосновой стране, —
Как будто высокое знанье,
Пока не открытое мне.

И старые пни, как морские
Чудовища призрачных лет,
На дали глядят городские,
На радостный утренний свет.

Как будто в них прежняя сила
Прервала бесплотные сны.
И снова земля отпустила
Из жадной своей глубины.

Они замирают, безмолвны,
И слушают в дымке веков
Как плещут спокойные волны
В пустой известняк облаков.

И пыль этих волн невесомых
Ложится прохладой росы.
И солнце заливов знакомых
Им светит в такие часы.

* * *

...Здесь вновь комарные сходки,
Как в давние дни и года.
На дне перевернутой лодки
Скрипучий песок и вода.

Вздыхает и плещет под ноги
Сверкающий солнцем прибой.
И гор Жигулевских отроги
Темнеют в дали голубой.

Достаточно, может, однажды
Стряхнуть паутину с лица.
Но нет утоления жажды
Душа на земле до конца.

И хочется видеть как прежде
Мальков у зеленых камней,
И облако в летней одежде,
И лодку, и чаек над ней.

РАДУГА

Радуга, радуга, после дождя
Отблеск дорог голубой.
Может, сейчас, не заметив тебя,
Я пробежал под тобой.

Здесь, за домами, другая земля
В трепете вечного дня.
Мокрой листвой облепив тополя,
Ветер летит на меня.

Хочется мне на колени упасть!
Радуга, может теперь
Прежнего времени кончится власть,
Прежних обид и потерь.

Радуга, что же ты меркнешь опять,
Прячешься в синюю муть?
Я не об этом хотел рассказать...
И не тебя обмануть...

* * *

«И можно жить и жить, не уставая», —
Я вспоминаю ранние слова.
Опять над Волгой синева без края...
Два облака... и снова синева.

Как рыбаки вытаскивая сети
Рассматривают скромный свой улов, —
Так я сейчас перебираю эти
Слова среди полузаытых слов.

Давно пропали старые тетради,
И чувства те, и молодость прошли
Текучей рябью на зеркальной глади,
Мелькающими чайками вдали.

Сквозь листья веет тишина живая.
Они как прежде говорят со мной,
Что можно жить и жить, не уставая.
И все равно, — что час, что век земной.

ПРОЗРАЧНЫЕ БАБОЧКИ

Стакан недопитого чая
Забытый, остыvший давно.
С обложки Набоков, скучая,
В открытое смотрит окно,

Где в утренних проблесках света,
Касаясь карнизов и рам,
Прозрачные бабочки лета
Летают по тихим дворам.

Лучей невесомые сети.
На вешалке плащ и пальто.
Россия... и бабочки эти,
Которых не видит никто.

* * *

В беспечном полете птичьем
Ты вновь не заметишь дрожи.
Но мало своим обличьем
Раздумья на птиц похожи.

И вновь под небесным кругом
Подвластны они сомнению,
Летящие друг за другом
Как тень по земле за тенью.

Как солнце бездумна радость.
А мысли всегда печальны.
В них сила и наша слабость,
И горечь последней тайны.

И наша свобода! К свету
Поднявшиеся над нами
Когда-нибудь землю эту
Забудут за облаками.

* * *

Может, снится усталость. И возраста нет.
Может, время придумано нами.
Отражается в лужах далекий рассвет,
Не такой, как сейчас за домами.

Может, в лужу шагнешь... и окажешься ты
В удивительном мире сияния,
Где висят без опор голубые мосты
И стоят невесомые зданья.

Где в заросших дворах зацветает жасмин,
Доставая до нижних балконов.
И скользят разноцветные линзы машин
Над опаловой дымкой газонов.

Но со дна поднимается серая муть.
С ветром катится мусор под ноги.
...И видение это уже не вернуть
На блестящем асфальте дороги.

КНИГА*

Девятнадцатый век из разрытых могил
Смотрит в небо и слушает шорох волны, —
Будто кто-то забытую книгу открыл.
Но слова этой книги уже не нужны.

В ней на старых страницах в глухи вечеров
Замирает трава безымянных полян
И плывут рыбаки к берегам островов,
И бредут бурлаки, превращаясь в туман.

Там дорожная пыль облетает со спиц
И в глубоких колодцах мерцает вода
Дальним отблеском дня в темных дырах глазниц.
А листва шелестит и сейчас как тогда.

Волжский ветер свеваёт просушенный прах.
Он засыпать песком эти кости готов.
Мало что остаётся в делах и словах.
Остальное — в таинственной книге без слов.

* Стихотворение написано по случаю археологических раскопок на месте старого кладбища г. Ставрополя-на-Волге

* * *

Было время – как Волга в разливе
Затопляло деревья низин,
К старой, многое помнящей иве
Прикасалось обломками льдин.

Расползлись ледяные заторы.
Отшумела и спала вода.
И души посветлевшей просторы
Не цвели еще так никогда.

Все заполнили листья и травы
С легким дымом костра вдалеке.
И мерцает настил переправы
От луны на вечерней реке.

Здравствуй, лето, спокойное лето,
В безднах ночи и в шелесте дня
Ты ветрами еще не отпето
И не скоро уйдешь от меня.

СОН

Квадраты и полосы света.
Уснувший полуденный зной.
И солнце безвестного лета
Течет, застывая смолой.

И мир превращается в странный,
Прозрачный кусок янтаря,
Какие на берег песчаный
Выносят земные моря.

Его подбирает ребенок
И видит сквозь желтый туман:
Далекого солнца обломок
И контуры сказочных стран.

У моря спокойного стоя,
От «зайчиков» щуря глаза,
Он слушает в шуме прибоя
Прошедших веков голоса.

КУКУШКА

Прокукуй мне, кукушка, хоть тысячу лет!
Я хотел бы пожить на земле.
Но ни сил у тебя, ни желания нет,
Разленившейся в летнем тепле.

Потерялась тропинка, травой заросла.
Не увидеть избушки твоей.
Только хочется думать, что ты не со зла
Забываешь всегда про людей,

Что не прячешь от нас в буреломах лесных
Наши лучшие годы и дни.
Расскажи мне, кукушка, немного о них.
Прокукуй... обещай... обмани...

ГРУЗОВИК

Горячий от летнего зноя
Надколотый пластик руля.
И в дымке земного покоя
Задумчивый голос шмеля.

А может, гуденье мотора.
И, руль повернув иногда,
Я, сидя на месте шофера,
Смотрю, как клубятся года.

И небо синеет сквозь крышу,
Темнея за пыльным стеклом.
И в шелесте листьев я слышу
Как ветер шумит под крылом.

Давно проросла сквозь пороги
Трава в проводках повилик.
...В кустах у забытой дороги
Стоит без колес грузовик.

* * *

Вдохнешь и выдохнешь... и бабочка лесная
Мелькнет и снова скроется в тени.
А за стволами, ничего не зная,
Уже горят вечерние огни.

Морским приливом затопляя сушу,
Сменяет ночь далекую зарю.
Ты, бабочка, напомнила мне душу,
Спешащую сквозь сумрак к фонарю.

Лети туда, где лунная подкова
В прозрачной дымке светит в этот час.
Прошу тебя, не возвращайся снова, –
Огни земли обманывают нас.

Зачем тебе у дачного сарая,
Под звездами, что так любила ты,
Кружиться, обжигаясь и сгорая,
И легким пеплом падать на кусты?

ЯЩЕРЫ

Открытые, светлые дали,
В огне догорая, горят.
Тяжелые тучи зажали
Багровой полоской закат.

Под ними без видимой цели
Прошли незаметно века.
...И ящеры долго смотрели,
Как в небе стоят облака.

Но туч мезозойские туши
Хранят первобытный уют.
И ящеров дикие души,
Быть может, с тех пор в них живут.

Таятся в угрюмом молчанье:
Века безысходной вражды,
Тяжелого грома рычанье
И древняя тайна беды.

Как отзвуки давних сражений,
Как отблески крови слепой,
Холодные, мертвые тени
Проходят над жизнью земной.

В пространстве от края до края
Ночную несут темноту,
В тревожном огне догорая.
И тают во мгле на лету.

* * *

Проржавевший металл куполов.
Летний воздух настоящ на зное.
...Мир людей не оставит следов,
Потеряв воплощенье земное.

Пробиваясь из мертвых камней,
Время ловит ростками слепыми
Стены храмов и тени коней
В облаках, проходящих над ними,

Гул сражений и шум городов
В отголосках далекого грома,
И в цветенье небесных садов
Ветки вишен у барского дома.

Засветилась звездой синева.
Где летучие лица и зданья?
...Но еще обжигают слова
В строчках книг, как осколки сознанья.

* * *

Ольховый полдень на краю болота.
Среди осоки ряска и покой.
И ровное гуденье самолета,
Как комара, не отогнать рукой.

И стебли трав, и тени под ногами,
И ствол ольхи – забылись летним сном.
И снится им полет за облаками
В сияющем пространстве неземном,

Где не стоит тяжелый запах тленья
Над илом и обломками костей,
И разорвались старой цепи звенья
Бесчисленных рождений и смертей.

А звук зовет, за лесом затихая.
Но сколько здесь ни слушай, ни смотри –
Безмолвна тина... И ольха сухая...
И скучные всплывают пузыри...

НЕБЕСНЫЙ ФЛОТ

Опускаются весла лучей
За бортами небесного флота.
Как всегда, после звездных ночей
Вместе с солнцем начнется работа.

Все, кто были в плену у земли,
Не нашли там покой и свободу.
И медлительных туч корабли
Рассекают незримую воду.

Синий месяц мелькнул, как дельфин,
И пропал в посветлевших просторах.
Дельту Нила и мрамор Афин
Вспоминают гребцы в разговорах.

Невесомые весла прочны.
Расплываются лица в тумане.
Только цепи уже не нужны –
Если нет берегов в океане.

* * *

Во времени есть переходы,
Есть улицы, есть тупики,
В которых прошедшие годы
Как пух тополиный легки.

Туда попадают случайно.
И это не многим дано.
Там ветер подкравшийся тайно
Листвой затеняет окно.

Там в мире тепла и сияния
Давно уже прожитых дней
Забытый секрет мирозданья
Тревожит и манит сильней.

Он в музыке возле вокзала,
Куда залетают гудки,
И в плеске волны у причала,
И веет прохладой реки.

Там, вторя беспечным гитарам,
Сверкают фонтаны, звеня.
И можно бродить по бульварам
В предчувствии вечного дня.

Забыться... и слушать вполуха
Как трется о тополь кормой
Оставленный катер из пуха
И ждет возвращенья домой.

* * *

Дома, деревья и дороги, —
Сквозь все мерцает вечный свет,
Хранитель жизни и тревоги
Забытых дней далеких лет.

Который раз проходишь мимо.
И замечаешь иногда,
Что в тишине, почти незримо,
Теряясь, замерли года.

Особенно в часы рассвета,
Когда у стен из полутишины
Шумит листва другого лета,
Ложится снег другой зимы.

И, забывая расставанье,
Заходишь в прошлое как в дом
Сквозь прерывающий дыханье
Бессмертный ветер за углом.

ПРЕДУТРЕННИЙ СВЕТ

Мерцают на площади плиты.
Скамейки в росистой пыли.
Дворы и проезды залиты
Предутренним светом земли.

В нем движутся странные тени,
Звучат незнакомо слова
Забытых давно поколений,
Чьи лица скрывает листва.

Какие безвестные дали
Вернули их снова сюда,
Где улиц они не узнали,
Где все изменили года?

Когда фонари над оградой
Ночные погасят огни,
Сольются с тенистой прохладой
И с утренней дымкой они.

АКВАРЕЛЬ

А жизнь – одно воображенье –
Расплывчатая акварель.
И в нем ее предназначенье,
Ее таинственная цель.

И мы в свеченье чистых красок,
В звучании случайных слов
Рисуем мир бесплотных масок,
И силуэтов, и домов.

И просто так, и для природы,
И для себя, и для людей.
...Но пусть его размоят годы
Потоком солнечных дождей.

ВЕТЕР ЦВЕТЕНЬЯ

Повеяло дальним цветеньем
В лицо от небесных полей.
И снова с забытым волнением
Стую на дороге своей.

И облако где-то над зданьем,
Задумчивый ветер и свет, —
Все стало одним обещаньем
Каких-то немыслимых лет.

Как будто прошедшие годы
Мне большего дать не смогли,
Чем листьев сквозящие своды
И пыльные травы земли,

Чем шум городских магистралей,
Стихающий там, за углом.
А ветер цветенья из далей
Напомнил о чем-то другом.

* * *

И облака, летящие над нами,
И улица с высокими домами,
И люди, проходящие по ней
Отбрасывают тень среди теней, –
Как ореол из музыки и света!
Но остается только сущность эта,
Когда уходит все в небытие,
Предназначенъе выполнив свое.
Я чувствую, мир заполняют тени:
Людей, вещей, животных и растений,
Как старый театральный реквизит.
Еще смеются сброшенные маски.
Еще звучат разыгранные сказки.
Но ключ не найден. И чердак закрыт.

* * *

Наверно, слышен плеск минут
Кукушке из часов...
Так волны времени бегут,
Не зная берегов.

Весь мир как будто отражен
В невидимой воде.
Стоит как город Китеж он,
Повсюду и нигде.

Сквозь арки облачных бойниц
Струится свет живой.
Но если вспыхнет взгляд зарниц
Во мгле предгрозовой,

Он разобьется на волне
В стеклянный блеск и дым.
И возродится в глубине
Уже совсем другим.

СКАЗКА

Пронизан лучами весь двор подметенный,
Где спит под деревьями сумрак зеленый.
Из легкого света – аллеи и скверы.
И курят на лавочках пенсионеры.

А им бы сбежать, превратившись в мальчишек,
На Волгу, где волны из солнечных вспышек.
Что было бы так замечательно-мудро
В такое-то лето! В такое-то утро!

И кажется, этой застенчивой ранью
Не будет отказа любому желанию.
И можно просить у ленивой природы,
Чтоб снова вернулись прошедшие годы.

Потом, улыбнувшись, кивнуть светофору
И мчаться за угол навстречу простору,
Где плещутся тени под листвами ивы,
Где вечная даль. И родители живы.

...Но это все пчелы, гудя над цветами,
Случайно реальность смешали с мечтами,
Как добрые эльфы из сказки забытой –
Беспечные жители клумбы политой.

* * *

И лето. И свет. И свобода.
И берег, бегущий к волнам.
Как банка прозрачного меда
Все это достанется нам.

Да, памяти горькой и сладкой,
Какой бы она ни была,
Ты будешь касаться, украдкой
Потеки слизнув со стекла.

Ты будешь касаться пустыни
Небесной, где сосен стволы,
Где запах травы и полыни,
И липнущей к пальцам смолы.

Там, в дымке полуденной лени,
Где вечность стоит полчаса,
Ушедшие лица и тени,
И шорохи, и голоса.

И чувства, такие земные,
Тебя не оставят в живых,
Как дикие пчелы лесные,
Как жала горящие их.

СТАРИЦА

Возле старицы темные ивы.
В ней и омуты неглубоки.
И травой зарастают обрывы
В стороне от теченья реки.

Воздух пахнет осокой и тиной,
Тишину и забвенье храня.
И свисает с ветвей паутиной
Пыльный свет бесконечного дня.

Может быть... это жизнь человека
После смерти его на земле
В стороне от спешащего века
Задремала в цветущем тепле.

Здесь стрекозы с пустыми глазами.
У кувшинок перо поплавка.
Только время теперь за холмами,
Как сменившая русло река.

* * *

Опустевший дебаркадер.
Листья ивы на песке.
И в бурунах свежих катер
Пробегает вдалеке.

Дышит ветер на причале,
Плещет солнная вода, –
Будто все здесь как вначале,
Все осталось как тогда.

Та же солнечная выюга.
И полуденный покой.
Тень спасательного круга
Волга трогает рукой.

Я бы верил в постоянство
Мира, если б не была
Разделившая пространство
Дымка зыбкого стекла,

Что стоит, не пропуская
Через столько лет и дней
К берегам земного рая,
Золотящимся за ней.

НОЧЬ

Настой на спирту муравьином.
Сосновый задумчивый шум.
И бродит в столетье былинном
Природы забывшийся ум.

Там гонят волшебные волки
Оленя заката с полей,
Русалка всплывает из Волги
В прозрачной тени Жигулей,

И блещут нельющейся влагой
Созвездия в лунном тепле,
И призрак подгнившей корягой
Сидит на отвесной скале,

И рябью порывисто-мелкой
Внезапно темнеет залив
Под низко летящей «тарелкой»,
Ее отражение скрыв.

И тени в лесу полупьяном
Как мысли блуждают в траве.
И утром — похмелье туманом
И дятел стучит в голове.

* * *

Снова музыка в праздничном парке.
Сладковатый дымок шашлыка.
И табачную блажь в иномарке
За стеклом разгоняет рука.

Дни развеялись пьяным угаром.
Но за дверцей никто не спросил,
Сколько с ними пропало задаром
И за доллары жизней и сил.

И бездумное длится веселье.
И гуляет толпа, веселясь.
А на кладбище вновь новоселье, —
Там венки опускаются в грязь.

И под музыки звуки живые,
Вдоль аллеи флагги шевеля,
Молча тучи встают грозовые,
Закипают листвой тополя.

Пусть в пространстве, дождями размытом,
Прогремит всепрощающий гром
Для лежащих под черным гранитом
И под скромным могильным холмом.

* * *

По травам дыханьем покоя
Вечерняя свежесть течет.
...И в мыслях теперь далеко я
От всех надоевших забот.

И можно смотреть на просторы,
Где с ветром заволжских полей
Дожди за пологие горы
Уходят дорогой своей.

И солнечный купол старинный
Скрывается в дымке седой.
И день, будто лист тополиный,
Блестит над прозрачной водой.

Пронизан сияньем беспечным,
Я с ним уже неразделим...
И все это кажется вечным
Сознанием и чувством моим.

* * *

Ничего я о смерти не знаю.
И не верю печали могил.
Я приснился любимому краю,
Где я ветром и ливнями был.

Не ограда, не камень надгробный,
Но, как память о жизни земной,
Только облака храм допотопный
Пусть безмолвно стоит надо мной.

* * *

Слепым дождем витрины вымыты.
И свет небесных расстояний.
И облака — живые вымыслы,
Наброски странных изваяний.

Еще не кончилась работа.
И мастерство не знает цели.
И ветер не берет расчета
У затихающей капели.

Он весь — порыв и вдохновение!
Он лепит мокрыми руками:
Траву, скамейки, луж волнение,
Дома, прохожих под зонтами.

Аллею с кленами любимыми
И тополиной плотью липкой
Сминает пальцами незримыми.
И губы трогает улыбкой.

* * *

Прозрачные, будто стрекозы,
Летают минуты и дни.
В короткие летние грозы
Под крышами дремлют они.

Сверканьем огня слюдяного,
Текущего с крыльев, звеня,
Дыханием счастья земного
Они ослепляют меня.

Под небом с его облаками,
Над травами в редком цвету
Мне хочется взять их руками,
Но пальцы скользят в пустоту.

КАМЕНЬ

Старый камень обжит пауками
У дороги в лесной глубине.
И над сосновами в даль с облаками
Кто-то едет на белом коне.

Время стерло слова предсказанья
И земной, и небесной судьбы.
Только воздух дрожит от жужжанья
И от пенья шмелиной трубы.

Под кустами в тенистой оправе
Раскрошился сухой известняк.
Прочитать бы о смерти и славе...
Но слова не узнаешь никак.

А в краю голубого молчанья,
С высоты не заметив меня,
Всадник начал терять очертанья,
Отделившись с копьем от коня.

Может, здесь он склонялся устало
И на строчки смотрел тяжело.
Только все за веками пропало,
Позабылось, травой заросло.

МОЛОДОСТЬ

Тебя я придумал, конечно.
Но ты же была и такой,
Когда улыбалась беспечно,
Смеялась, махала рукой.

И смех, и улыбка привета
Блестели росой на кустах.
И песня бессмертного лета
Звенела, текла в проводах.

Ты – молодость. Облик твой светел,
Как утро июньского дня.
А я, торопясь, не заметил,
Когда ты прошла сквозь меня...

ЗЕРКАЛО

В старом зеркале на стене
Целый день горит синева,
Даже если, блестя в окне,
Легкий дождь шелестит едва.

Даже если со всех сторон
Снег летит и почти темно, —
Летний полдень — прозрачный сон —
В зазеркалье течет в окно.

К облакам растут тополя
Там, в стране черепичных крыш.
Эта сказочная земля
Оживает, когда ты спишь.

А с утра небес глубина
Там стоит голубой водой.
И опять молчит у окна
Твой двойник, такой молодой.

* * *

За окном расцветает герань
Где-то в городе скучном, уездном.
И сверкает река Потудань,
Убегая к неведомым безднам.

Это город Юрятин. К нему
Сквозь страницы, в жару и морозы,
Задыхаясь в тяжелом дыму,
Подползают, ревя, паровозы.

Дальний голос печальной страны.
Уходящие в музыку звуки.
Ей другие размеры нужны, —
Как вагонных колес перестуки.

И от света ее облаков,
Ясных дней и осенних туманов,
Превращаются в строчки стихов
Все слова повестей и романов.

* * *

Высоко в облаках догорела заря.
У подъезда зеленая ртуть фонаря.

Крутит время галактики в мертвой дали
И стеклянные звезды уставшей земли.

И плывут по орбите огни городов,
Огоньки деревень и случайных костров.

А в старинных усадьбах, в забытых домах
Пляшет ветер на всех комариных балах.

И по рытвинам, кочкам и топям Руси
Едет скука со скрипом колес на оси.

Есть заброшенный центр у этой страны,
Где как души витают бесплотные сны.

Там в кладбищенских травах стоит тишина.
Над могилой Обломова светит Луна.

* * *

Города заката и рассвета
Из далеких птичьих облаков
В полудреме солнечного лета
Простояли тысячи веков.

Там ложатся медленные тени
На резные плиты мостовых.
Мраморные чистые ступени
В пятнах света бледно-золотых.

Там сады, не знающие жажды.
По каналам свежая вода.
Я, как будто живший там однажды,
Вспоминаю эти города.

Или, может, прочитал когда-то
В старой книге. И забыл о ней.
Память ускользает виновато
В шумный мир, в толпу привычных дней.

* * *

Дни рассыпались брызгами света
На песчаной дороге лесной
Там, где солнце горячего лета
Раскололось в траве под сосной.

Там, где спутник хорошей погоды,
Запах памяти – теплой смолы,
Где прошедшие люди и годы
Превращаются в эти стволы,

Где другая листва – молодая.
...Но еще возвращаешься ты
И спокойно идешь, узнавая
Их, живые как прежде, черты.

* * *

Плынут облака под разлившимся светом.
И небо, и время — одно.
Ложусь на траву с полудремлющим летом
Как будто на теплое дно.

Я чувствую тайную силу теченья,
Не знающего берегов.
И мысли мои не имеют значенья.
И я ни к чему не готов.

Я думаю снова о чем-то далеком
За этим и завтрашним днем.
И тело мое размывает потоком.
И мир мой. И память о нем.

* * *

Уютный поленовский дворик,
Колодец и бабушкин сад.
Пусть новый опишет историк
Забывшейся жизни уклад.

Рассмотрит лепнину фасада,
Где времени птичий следы.
И бабушка выйдет из сада –
Напиться волшебной воды.

Качнется тяжелая крышка.
Плеснутся в ведре облака.
И сразу исчезнет одышка...
И маленькой станет рука...

И годы растают как тени...
И в патриархальной Москве
Опять, расцарапав колени,
Завозятся дети в траве.

Играя, сорвут подорожник,
Поймают жука под кустом.
Все это возможно, художник? –
Ответь из страны за холстом.

ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР

Вечерние тени Цветного бульвара
Лежат на скамейке как плащ и газета.
Пройди, наступая на край тротуара,
Сквозь будничный день и течение света.

Вот дети шумят, возвращаясь из школы –
И смех, и слова с отголоском обиды.
Фургончик с рекламой потеющей «Колы»
Наверно заехал сюда из Флориды.

А дальше дорога совсем незнакома –
Петляет тропинкой асфальт под ногами,
Над красными скалами, как из-за дома
Летит птеродактиль большими кругами.

Быть может, ничто не ушло без возврата –
Блестит у песочниц пустыня Сахара.
И сами мы тоже в сиянье заката –
Земные виденья Цветного бульвара.

* * *

Бывает миг, когда уже не жаль
Ни прежних дней, ни вечного сомненья,
Когда под тучей озарится даль
Как будто мыслью светлого прозренья.

И синева течет над головой,
И заливает лужи под ногами.
И просто веришь в этот мир живой,
Изменчивый, смеющийся над нами.

* * *

В синей луже на крыше пристроя
Глубина и открытая высь —
Здесь, среди тишины и покоя,
Две великие бездны слились.

Отраженье вошло в отраженье.
Свет и легкие тени вокруг.
И неясного чувства движенье
Воду рябью подернуло вдруг.

В приоткрытые окна по коже
Протекло дуновение дня.
Просто ветер случайный... И все же
Это чувство коснулось меня.

Облака упливают за зданье.
Все спокойно. Но кажется мне,
Будто целого мира сознанье
Просыпалось и стихло во сне.

* * *

Я еще посижу у реки
На траве у ночного костра, —
Чтобы листья касались руки
И блуждали огни до утра.

Чтоб о камни плескалась вода.
Чтобы снова я был молодым.
И горчили как призрачный дым,
К облакам поднимаясь, года.

Чтобы запахом влажной земли
Потянуло с дороги лесной,
И молчали бы рядом со мной
Все, кто живы, и все, кто ушли.

Чтоб за ними темнели кусты,
Склон оврага и пыльный бурьян.
И рассвет дорогие черты
Превращал в придорожный туман.

ТОПОЛИНАЯ АЛЛЕЯ

Говорливое облако грома
Сорвалось с золотого гвоздя.
И на улице около дома
Прощумели потоки дождя.

Или это года прошумели
И затихли... жалей, не жалей.
Отражаются в лужах качели,
Фонари и стволы тополей.

Вея свежестью зрелого лета,
Теплый ветер тревожит листву.
Позабывшись от позднего света,
Я стою и смотрю в синеву.

Уголь солнца, за тучами тлея,
Рассыпается горстью огней.
И темнеет пустая аллея,
Забывая ушедших по ней.

ЭДГАР ПО

Пустынnyй двор. Карета возле дома.
В провалах туч скользящая луна.
В гигантском вихре звездного Мальстрема
Судьба Земли давно предрешена.

Когда опять смотрел в ночной простор он
На пламя свеч, на блики в складках штор,
Всезнающий и равнодушный ворон
Ему угрюмо каркнул: «Новермор».

Холодный ветер шевельнул страницу
С отметкой торопливого пера –
Как будто звал пославший эту птицу
Не ждать в бесплодных думах до утра.

Метнулось пламя. И затихло снова.
Тень человека вышла за порог.
Остались строчки. Но значенье слова
Еще никто перевести не смог.

* * *

Мне снилось спокойное лето
С веселой травой у стены.
И будто бы значило это,
Что больше не будет войны.

Что все пауки и букашки,
Стрекозы, шмели и жуки
Защитные сняли рубашки
И в землю воткнули штыки.

Кузнечики, взяв пулеметы,
Смолой залепили стволы.
А после, закончив работы,
Под щепкой накрыли столы.

И все, кто участвовал в пире,
Пьянящую пили росу
За мир в расцветающем мире,
В июне, в четвертом часу.

* * *

Солнце пробилось сквозь тучи.
Луч мимолетный упал
На леденящие кручи
Древних, кочующих скал.

Может, под тяжестью этой
Время ушло из оков.
Свет просиял над планетой
Памятью тысяч веков.

Будто с ожившой страницы
Книги, горящей в огне,
Ящеры, змеи и птицы
Зашевелились во мне.

Их цепенеющим взглядом
Вижу знакомый простор –
Вечное небо над рядом
Вставших над городом гор.

ЖАР-ПТИЦА

Однажды от чистой страницы,
Задумавшись, взгляд оторву.
И снова сиянье жар-птицы
Увижу в окне наяву.

Когда-то в листве с облаками
В другие мои вечера
Хотелось коснуться руками
Ее золотого пера.

В погоне за призрачным светом
В слова превратились года.
Но только, конечно, об этом
Я даже не думал тогда.

Не знаю, каким еще буду
В нездешнем огне молодом,
Какому поверю я чуду,
Склоняясь над безмолвным листом.

* * *

Фонтаны плещущего света,
Играя, бьют среди ветвей.
Меня опять обманет эта
Страна некончившихся дней.

Ее тенистые аллеи
Свои преданья сберегли.
И статуей богини Геи
Белеет облако вдали.

Я позабуду про потерю
Каких-то выдуманных лет.
И снова в жизнь свою поверю,
И в ливнем падающий свет.

В прохладе утреннего края
По нестареющему дню
Пойду, беспечно подставляя
Лицо летящему огню.

* * *

Окликнет заря из-за леса,
Разбудит спешащим дождем,
Стучащим о шифер навеса:
«Вставай, мы на Волгу идем.

Там пусто на ветреном пляже.
И прежняя плещет волна.
И чуть наклоняется та же
У края обрыва сосна».

Мой ливень стихающий, брызни
В лицо мне небесной водой!
Я спал, но проснулся от жизни
Теперь навсегда молодой.

Здесь все, что стоит за словами,
За утренним блеском листвы.
Теперь я свободен! Я с вами!
Я тоже такой же, как вы!

ГОЛУБИНЫЙ ДЕНЬ

Не такая уж голубь и птица –
Символ мира и солнечных дней,
Там, где вывеска с надписью «Пицца»,
Там, где лужа и небо над ней.

Да, я знаю такие приметы –
Легкий утренний свет и тепло,
И проснувшихся листьев советы
Верить в то, что тебе повезло,

Что прожить надо только беспечный
Голубиный немеркнущий день,
Уходя в этот шум его вечный
И дороги зеленую тень.

* * *

Я вспоминаю будто поневоле
В листве березы трепет молодой,
Колосьями желтеющее поле
И колеи, залитые водой.

Рожденная почти случайным взглядом
И возвратившись через много лет,
Вся эта даль стоит сегодня рядом,
Погружена в неугасимый свет.

И в медленном движении комбайна,
И в синеве, горящей надо мной,
Все та же свежесть первых чувств и тайна,
И сам я — жизнь стихии неземной.

Та жизнь, что больше времени и мысли.
Там сквозь стволы легко проходит луч,
За ним хлеба над небом уж нависли,
И шум машин как гром ушедших туч.

ЯХТ-КЛУБ

У залива постройки яхт-клуба.
Рядом – мачты, мостки, катера.
За дорогой над листьями дуба
Прежний свет золотится с утра.

Поднимаясь по тихой дороге,
Затененной прохладой лесной,
Я заметил, что месяц на роге
Возле мачты висит над волной.

Будто он зацепился за тросы
И не хочет упасть в глубину.
И туман, как дымок папиросы,
Легкой горечью лег на волну.

Не вчера ли вон там, у причала,
Где пустеет теперь синева,
Мне веселая чайка кричала
И звала на свои острова.

Мне сегодня напомнили это
Набегающих волн голоса.
Где ты, чайка... и давнее лето...
Где скользящие вдаль паруса...

ТАНЦОР

Кружась у намокшой резины,
Плывет взбаламученный сор.
И пляшет на крыше машины
Под ливнем прозрачный танцор.

Он мчится в мигающем свете
Забрызганных красных огней
В каком-то волшебном балете,
В безумном театре теней.

И все в нем – полет без расчета,
И самозабвенье, и дар!
Скользнув по эмали капота,
Он выбежал на тротуар.

И сразу, под шум перекрестка,
Качнув головой в серебре,
Исчез за витриной киоска
Среди тополей во дворе.

* * *

Как будто с лунных побережий,
С отвесных склонов облаков
Легко повеял ветер свежий
Забытым запахом снегов.

И мне, за стеклами машины,
Опять открылись впереди
Непокоренных гор вершины –
Тех, что на картах не найти.

Там глубь озер шумит осокой.
И спит лесов сосновых тиши.
И пагод Шамбалы далекой
Изгибы островерхих крыш.

Там за полетом осторожной
Полупрозрачной стрекозы
Следит из тени придорожной,
Присев на камень, Лао-Цзы...

НЕБЕСНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Вместо фотографий на стене
Дремлют пятна солнечного света.
Чьи-то лица смотрят в тишине
С каждого небесного портрета.

На обоях, выцветших слегка,
Их черты сливаются с узором.
За окном закат и облака.
Дышит ветер облачным простором.

Там трепещет темная листва,
Сдерживая резкие порывы.
И звучат неясные слова,
Что всегда близки они и живы —

Призраки сияющей страны,
Где легко проходят дни за днями.
...Блики уплывают со стены.
И опять становятся тенями.

* * *

Сочинитель моих сновидений,
Давший жизнь и траве, и ручью, —
Неуступчивый дух превращений, —
Я почувствовал волю твою.

Теплым ливнем упавший под ноги,
Ты в беспамятстве бросился ввысь,
Чтоб за крышей и в лужах дороги
Облака на закате зажглись.

Что тебе наша участь земная?
Никогда не тревожась о ней,
Ты везде пролетаешь, не зная
Ни прошедших, ни будущих дней.

* * *

Л. Артикуловой

За корпусом «Прилесья»
Безвестный край земли.
...Такая морда песья
У облака вдали.

Свободный, одинокий,
За дымкой голубой,
Небесный пес далекий,
Возьми меня с собой.

Бегущий краем Волги,
Ты слышишь ли меня?
Здесь сумерки так долги
До первого огня.

Темнеют стены зданий.
Над лесом слабый свет.
А до земных страданий
Природе дела нет.

Скрывает мрак аллею
И двор пустынnyй весь.
Возьми, я не жалею,
Я все оставлю здесь.

* * *

Ты едешь, мой белый «Икарус»,
Под небом июньского дня,
Где в облаке тающий парус
Позвал... и забыл про меня.

Он плыл над полями, над Волгой,
Над тенью, бегущей в кювет.
И жизнь мне казалась не долгой,
А вечной как утренний свет.

И солнце скользило по лицам.
Текли за окном провода.
И даже завидовать птицам
Еще не умел я тогда, —

Бесплотным морским альбатросам,
Летящим над бригом вдали;
И вахту несущим матросам,
Не знающим этой земли.

Прибрежные мели и скалы
Ничуть не тревожили их.
...И вновь вырастали кварталы
Знакомых домов городских.

И люди сходили, и годы —
К делам возвращаясь своим.
И где он, тот ветер свободы,
Автобус и призрак над ним?

* * *

На холме пологом и песчаном,
За которым даль и облака,
Заросли скучающим бурьяном,
Потерялись годы и века.

Стало редкой дымкой бесполезной
Медленное время. Ну и что ж...
Я запомнил свет страны небесной
И осины праздничную дрожь.

Ожиданье счастья и тревоги
В тонких листьях, трепетных ветвях, —
В этом тайна жизни и дороги
На песчаных, солнечных холмах.

ДЯТЕЛ

Запахи прежних лет.
Дятел стучит в глухи.
Только ответа нет —
Отклика для души.

Крепко закрыта дверь.
Что там за ней? — страна,
Где, как в лесу теперь,
Солнце и тишина.

Там у опушки луг.
Дышит в ручье вода.
Дятел, мой добрый друг,
Ты достучись туда.

И возвратись опять.
Здесь, на сосновом пне,
Дятел, я буду ждать.
Что ты расскажешь мне?

...Вот и вечерний свет
Пьют из цветов шмели.
Только ответа нет
В чуткой лесной дали.

* * *

Тишина на лесном перекрестке.
Столько света кругом разлилось, —
Будто ехало солнце в повозке
И сломалась подгнившая ось.

Будто время забыло о долгे
И в траве задремало слегка.
И спокойно, как баржи по Волге,
Проплывают, светясь, облака.

И бормочешь сухими губами,
Прислонившись к горячей сосне:
«Ветер... Волга... и баржи над нами...
В той стране... в тишине... в полусне...»

* * *

У станции водозабора,
За просекой в соснах горя,
Античная бродит Аврора –
По-нашему просто заря.

И смотрят в просторы осины
У самого края земли.
Быть может за ними Афины
И море синеет вдали.

В ложбине клубятся минуты,
И годы, и тысячи лет,
Как в чаше полынной цикуты.
И, в сущности, разницы нет –

Награда ли это, расплата,
Подарок ли, зависть судьбы...
И тенью улыбка Сократа
Дрожит на траве у трубы.

ПТИЦЫ

На улице тепло и сухо.
Но в поздний час предгрозовой
Мертвячий свет мелькает глухо
И гаснет вновь над головой.

Из туч мгновенные зарницы
Бросают блики по домам, —
Как будто огненные птицы
Бесшумно пролетают там.

Сверкающее оперенье
Пугает тени на стене.
На это грозное круженье
Смотрю в давящей тишине.

Там мир не нашего сознанья.
О чем их взглядов быстрых речь?
Дождем хотят упасть на зданья?
А может, молниями сжечь?

* * *

Дремлет небо в задумчивом зное.
Пьяный запах лесной тишины.
И в траве, как виденье земное,
Заблудились цветы... или сны.

Вот упость бы в молчащее море –
В них, не помнящих дней и веков,
Плыть и плыть в беспредельном просторе,
Где уже не найти берегов.

Чтобы снов пробегали зарницы.
И качались цветы в голове.
...А потом проросли сквозь глазницы
И опять потерялись в траве.

КЛАДЫ

Между сосен стоит тишина.
И молчат жигулевские кручи.
И в сосновом колодце без дна
Проплывают заволжские тучи.

Здесь, где в небо спускают ведро,
Чтоб напиться текучей прохлады,
Ночью старой луны серебро
У корней превращается в клады.

Раздвигая в кустах лопухи,
Вырыв яму под следом улитки,
Прошептав заклинаний стихи,
Ты увидишь тяжелые слитки.

Их приятно держать на весу.
Но, в синеющей дымке рассвета,
В серебрящую пальцы росу
Перельется иллюзия эта.

Под полуденным солнцем трава
Позабудет виденья ночные.
И останутся только слова,
Вызывающие клады земные.

* * *

На песке, у обрыва над Волгой
Постоять бы в ленивой тени
И о юности вспомнить недолгой, —
Про такие недавние дни.

Вспомнить каменный мыс волнолома,
Как у баржи темнела вода.
Может, снова зеленая дрема
Позовет возвратиться туда.

По тропинке, идущей у края,
А потом убегающей в лес,
Может быть, забреду я, не зная,
В мир совсем невозможных чудес.

Там скрывается вечное лето,
Как за пыльной листвой Жигули.
И опять я увижу все это:
Солнце, юность и тучи вдали.

ШИПОВНИК

Сегодня мне хочется снова,
Чтоб здесь на бумаге расцвел,
Как образ колючего слова,
Шиповник, гудящий от пчел.

Чтоб ветер с утра осторожно
Касался его лепестков.
Поверьте, что это возможно —
Рождение жизни из слов.

Не той, уходящей, а новой,
Разлитой как свет по листу,
Где тени под веткой кленовой
И темный шиповник в цвету.

СНЫ

На улицах мрака ночного,
Под сумрачным светом луны,
Как образы мира иного
Таятся тревожные сны.

Без мыслей, без слов, без участья
Скользят, не оставив свой след:
И отблеск манящего счастья,
И тусклый, томительный бред.

Но есть между ними и нами
Калитка в прозрачной стене.
Ее не откроешь руками.
И можно не вспомнить во сне.

Не все возвращаются снова.
И, жизнь забывая свою,
Блуждают без мысли, без слова
В далеком, неясном краю.

* * *

Прозрачный день, как в Бунинском рассказе.
На кладбище, где ржавые венки,
Тень от сосны на лицах, на «КАМАЗе».
И солнечные дали глубоки.

Он говорил, что наше счастье рядом.
Он говорил про погребальный вздор.
И я слежу за траурным обрядом,
С оград стряхая августовский сор.

Здесь, на границе полуторы и света,
Где, проходя, на гроб бросают прах,
Я для себя не нахожу ответа
В традиционных мыслях и речах.

Быть может, он в полузасохшей хвое?
И повторяют сосны и стена, —
Что смерти нет, что все вокруг живое,
Но только жизнь нам не во всем видна.

ЭКСКУРСИЯ

В этом траурном доме темно,
Хоть и чисто: ни грязи, ни пыли.
И хозяин не смотрит в окно.
И незримые годы проплыли.

Никого: ни врагов, ни друзей
И ни полуслучайных знакомых.
(Есть еще монастырский музей,
Там доспехи – хитин насекомых.

Расползлись по бревненным щелям
Их владельцы, но копья и стрелы
Остаются скучающим нам
Рассказать про другие пределы.)

Где огонь, освещавший камин,
Пальцы, бравшие эти бумаги?
Равнодушные стекла витрин
Прячут времени мертвые знаки.

Мы толпой говорливой пройдем,
Торопясь, понимая едва ли,
Отчего в этом доме пустом
Столько тайной любви и печали.

КОРАБЛИ ГРИНА

Столбы, ограды, заросли бурьяна
И меловые склоны Жигулей
Мне не откроют скалы Зурбагана
И у причала мачты кораблей.

Мир стал другим. Не лучше и не хуже.
И облетевший красный лист один
Напомнил мне, легко скользя по луже,
Те паруса, которым верил Грин.

Умолкли дудки, отсвистели пули
И берега растаяли вдали.
Где эти годы? Может, обманули
Меня и всех нас наши корабли?

Но о каком ты говоришь обмане, —
Смотри, смотри, под утренней звездой
Они скользят в редеющем тумане,
Как свет зари за облачной грядой.

* * *

Опускается ночь в моросящем, промозглом тумане,
В тихом шелесте улиц, в пустынных огнях фонарей.
У окна на столе, на компьютерном темном экране
Замелькали фигуры и зыбкие лица людей.

Тех, которые где-то в такие экраны смотрели.
Жизнь прошла незаметно, мерцая, не там и не тут.
И теперь им в окно виртуальные бьются метели,
В виртуальных садах виртуальные вишни цветут.

И потоками света уйдя в бесконечные сети,
В электронные схемы, забыли они навсегда
Эту землю ночную и хмурые улицы эти,
Где в холодной воде отразился фонарь как звезда.

ЭХО

Когда темнеет, и квартира
Плынет и тает в тишине,
Таинственное эхо мира
Звучит как музыка во мне.

Как уходящее свеченье,
Прощанье прожитого дня.
И в этот час воображенье
Тревожно шепчет для меня:

Что мир наш только отзвук эха
Других, исчезнувших миров,
Далекий отголосок смеха,
Дымок погаснувших костров.

Но в запахе листвы горящей,
В лучах рассеянных огней, —
Дыханье жизни настоящей,
Напоминание о ней.

И этот стынущий немного
Обычный ветер пыльных крыш
Поет земное для земного.
О чем, о чем ты говоришь?..

* * *

В теплых красках солнечного света
Золотятся берег и обрыв.
А внизу мелеет речка Лета –
Перейдешь, колен не замочив.

Лодка перевозчика Харона
На песке рассохлась от жары.
И, устав от собственного звона,
Сонно замолчали комары.

Там, за речкой, тот же лес и поле.
Над холмами те же облака.
И стоят, забывшись поневоле,
Все, кто шли сюда издалека.

В камышах, где стихшее теченье,
Прямо в ноги тыгчется плотва.
И теряют всякое значенье
Старых книг грозящие слова.

Чье-то имя выкликает птица.
От костров рыбакских гонит дым
И спокойно овеяет лица
Ветер встречи с близким и родным.

* * *

Мертвый дуб у дороги пустой
Ухватился за небо руками.
Пахнет осени свежий настой
Прелью листьев, травой и веками.

У опушки размыты песков.
Желтый лес, горизонт, неизвестность...
А вдали на холмах облаков
Тихий пригород, дачная местность.

Все веселые бабочки там,
Где листву не заносят метели,
Где раздолье шмелем и цветам.
И стрекозы туда улетели.

Пусть тревожная память хранит
Все, что в сущности значит немного:
Как холодный металл и гранит
Под венками тускнеют убого.

Легкой жаждой касается губ
Мысль о тайном родстве с облаками,
И желанье как высохший дуб
Удержаться за небо руками.

* * *

Когда слетает светлая листва
С моих страниц, и там, с ветвей у дома,
Мне кажется, что чем живей слова,
Тем меньше жизнь за окнами знакома.

Как будто кровь уходит из нее,
И все, что с ней и плакало, и пело.
И сумраком своим небытие
Течет сквозь исчезающее тело.

Мне хочется, сломав решетку строк,
Найти за ней и шум, и солнце сада.
Я только жду, когда настанет срок,
И проржавеет крепкая ограда.

* * *

Владимиру Мисюку

Зажгутся фонари и
Застынет лунный свет.
В кафе-кулинарии
Другого света нет.

Давно замки закрыты.
И в теплой полумгле
Мерцанием налиты
Стаканы на столе.

Стаканы и бутылки
Из лунного стекла.
Поблескивают вилки
Сквозь пальцы у стола.

И поздний шум мотора
Всплывает иногда
Как звук разговора,
Прошедший сквозь года.

И отголоски смеха.
И смотрит ночь в стекло.
Для встречи не помеха,
Что много лет прошло.

Пусть утром будет снова
Другая жизнь и свет.
Но в тайном мире слова
Земного солнца нет.

У КАРТИНЫ

Холодные волны прибоя
Катают песчинки по дну
И, пляжи пустынные моя,
Хранят за стеклом тишину.

А в небе прозрачно-зеленом,
За темной песчаной косой,
Оконченным пляжным сезоном
Разлился закат полосой...

Потом, отходя от картины,
Я вновь оглянусь на нее.
И в зеркале близкой витрины
Мелькнет отраженье мое.

За окнами город шумящий
И сумрак вечерний сейчас.
Мир вечный и мир преходящий,
Кому же мне верить из вас?

И как примирить мне такое,
Зовущее к далям своим,
Неясное и дорогое
С привычным, спешащим, живым?

* * *

Когда ни веры нет, ни знанья,
Когда над крышами темно,
Когда тревога миrozданья
Течет в закрытое окно,

Когда в таинственной надежде
Сверкают звезды, в этот час
Одно доверие, как прежде,
Приходит к нам, спасая нас.

* * *

Счастлив тот, чья весна совпадает с весной,
Чьи веснушки мелькают под рыжей сосной,
Чьи следы остаются на талом снегу.
Я таким возвратиться теперь не смогу.

Хорошо или нет умереть молодым –
Знают только опушек задумчивый дым
И растрепанный голубь в больничном окне.
Но они ничего не ответили мне.

Я мобильник возьму. Позвоню наугад.
Мне ответят гудки, что уже листопад,
Что те дни повторить никому не дано,
Что мальчишка смеющийся умер давно.

ОСЕННИЙ СВЕТ

Золотисто-зеленый, печальный,
Чистый сумрак холодного дня, –
Мир твой вечный и образ случайный
Как всегда беспокоят меня.

Замирая, стоит за дворами
Одиночный, единственный свет.
Что мне делать с твоими дарами,
Для которых названия нет?

Я-то думал, что я привыкаю,
Уходя по дороге за дом.
Но опять к неизвестному краю
Ты зовешь, позабыв обо всем.

Будто ждешь ты, что, может быть, снова
Оглянусь на дыханье твое,
И, забывший о музике слова,
Ненадолго услышу ее:

В тихом шелесте встречной машины,
В бесприютной листве под стеной,
В замерзающих гроздьях рябины,
В темных всполохах птиц надо мной.

ЗВЕЗДА НОЯБРЯ

Среди пустых ветвей за домом у дороги
Далекий свет звезды мелькает иногда.
Прохожие спешат, тревожно-одиноки,
Как эта в темноте безмолвная звезда.

У стен стучит капель и убавляет годы
На голубиный всплеск, на воробышний скок.
Ты мне ответь, звезда, и дай твоей свободы
Еще на шаг и взгляд, глубокий, как глоток.

Все даты позабыв и перепутав снова,
Быть может, в ноябре весна придет сюда...
И я останусь жить в небесном мире слова,
Как ты, в прорывах туч скользящая звезда.

* * *

Листва летит сырая,
Стучит в стекло как весть.
Но осень, дорогая,
Ты вся уже не здесь.

Ты – свет воспоминанья.
Ты в том краю, где нет
Для вечного сознанья
Окончившихся лет.

Где мир счастливой лени.
Где жизнь – бесцельный дар.
Где легких листвьев тени
Покрыли тротуар.

Где я иду у края
Асфальта в тишине,
Совсем еще не зная,
Что в жизни нужно мне.

Где ветер из-за дома.
И россыпи огней.
Где жизнь еще знакома
В листве летящих дней.

СМЕРТЬ ДИРЕКТОРА

Когда директор заурядной школы
От этой жизни стал сходить с ума, —
В стенномушкафу пылились дыроколы
И погружались в сумерки дома.

А поздней ночью выпало забвенье
На город, на далекие поля.
И под его спокойное круженье
В ограде тусовались тополя.

Оно ложилось молча на карнизы,
На улицы, на школьное крыльцо.
И в кабинет с улыбкой Моны Лизы
Из туч склонялось бледное лицо.

Оно слегка приоткрывало губы,
Ничем не нарушая тишину,
Пока директор без любимой шубы
Нетвердо шел к открытому окну.

Он бормотал о происках культуры,
Коснеющей в постмодернистском зле,
Что от нее давно подохли куры
В его родном заброшенном селе.

Есть у судьбы нелепые капризы...
Его нашли в сугробе у окна,
Где он лежал с улыбкой Моны Лизы,
В руке сжимая томик Шукшина.

* * *

За днями дни идут однообразно,
Как будто жизнь читаешь по складам.
Ты в ней понять стараешься напрасно
Значенье слова, сказанного нам.

Опять листаешь книжные страницы
И видишь свет, разлитый на снегу,
И синеву, где дерзкие синицы
Срывают с веток легкую пургу.

И яркая обертка на дороге
Мелькнет как праздник, кончившийся вдруг.
А что еще останется в итоге?
Какой восторг, похожий на испуг?

Какое мимолетное виденье,
Какой пустяк, какая ерунда
Вдруг отзовется как стихотворенье,
Которое не вспомнишь никогда?

ДВАДЦАТОМУ ВЕКУ

... Там замки из тусклого света
И стены, и рвы, и вода...
Пусть сказка старинная эта
Уже не придет никогда.

Воскресшему средневековью
Ты отдал печальную дань.
Не памятью трудной и кровью, —
А светом заоблачным стань.

Чтоб видя над крышами где-то
Твои очертанья вдали,
Я просто бы думал, что это
Вечерние блики легли.

* * *

Он, умирая, попрощался с ними.
Хоть в двух словах не выразишь всего,
Но книги были более живыми,
Чем люди, окружавшие его.

Потом слова слились со смертным стоном.
И много лет сменилось за окном.
И вновь луна плывет над тихим Доном,
Война и мир заходят в чей-то дом.

Я думаю, страницы книг листая,
Что сам со многим попрощался я,
Что жизнь была бы для меня пустая
Без вас, без вас, безмолвные друзья.

ЛЫЖНИК

Как память прошедшего века,
Всплывает во мне иногда
Живое лицо человека,
Бегущего через года.

Там лыжник, пьянея от снега,
В тенистой лесной синеве,
Немного споткнувшись с разбега,
Скрывается в свежей листве,

Охваченный солнечным зноем,
Мелькает у сосен, скользя,
Где пахнет аптечным настоем
На просеке после дождя.

Траву обрывают ботинки,
По палке ползет муравей.
...И снова слетают снежинки
С высоких, застывших ветвей.

Так ясно мне видится это,
Как будто забвения нет,
И вечны за временем где-то
И лыжник бегущий, и свет.

* * *

За деревьями тени на жарком снегу,
За стволами бегущий, мелькающий свет
Я за легкие волны принять не смогу
Может быть через несколько дней или лет.

За небесные волны весенней реки,
За ее подступивший простор голубой,
Где летящие яхты несут над собой,
Чуть склонив, парусов невесомых клинки.

И, когда-нибудь, стоя один у окна,
Не увижу зовущих вдали берегов.
И уже не заглушит случайных шагов,
Разбиваясь о край тротуара, волна.

Но сегодня я снова ловлю эту весть, —
Ускользающий отблеск в оконном стекле,
Замирающий плеск. Значит, все еще есть
Что любить, чем мне жить и дышать на Земле.

ТРОЙКА ВЕТРА

Кусты. Обрывы. Пни сухие.
Какой-то век... забытый год...
И колокольчики глухие
Звенят, закованные в лед.

Опять вокруг синеют дали.
И сосны в солнце и снегу.
И вновь копыта застучали
На стылом волжском берегу.

Засыпан след в лесу приречном.
Как гривы снег летит, скользя.
И звон поет о чем-то вечном,
Что рассказать в словах нельзя.

Поет про звездную дорогу,
Морозный блеск других полей.
И затихает понемногу
Среди безмолвных Жигулей.

* * *

На рубеже тысячелетий
У снежной крепости опять
Горят огни, играют дети.
И можно молча постоять.

В какой-то миг, почти случайный,
Услышать, как издалека
Тяжелой меди гул печальный
Плывет сквозь годы и века;

На льду вечерних тротуаров,
В дыму тускнеющих лучей,
Узнать глаза былых пожаров,
Увидеть отблески мечей.

И в этом плаче колокольном
Среди слабеющей зари
Ты в ожидании невольном
На снежный город посмотри.

Как будто прежнее приснилось.
И скоро, забывая сны,
Он сдастся, уходя, на милость
Все обновляющей весны.

* * *

Метель, метель. Переметает годы.
Вспоминанья тонут как в дыму.
И в облаке привычной непогоды
Горит фонарь, не разгоняя тьму.

Он забывает время понемногу,
К ногам роняя светлое пятно.
А снег летит на позднюю дорогу
И залепляет мутное окно.

И, прступив сквозь вечное движенье
Ночной метели сумрачно-живой, –
Стоит в стекле пустое отраженье –
Мой странный призрак с белой головой.

ПАВИЛЬОН

Вечерний парк с гуляющим народом,
Ступени, стены, крашеная дверь
И вывеска, прибитая над входом,
Мне смутно вспоминаются теперь.

Я сам не знаю, что случилось с нами,
Как мы попали в этот павильон.
Но все вокруг кривыми зеркалами
С беззвучным смехом искажает он.

Шумели годы митингов и споров,
И чтения журналов до утра...
А в лабиринте зыбких коридоров
Рекламных снов зеркальная игра.

И не найти ни выхода, ни входа,
Ни одного привычного лица.
Слепое время, в чем твоя свобода?
Здесь все дошло до своего конца!

Как будто гений сумрачного века
Открыл закон, и формула его
От образа и мира человека
Не оставляет больше ничего.

* * *

Скамейка в тени над оврагом.
За домом и садом звезда.
И кто-то задумчивым шагом
По снегу приходит сюда.

Он слушает мерзлые скрипы.
И ветер с пустынных полей
Качает березы и липы
Среди заметенных аллей.

Он смотрит на дом с мезонином,
Где в зале в ночной тишине
Мерцают часы над камином
И старый портрет на стене.

И где для других поколений,
Тревожа отжившим теплом,
Собранье его сочинений
Пылится в шкафу за стеклом.

Но снежного сада цветенью
Как он не поверит никто...
За полночь сливаются с тенью
Тяжелые крылья пальто.

Волнуется снег, налетая.
И снова под светом звезды
Безлюдно... дорога пустая...
И редкие птичий следы...

КАБИНЕТ

Казалось, что вчера взял ручку со стола
И первый раз сидел в просторном кабинете
Один среди бумаг. А жизнь уже прошла.
И город утонул в вечернем синем свете.

Закрой глаза... и вновь увидишь ясный день.
И тополиный пух летает неумело.
И на полу лежит от свежих листвьев тень.
Откроешь — жизнь прошла. И за окном стемнело.

* * *

Настанет день и час опять,
Ему и названья нет, —
Сугробы будут излучать
Опасный, странный свет.

Его как воздух ты глотнешь.
Как воду нальешь в ладонь.
И пробежит по горлу дрожь.
По пальцам скользнет огонь.

Вокруг почудится звонкий май, —
Как будто цветут сады,
Как будто выпил ты невзначай
Живой и мертвой воды.

* * *

Предвечернее солнце зажгло
На окне ледяные разводы.
И горят, затуманив стекло,
Хрупкой вязью, виденья природы.

И штрихи, и узоры зимы, –
Сада смерти в разгаре цветенья,
В синеву прорастают из тьмы
И слепящего света забвенья.

Там на санках катаются с гор.
И дыханью морозному рады.
И бесцельный звучит разговор
На дороге в тени у ограды.

На скамейки летят лепестки.
И вдали, перекликнувшись с эхом,
Голоса затихают, легки.
И опять отзываются смехом.

И зачем же я медлю и жду,
Переливом огней освещенный,
У тропинки в прозрачном саду,
Уходящей в простор заоконный.

ЧУВСТВО ВЕСНЫ

Цена не большая у слова.
Для счастья слова не нужны,
Когда просыпается снова
Бессмертное чувство весны.

Трава и кустарник под снегом,
Под небом как лед голубым.
Но чувство беспечным побегом
Доверчиво тянется к ним.

В холодном сверкающем свете
Деревья темны и пусты.
Но, яркие, в зимнем букете,
Прекрасней весенних, цветы.

К тому же я помню другое:
Когда наступает весна,
Щемящее чувство такое
Уже не разбудит она.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Елене Каревой

Свежих листьев прозрачные тени
В теплом воздухе ясного дня.
Мир привычных, знакомых явлений
Ускользает опять от меня.

Я за угол пройду, узнавая:
Двор... сугробы... качели в снегу...
Но зиме как и трепету мая
Удивиться уже не смогу.

Не смогу заглядеться как прежде
На закатное солнце в дыму,
Где прохожие в зимней одежде
Не спешат, улыбаясь ему.

Потому что сквозь сумерки эти
Я увижу в соседнем дворе
Темных веток намокшие сети
И сквозные огни в октябре.

И блуждая дворами без цели,
Где звучат голоса в тишине,
Под звенящие вспышки капели
Я вернусь к позабытой весне.

Тени листьев от счастья как черти
Скачут в лужах, летят над водой.
...Так легко после жизни и смерти, –
Будто после грозы молодой.

* * *

В зимний полдень есть отблеск вечерний почти.
Я, наверно, ошибся, я попросту лгу,
Что однажды, случайно, годам к тридцати,
Первый раз замечашь его на снегу.

Дни становятся дольше. И сходит на нет
Даже память об этом, упав в синеву.
Но опять узнаешь ускользающий свет,
В жаркий полдень июньский присев на траву.

Как потоку, ладонь подставляя лучу,
Этот голос далекий, зовущий меня,
Постараюсь понять, задержусь, помолчу
В середине земного короткого дня.

АКВАРИУМ

Пятна света бегут по столам,
Расплываясь в бутылочном лаке.
И веселье с тоской пополам
В тихой музыке и в полумраке.

Возле стойки скучает народ,
Ожидая привычной награды.
Здесь известны уже наперед
Все слова и заучены взгляды.

А в зеленой воде у стены
Молчаливые рыбы цветные
За стеклом проплывают как сны
Воплощенные, но не земные, —

В мире раковин, листьев, камней
На какой-то далекой планете...
Может, кто-то остался на ней,
Затерявшись в мелькающем свете.

Там не слышно пустой болтовни.
И, слегка шевеля плавниками,
Никого не жалея, они
Ускользают как свет под руками.

* * *

Невидимый оркестр зазвучал.
И, радуясь вечерней непогоде,
В огнях холодных разгорелся бал
Теней, летящих в снежном хороводе;

Людей, когда-то живших на земле,
Теперь скользящих с песнями и смехом
Не во дворах в тревожной полумгле,
А в гулком зале с люстрами и эхом.

Они, покинув звездные края,
Пришли сюда свободные как боги.
И что для них земная жизнь моя,
Земные, бесполезные тревоги?

Смеясь, бросает блестки мне в лицо
Толпа теней веселых неживая.
И, разорвав прозрачных рук кольцо,
Вдруг исчезает, все позабывая.

* * *

Как будничный день незаметный,
Кончаются тысячи лет.
И тает в снегу мимолетный,
Нездешний сиреневый свет.

Как будто в тумане сирени,
В каком-то забытом саду,
Где тихо колеблются тени,
Я, щурясь от солнца, иду.

А солнце уже закатилось,
На миг задержав для меня
Обман и последнюю милость
Обычного зимнего дня.

МОСТ

Порывы ветра. Улица пуста.
И в темноте февральской непогоды
Я вижу контур снежного моста,
Для нас соединяющего годы.

Под ним горят цепочки фонарей.
Заметена дорога под ногами.
И кажется, что прямо у дверей
Начнется путь над спящими домами,

Туда, где в майском небе облака
И в теплых лужах голубеют дали,
Где жизнь как трепет тополя легка,
Чьи листья никогда не умирали.

И в этот край несбывшейся весны,
На светлый берег солнца и капели
Меня зовут из мутной глубины
Летящий снег и голоса метели.

* * *

Снова в далях таких знакомых
Вихри света со всех сторон –
Искры солнечных насекомых,
Чей над снегом чуть слышен звон.

В этом звоне таится дрема –
Листья, улицы, блеск стекла, –
Что за городом и у дома
Теплой летней рекой текла.

Будто слышатся смех и крики,
Плеск спокойных волн на бегу...
Будто это не солнца блики,
Вдруг ожившие на снегу.

НОЧНОЙ АВТОМОБИЛЬ

Опустели давно тротуары
И последние стихли шаги.
И во двор заглянувшие фары
Утонули в потоках пурги.

Стонет ветер, бросаясь в сугробы,
Замирает на миг у дверей,
А потом, задыхаясь от злобы,
Сыплет искры вокруг фонарей.

Тополей ледяные вершины
Раскачались в белесом дыму.
Но водитель прозрачной машины
Не выходит в сквозящую тьму.

Может, кто-то из дальнего века
Заблудился случайно в пути.
И пустой силуэт человека
Вьюга хочет с собой унести.

...Пальцы трогают ключ зажиганья.
Огонек промелькнул как звезда.
И машина проходит сквозь зданья,
Не оставив нигде и следа.

* * *

Огни фонарей. И ограда.
И бар у дороги в снегу.
И черти, приехав из ада,
Хоочут вовсю на бегу.

Для них приоткрыты ворота
И дальняя дверь в коридор.
Сегодня ночная работа.
Ну что же... такой договор.

В дыму и угаре веселья,
Устроив привычный бедлам,
Их будут, ругаясь с похмелья,
Ловить и гонять по столам.

Следящий за каждой минутой,
За риск поощряя в игре,
Хозяин им платит валютой
И кормит на заднем дворе,

Где джипа роскошную тушу
Сугроб сторожит у стены.
До кризиса взяли бы душу.
Но души теперь не нужны.

* * *

Жизнь! Мерцай между этих слов.
Засветись между этих строк.
Я за это простить готов
Боль твою, затаив упрек.

Пусть тебя мне не удержать.
Но тебя я люблю такой.
О тебе я пишу опять,
По бумаге скользя рукой.

Ты по пальцам течешь как ток.
Не прожги же моих листов.
Сохранись между этих строк.
Задержись между этих слов.

* * *

Все отдам проклятому стремлению –
Оседлать незримого коня.
Вот мелькнул он легкокрылой тенью,
По холмам копытами звеня.

Но не сбыться призрачной надежде.
Не достать рукою до звезды.
И летит он над землей как прежде:
Без седла, без шпор и без узды!

* * *

Когда, бумагу размывая,
В тетрадь струится лунный свет,
Там, как тропинка полевая,
Темнеет строчка лунных лет.

Остановившись перед Летой,
Я оглянусь в конце пути:
Мне удалось по строчке этой
Все поле жизни перейти.

В ОЩУЩЕНИИ СОЛНЕЧНОЙ ВЕРЫ

... Самое частое слово в поэзии Игоря Мельникова – тайна. Самое главное, основное. То есть лежащее в основе. Мир – тайна. Мучительная и прекрасная. Впрочем, для дураков. Конечно же, на самом деле – дураков в кавычках:

Во времени есть переходы,
Есть улицы, есть тупики,
В которых прошедшие годы
Находят одни дураки.

Находят одни недоумки,
Поэты (! – В. С.) и прочая шваль –

(философы, наверное) – заглавное стихотворение книги «Лица огней». Вторая книга – «Звездолет для одуванчиков». «Забытый секрет мирозданья» – третья, *итоговая* книга поэта... Об эту тайну они, поэты, разбиваются, в ней избываются, изнемогают, платят ей жизнью. Ибо поэтом нельзя быть чуть-чуть, в какой-то мере («Землю попашет, попишет стихи»). Поэт – это состояние гибельно перманентное. Таким и был поэт Игорь Мельников.

...Настанет пора расчета.
Я буду опять в долгу
За светлое чувство полёта,
За грозди рябин в снегу...

Слово «тайна», так или иначе, варыируется – синонимами ли, прилагательными, неопределенными местоимениями: «*Кто-то* жил там. Листья шелестели...», «*Чей-то* шелест слышался порой...», «Забытый секрет мирозданья...», «Тихий голос, совсем незнакомый...», «И те слова: что мы *куда-то* плыли...», «И хрупкий лист *откуда-то* слетевший...», «Порой *неуловимо* для сознания...», «Облака летят над нами в *неизвестную* страну...»

Поэт бьется определить невыразимое. Находя, вроде бы, довольно «попсовое» слово «страна» для местонахождения этого самого географически невыразимого: нашего – запредельного, кантовского – трансцендентального. Лирический герой поэзии Игоря Мельникова буквально *накрыт* этим самым запредельным невыразимым. Оно вытягивает душу, лишает покоя, превращая существование в «каторгу чувств» (Сергей Есенин). Вернее, чувства, ибо лирический герой по-фетовски *моно*-тонен, как капля точающая камень.

Какая-то странная тяжесть
Давно поселилась в душе...

По-тютчевски взыскивающие тайны (эти поэты близки Игорю Мельникову по мироощущению. Лермонтов плюс: «Что же мне так больно и так трудно?»). Драма испытующего сознания. Путь духа. С жаром берущегося за постижение тайны. Не примиряющегося с бесмысленностью, бесцельностью жизни. Изнемогающего в этой борьбе... Впрочем, в стихах Игоря Мельникова самый обычный реалистический пейзаж исполнен таинственности – как покрывало майи, неприступно подогнан. Это качество чуждо обыденному сознанию, спасающемуся «бегством» – сиюминутности, очевидности:

И нашим спасением стало
Спешить неизвестно куда...

Конечно же, не неизвестно куда, а по магазинам и прочему. Убегать от *голосов*. Защищаясь от них полезными вещами и предметами. «Для тех, кто живет в настоящем, \ В ком знанья о вечности нет». *Бесполезно* накрываешься (о, великий и могучий русский язык – как же ты многозначен!) – дело поэта. Никем не назначенного, но обреченного судьбой. Только поэта может окликать *такой* голос:

В серый вечер, во мгле невесомой
Ты идешь, возвращаясь домой.
Тихий голос, совсем незнакомый,
Вдруг окликнет тебя за спиной.

...Но привычные мысли сбываются
Будто что-то не вспомнишь никак... («Голос»)

Вот это «не вспомнишь никак» – лишающее душу покоя – один из адресов тайны. Истока? Прародины души? Вечности? Ее чернорабочего – сокрушительного времени, и противостоящей ему памяти – одна из главных тем поэзии Игоря Мельникова («Запах памяти – теплой смолы...»):

Как нелегко бывает вспоминать,
Когда весна на языке невнятном
Старается нам снова рассказать
О чем-то дальнем и невероятном...

Предметы (пейзажи исключительно точные) в поэзии Игоря Мельникова, сочетаясь с вечностью, растворяясь в ней, теряют обычную геометричность, акварельны – ненадежны, иллюзорны для homo-torопящегося. С поправкой на вечность. С пыткой вечностью. С точки зрения вечности, как говорили древние. Расщепляющиеся вечностью. Мир, воспринимаемый пятью органами чувств, по-гераклитовски ошеломляюще текуч. Покой – подставка, прикид... Сознание заворожено «подлой» стихийностью при-

роды («И каждый миг иначе видим мы \ Весь этот мир, родившийся когда-то»), по-своему уязвимо. Но оно бунтует, сопротивляется, по-vasiliuslavски задирается в сопротивлении:

Но разум – тоже вольная стихия!
И, отражаясь, пробегают в нем:
Короткие удары грозовые
И контур тучи, вспыхнувший огнем...

Поначалу горделиво задирается, потом понимающе примиряется, мудро и мужественно смиряется... По технологии вина. По «технологии» растения. Империй: начало, расцвет, распад... По «технологии» жизни. По «технологии» труда души. Но это у Тютчева – «Природа – сфинкс. И тем она верней \ Своим искусством губит человека, \ Что, может статься, никакой от века \ Загадки нет и не было у ней». Дух лирического героя Игоря Мельникова эволюционирует, мучительно заворожен загадкой, пленен, избит, но не избит. Каждое стихотворение поэта – это не описание живописной картины природы или происшествия, а маленькое представление тайны, «сфинксости» жизни, сплав *текущего* с метафизическим. Дроби с общим знаменателем.

Ветер ловит обрывки реприз.
Дверь скрипит и трястется от смеха.
Представленье с названием «жизнь»
Никогда не идет без успеха...

Очевидная реальность – это те самые «оплавленные» циферблаты Сальвадора Дали:

...Даже дом наш стучит как вагон.
Дни за окнами гаснут, мелькая.
И растет, разрывая бетон,
У стены трин-трава молодая.

«Тютчевские» взглядыванья-слушиванья, «лермонтовские» выходы одного на дорогу. «И слушать за терпение в награду / Мелодию неуловимых слов...» Стихи Игоря Меньникова и есть эти награды за терпенье. Поэтому они так чеканны и торжественны... И не только «слов»:

Снова листья лежат как награды
За количество прожитых дней... –

Главные награды. «Ордена клена» для лирического героя Мельникова не то чтобы важней наград государственных – они метафизичней, «контекстней»... В орденах государственных – все равно наличествует некая суэтность. Неуютно здесь паспортам и прочим бюрократическим *бумажкам*. Ибо «наг родился». Даже

Родина – казалось бы, что может быть фундаментальней для человека-гражданина – для лирического героя Игоря Мельникова масштабней социального или географического понятия. В этом он логичен и последователен и не от мира сего:

Обращаясь к облачному краю,
К листьям, льющим утренний уют,
Говорю, волнуясь, вспоминаю.
...Но не вспомню, как тебя зовут. («Родина»)

Впрочем, это и наше универсальное мироощущение, которое мы *заели и заспали* магазинным счастьем бытовой беготни. Патриотическими учебниками министерства просвещения. Поэт – мучитель обыденного нашего сознания. Государство, цивилизация, если и появляются в сюжете и фабуле книг – «персонажи» иррациональные, опасные, «наезжающие»:

...Им хочется жизни такой же серьезной,
Гонять «мерседесы», кусая бананы...
И снова из света в мир ночи беззвездной
Ныряют, как пальцы в пустые карманы.

А ветер швыряет и крутит бумажки,
Цветные обрывки, остатки веселья,
И, видимо, не обещая поблажки,
Свистит над ларьками и плачет с похмелья. –

Персонажи эпизодические, «второстепенные». Но они также входят в семью «огоньков» земли, в некую *плату* жизни в целом тому высшему, запредельному, трансцендентному, религиозному «чувству дали», *мерилу* облаков, которым – «...я видел: машет на прощанье \ Вам с ветки слабый лист сухой...»:

...Огнями, горящими вместе со мной
Я щедро за все заплачу.

Может быть, именно поэт первый платит за все творящееся здесь этому самому высшему началу... Сознание заворожено *процессом* – с его истоком, пиком, завершением. Поначалу акцентируясь на бренном («Последний снег», «Сугроб» – великолепное метафорическое стихотворение, «Корабли»). Сквозь нынешнее, самоуверенно живое, просвечивают скелеты и глазницы. «И тело мое размыкает потоком. И мир мой. И память о нем». Таков взгляд поэта. Но они не производят «декадентской» тяжести, поскольку много улицы, простора, солнечного света, сердечности... Знание объективно и нейтрально. Что извлекается в итоге из этого знанья *поэта*? – «Чтоб в будущем, в мире далеком, \ Вспоминали о нас иногда». – *Человеческое*, слишком *человеческое*, но вполне самодостаточное утешение... Ностальгирует по-

прошлому. Премного благодарно прошлому (ретроспективное стихотворение «Патефон»)... Находится, в конце концов, «золотая середина» солнечного настоящего... Сознание зачаровано неустанным лицедейством времени. Минорным, мажорным... Не физическим мертвым процессом энтропии. Все олицетворено. Здесь есть все, как в драме жизни: потери, победы, слезы, смехи:

Здесь лето шумело, здесь осень мерцала,
Но в грязные лужи заброшены маски...

Реальность – фабрика метаморфоз. Стихи – этакие сети охоты за неуловимостями реальной действительности. Вот-вот будет схвачена сознанье какая-то окончательная формула, обнажена лучезарная истина... И посажена за решетку – строк. Стихи – решетки живой жизни (перекличка с Блоком: «И замыкаю я в клетку холодную \ Легкую, добрую птицу свободную...»):

Мне хочется, сломав решетку строк,
Найти за ней и шум, и солнце сада.
Я только жду, когда настанет срок,
И проржавеет крепкая ограда. –

(«Ограда» формы в самом деле крепкая. Фактура стиха тяготеет к классической XIX века. С синтаксисом умещающимся в стиховые членения – без бытового «задыхания» переносов. С «чистыми» возвышенными размерами. С привычными четверостишиями. С концевыми точными рифмами. С характерными: «эта-света-лета». Ему хватило старых мехов). Задача художника – так *ухватить* жизнь, чтобы она осталась собой, даже если «заржавеет» форма. Приоритет жизни перед творчеством? Земного перед небесным? Гордыня разума смиряется? Зависть к неведению («Тогда я не думал: зачем я живу...»)? Вертикаль переходит в горизонталь? – Крылатая мысль полетала и спустилась на землю. Поскольку в «...счастье полета есть горечь вины...» перед этими укорененными земными родными тополями, перед землей, которая держит «...меня песней, угрозой, мольбой и упреком...» Художник – вечный сюжет обожженного Икара («Художник»). Или возвращения блудного сына... Небо гибельно, звезды подводят своей неземной красотою («Звезды»).

...С чем останешься: с памятью, верой,
обгорелым металлом, травой?

Или, может, с надеждой, что эта
тайна выше добра или зла...

Поэт не может быть выше добра и зла. Конечно же – путь к гармонии. По логике постижения мира: бунтарство и самонадеянность разума, затем – этакое «посрамление» его гордыни, – к

соломинке и твердыне веры: «И просто веришь в этот мир живой, изменчивый, смеющийся над нами». Как и к любви и надежде... С муками и горечью сомненья: «Для чего мне цветение мая? \ Красота уходящего дня?»... Простая «нормальная» Голгофа художника. «И сходятся передо мной \ Небесный путь и путь земной». Результаты и выводы «обожженности»: апология все-таки непостижимой «живой травы». Которая торжествующе прорастает сквозь «Не хранящие жизни слова». Которая всегда *поверх* всего. Трава – жизнь. «И лужи живые. И ветер живой». К ней мольба, молитва, заклинанье:

Жизнь! Мерцай между этих слов.
Засветись между этих строк.
Я за это простить готов
Боль твою, затаив упрек... –

«Пропорция» между объектом-жизнью и субъектом лирического героя мужественная – не кричащая пупом мирозданья своей болью. Колорит поэзии Игоря Мельникова – блестящий, солнечный, лучезарный, заоконный... Всепобеждающий солнечный свет – пафос книги. Неустанная «женитьба» неба с землей. Их бракосочетание, сплетенье... Этого «материала» хватило поэту для «моделирования» жизни. (В стихах И. Мельникова отсутствуют какие-то исторические приметы.) Может быть, это и есть ее взыскующая формула?.. Убавилось ли от этого тайны? – Нет, не убавилось. Зов ее продолжается. Она неизбытна. С ней надобно уживаться сознанию. И – то же чувство вселенской родины будет «сливаться с дыханием моим». Оно слилось... И – триумфальный приоритет жизни, в которой все со всеми на равных:

Бывает миг, когда слова пусты.
И мир в ручьях течет, сливаясь с нами,
И музыка не выше немоты,
А небо – светлой лужи под ногами.

Все сливается в выстраданный аккорд:

Как будто выпил ты невзначай
Живой и мертвый воды. –

Трагическая расколотость чаши жизни, ее двойственность – открытие «слабого» разума. Это открытие двигает поэтом, дает ему смысл, вдохновенье, радость творчества:

И кажется в минуты примиренья
Что, проходя по лесу, видишь ты
Не слабые обычные растенья,
А высшей жизни вечные цветы...

Виктор СТРЕЛЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГОРОД ДЕТСТВА

«Ты тайну тайн своих открай...».....	4
ГОРОД ДЕТСТВА	
1. Весна.....	5
2. Лето.....	6
3. Осень.....	7
4. Зима.....	8
«Старый двор позабудет пургу...».....	9
«Свет проходит сквозь окна и стены!...».....	10
«Здесь ветрено. Мусор и лед...».....	11
ЗОВ.....	12
ПАТЕФОН	13
«Троллейбус, идущий по улице Мира...».....	14
Сонный ветер в зеленых вершинах...».....	15
«Когда до водосточным трубам...».....	16
СУББОТНИК	17
ВЕТЕР	18
«Якоря у речного вокзала...».....	19
НА СКАМЕЙКЕ	20
«На старых снимках не играет марши...».....	21
КАЧЕЛИ	22
КАРТИНА	23
«Стволы и бордюры побелены...».....	24
ОСТАНОВКА	25
«Хоть раз в году бывает день такой...».....	27
«В пленау у цветущей сирени...».....	28
«Овевающий легкой одеждой...».....	29
«В след от копыта, залитый водой...».....	30
«Тот город, который томится во мне...».....	31
«В коротком дожде перекличка...».....	32
СОЛНЕЧНЫЙ ДВОР	33
ПРОГУЛКА	34
ВОЗВРАЩЕНИЕ	35
ЗАВОД	36
«Дымится земля теплотрассы...».....	37
ГОРОДУ	38
«Знакомый свет на лестничной площадке...».....	39
ДОМ	40
«...Там, за углом, была еще аптека...».....	41
ОТРАЖЕНИЕ	42
НА «ВОСТОЧНОМ КОЛЬЦЕ»	43
«Куда идти по улице воскресной...».....	44
«Я вспомнил свое нетерпенье...».....	45
«В слуховое окно чердака...».....	46
ЗАЛ ИГРОВЫХ АВТОМАТОВ	47
МАНЕКЕН	48
САЛЮТ	49
«В дымке улиц, у зданий похожих...».....	50
МАГАЗИН ИГРУШЕК	51
«Над спящим городом, от звездного тумана...».....	52
«В руинах, сносимого дома...».....	53
РЕЧКА ДЕМА	54
«Тополиного пуха разливы...».....	55
«...Спускались вниз у сосен вдоль дороги...».....	56
«Город луж и далекого гула...».....	57
«Трава, мелькающая в спицах...».....	58

БЕЛЫЙ ГОРОД.....	59
«Автомобиль скользит по паутине...».....	60
ЛЕТНЕЕ УТРО.....	61
«Во дворе из картонных коробок...».....	62
ПОЛИВАЛЬНАЯ МАШИНА.....	63
«Город ночью открыт глубине...».....	64
«В автобусных стеклах со светом...».....	65
«Над сеткой троллейбусных линий...».....	66
«Космический тревожный холод...».....	67
«Город сумерек. Свежесть газонов...».....	68
ПОСЛЕ ТРОЗЫ.....	69
ПАРОВОЗ ИЗ ДЕТСТВА.....	70
«Опять зацветает цикорий...».....	71
УЛИЦА.....	72
«Озаряются, меркнут дворы...».....	73
«На приснившейся стройке раствором...».....	74
«Голоса голубей и дождей...».....	75
ПТИЧКА-СВИСТУЛЬКА.....	76
«Так бывает всегда...».....	77
НОЧНОЙ БАЛ.....	78
«В лучах рассвета тени вполквартала...».....	79
«Я хотел бы, чтоб голос мой...».....	80
«Немытые стекла и рамы...».....	81
СТРИЖИ.....	82
«За городом дымы стоят как великаны...».....	83
«Где дождь по трубе водосточной...».....	84
«Облитая утренним светом...».....	85
«На закатные окна квартала...».....	86
СЕРЕДИНА ВЕКА.....	87
«Июльский гром и сор бумажный...».....	88
Дождь откроет стеклянные двери...».....	89
СОЗВЕЗДИЯ АВГУСТА.....	90
«Дожди. Бесконечное лето...».....	91
СТАРЫЕ ДОМА.....	92
НОЧНАЯ ТРОЗА.....	93
ГОСТИНИЦА.....	94
«Вновь раскинулись звездные сети.....	95
«За автобусным тонким стеклом...».....	96
«Его не выразить словами...».....	97
«За все, что проходит – как странная плата...».....	98
«У дороги лежит, не взлетая...».....	99
«На столе кофейник и газета...».....	100
«Дым заката стоит у ограды...».....	101
«Смеялись. Толкались плечами...».....	102
ЖУРАВЛИ У ТОРГОВОГО ЦЕНТРА.....	103
«Под стылым ветром в окнах зданья...».....	104
«Город стих, утомившись от гула...».....	105
ПЁС ДОЖДЯ.....	106
ОКРАИНА.....	107
«Тихий дворик. Дорога сырая...».....	108
НОЯБРЬ.....	109
ОСЕННИЕ ТЕЛЕГРАММЫ.....	110
ГОЛОС.....	111
Как нищим у стен подаянье...».....	112
Я боялся, что время пройдет...».....	113
«Огонь заката за дворами...».....	114
«Здесь лето шумело, здесь осень мерцала...».....	115
«Ветер крутит сальто акробатом...».....	116
КОРАБЛИ.....	117
МУЗЕ.....	118

«На траве и на дороге...».....	119
Оранжевый залив дороги...».....	120
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР.....	121
«Спокойного неба сиянье...».....	122
«Ставил ногу я в детское стремя...».....	123
«Мне осень казалась спасеньем...».....	124
XXI ВЕК.....	125
«Луна стоит над крышей дома...».....	126
«Снова упали снега...».....	127
«Над низкой оградой больницы...».....	128
«Дни еще убывают. А полдни...».....	129
«В городе моих воспоминаний...».....	130
«Скамейки в снегу по колени...».....	131
«Мерцанье морозного, ясного неба...».....	132
«Здесь звездный мир над тополями...».....	133
СУТРОБ.....	134
«Опять в пустом углу черновика...».....	135
«Ночные тени прячутся за угол...».....	136
«Мир памяти slab и нестоек...».....	137
«О, улица Воскресенская...».....	138
ЗЕБРЫ.....	139
КАРУСЕЛЬ.....	140
ПРЕДНОВОГОДНЕЕ.....	141
«Березы пустого бульвара...».....	142

II. ЗЕМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

«Показалось, что птицы запели...».....	144
«От талого снега в низине...».....	145
«Белый храм – одуванчик России...».....	146
ЧЕМОДАН.....	147
«Теплый ветер над снегом талым...».....	148
ВЕСЕНННЕЕ ПЛАВАНЬЕ.....	149
«А воздух! Он как в ручьях вода...».....	150
«Когда опять из синевы и дали...».....	151
«Деревья – виденья Корана...».....	152
«Пока еще лежат в листве истлевшей...».....	153
«Тихий вечер. Первое тепло...».....	154
«Куда уходит вешняя вода...».....	155
«Размыли ручьи по оврагам...».....	156
«Эти тучи растают как лед...».....	157
С утра под деревьями стынет вода...».....	158
«Ни прошлого, ни будущего нет...».....	159
ФОНАРЬ.....	160
ПРИЗРАК.....	161
«Склоняются деревья на ветру...».....	162
СВЕТ И ТЬМА.....	163
«Тучи пахнут дождем и полынью...».....	164
«Снег переходит в дождь...».....	165
ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ.....	166
СВИРЕЛЬ.....	167
«Птицы возвращаются не с юга...».....	168
«Намокли тенистые крыши...».....	169
«Этот запах пчелиного рая...».....	170
«Над крышей, в скворечнике старом...».....	171
ГОРИЦВЕТ.....	172
«Свежий ветер с северо-востока...».....	173
«За лесополосой, сквозящей...».....	174
ПЕСНЯ.....	175

«Дай руку твою, Мнемозина...».....	176
«Какой простор, какая глубина...».....	177
«Фигуры в плащах разноцветных...».....	178
ИГРА.....	179
«На роликах под ливнем за окном...».....	180
«Вечерней листвы медитации...».....	181
«У песчаного серого склона...».....	182
Пылятся бутылки и банки...».....	183
ГРОЗА.....	184
«Давно пустуют гнезда звезд...».....	185
«На железнодорожном откосе...».....	186
ДЕТСТВО.....	187
ВОСПОМИНАНИЕ.....	188
«Облака стоят как купола...».....	189
ПОЛДНИ.....	190
«...И дерево, слепящее огнем...».....	191
«Качаются травы как волны...».....	192
«Опять в душе проснулось тайно...».....	193
ИДОЛ.....	194
«Небо вспыхнуть готово...».....	195
НОВЫЙ ЭДЕН.....	196
«Солнце. Лужи. Праздная прохлада...».....	197
«Летний полдень приходит босой...».....	198
ТАЙНА.....	199
СОБАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ.....	200
«Над тенью сквозящей и длинной...».....	201
ТВОРЧЕСТВО.....	202
«Быстрый ливень. И миг облегченья...».....	203
ТАТИЩЕВ.....	204
«Мне вспомнилось безмолвное болото...».....	205
«Я помню ни много, ни мало...».....	206
ЧАСОВНЯ.....	207
ЛЕТО.....	208
«Звездный дым над железной дорогой...».....	209
«Где новой жизни семя...».....	210
«Нет, не я пробегаю со смехом...».....	211
«Теплый запах сосновой смолы...».....	212
«Где озеро дремлет в тумане...».....	213
УТИХНЕТ ДОЖДЬ.....	214
Как облака меняют очертанья...».....	215
МУРАВЕЙНИК.....	216
ВЕЧЕРНИЙ ЧАС.....	217
НА ЗАКАТЕ.....	218
«Бегут пузыри по лужам...».....	219
ЛУННЫЙ СВЕТ.....	220
ЖИЗНЬ И ПАМЯТЬ.....	221
«Гуденье ос, забытый хлеб с вареньем...».....	222
«Деньги обесценились. А дни...».....	223
ВЕТРЕНИЙ ПОЛДЕНЬ.....	224
ЗВЕЗДЫ.....	225
«Какие кончал институты...».....	226
«Плеснет весло, плеснет волна...».....	227
«За оградой набережной море...».....	228
УБОРЩИК.....	229
«В свете фар над дорожной разметкой...».....	230
КНИЖНАЯ ПОЛКА.....	231
«Над камышами топкого залива...».....	232
«Бездлюдно на кладбище старом...».....	233
«Опять, как в строчке неумелой...».....	234
«Я взял простой бумажный лист...».....	235

«Как пишется стихотворенье...»	236
«За дачным лесом перестуки...»	237
«Пусть останется в памяти долгой...»	238
ОЗЕРО	239
САМОЛЕТ	240
БАБОЧКА	241
«Он вышел из душной машины...»	242
ЗАБОР	243
«В тихом шуме соснового бора...»	244
Пройду я по берегу Волги...»	245
ДАЛЕКИЕ ГУДКИ	246
«Вечер спокоен и нежен...»	247
КРАПИВНЫЙ ГОРОДОК	248
«Там, где плещет море живых теней...»	249
ОВРАГ	250
«Белый «омик», плывущий по полю...»	251
СОСНЫ НА ЗАКАТЕ	252
«Как рассказать словами прозы...»	253
БУКЕТ	254
«Над ржавым металлом кабины...»	255
«Что нам откроет бездна эта...»	256
ПЕНЬ	257
АВГУСТ	258
«Спасибо вам за чувство дали...»	259
ФОНТАНЫ РАЯ	260
ДИКАЯ ВИШНЯ	261
«Лес в ноябре прозрачен и бесплотен...»	262
УТРО В ЖИГУЛЯХ	263
ДОГОВОР	264
«На траве у древесных корней...»	265
КОСТЕР	266
ПЛАНЕТАРИЙ	267
НЕБЕСНЫЕ МЕДВЕДИ	268
«Налейте мне, тучи, в ладони воды...»	269
«Такой ослепительно-ясный...»	270
«В темных ветках опавшего клена...»	271
ТОПОЛЬ	272
«В минуты последнего света...»	273
ОБРАЩЕНИЕ К ШЕКСПИРУ	274
МЕЛЬНИЦА	275
ИМЕНА	276
КОЛОДЕЦ	277
ПЕРВЫЙ СНЕГ	278
«Останутся птички следы на снегу...»	279
ОГНИ ЗЕМЛИ	280
«Пустеющий город вечерний...»	281
«Веселые аппликации...»	282
«Вечернего света скольжение...»	283
«Колеса скокойно стучали...»	284
ПОЗДНИЙ СВЕТ	285
ПИВБАР «МОРСКОЙ ВОЛК»	286
ЗИМА	287
МАГАЗИН ЛУНЫ	288
«Воробы на подтаявшем льду...»	289
ЛИЦА ОГНЕЙ	290
«Мерцает чаша Вечного огня...»	291
ПУШКИН	292
Смотри уставшими глазами...»	293
«Язык умрет. Окаменеет слово...»	294
«Не много дано человеку...»	295
«Февральское небо горело...»	296

III. ВРЕМЯ ПРИДУМАНО НАМИ

«Последний снег растаял на балконе...».....	298
ДАЛЕКАЯ ВЕСНА.....	299
«В памяти сливаются года...».....	300
«Как нелегко бывает вспоминать...».....	301
«Сосульки бросали капель как монеты...».....	302
«Понимание невыразимо...».....	303
ДОРОГА.....	304
«В лесу открываются люки...».....	305
«Повторится, но не так, как прежде...».....	306
«На корочке льда поскользнувшись непрочной...».....	307
«Над Волгой темнеют обрывы...».....	308
ПРОБУЖДЕНИЕ.....	309
«Тает сугроб на крыше...».....	310
«Теплый ветер, напоенный влагой...».....	311
«Мне хочется верить, что прошлого нет...».....	312
«Тает снег. Заливает низины...».....	313
СВЕТ В АПРЕЛЕ.....	314
РОДИНА.....	316
«Где ты живешь, мое воображенье...».....	317
«Рассвет. И черемухи льдистой...».....	318
«Теряется вечное детство...».....	319
НЕВИДИМКА.....	320
«Я разучился торопить года...».....	321
КИТЕЖ.....	322
«Не дано мне участи прорицца...».....	323
«Заблудиться бы с ясными днями...».....	324
ВСЕЛЕННОЙ.....	325
«Над полем тучи темные нависли...».....	326
ТРАМВАЙ.....	327
«В фотографическом альбоме...».....	328
РУЧЕЙ.....	329
НЕВЫРАЗИМОЕ.....	330
УСАДЬБА.....	331
ГНОМ.....	332
«Кто забросил на небо игрушки...».....	333
«Я молодость помню. И ливень живой...».....	334
«И блеск на траве, и молчанье...».....	335
«...Здесь вновь комариные сходки...».....	336
РАДУГА.....	337
«И можно жить и жить, не уставая» ...».....	338
ПРОЗРАЧНЫЕ БАБОЧКИ.....	339
«В беспечном полете птичьем...».....	340
«Может, снится усталость. И возраста нет...».....	341
КНИГА.....	342
«Было время – как Волга в разливе...».....	343
СОН.....	344
КУКУШКА.....	345
ГРУЗОВИК.....	346
«Вдохнешь и выдохнешь... и бабочка лесная...».....	347
ЯЩЕРЫ.....	348
«Проржавевший металл куполов...».....	349
«Ольховый полдень на краю болота...».....	350
НЕБЕСНЫЙ ФЛОТ.....	351
«Во времени есть переходы...».....	352
«Дома, деревья и, дороги...».....	353
ПРЕДУТРЕННИЙ СВЕТ.....	354
АКВАРЕЛЬ.....	355
ВЕТЕР ЦВЕТЕНЬЯ.....	356

«И облака, летящие над нами...».....	357
«Наверно, слышен плеск минут...».....	358
СКАЗКА.....	359
«И лето. И свет. И свобода...».....	360
СТАРИЦА.....	361
«Опустевший дебаркадер...».....	362
НОЧЬ.....	363
«Снова музыка в праздничном парке...».....	364
«По травам дыханьем покоя...».....	365
«Ничего я о смерти не знаю...».....	366
«Слепым дождем витрины вымыты...».....	367
«Прозрачные, будто стрекозы...».....	368
КАМЕНЬ.....	369
МОЛОДОСТЬ.....	370
ЗЕРКАЛО.....	371
«За окном расцветает герань...».....	372
«Высоко в облаках догорела заря...».....	373
«Города заката и рассвета...».....	374
«Дни рассыпались брызгами света...».....	375
«Плынут облака под разлившимся светом...».....	376
«Уютный поленовский дворик...».....	377
ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР.....	378
«Бывает миг, когда уже не жаль...».....	379
«В синей луже на крышке пристроя ...».....	380
«Я еще посижу у реки...».....	381
ТОПОЛИНАЯ АЛЛЕЯ.....	382
ЭДГАР ПО.....	383
«Мне снилось спокойное лето...».....	384
«Солнце пробилось сквозь тучи...».....	385
ЖАР-ПТИЦА.....	386
«Фонтаны плещущего света...».....	387
«Окликнет заря из-за леса...».....	388
ГОЛУБИНЫЙ ДЕНЬ.....	389
«Я вспоминаю будто поневоле...».....	390
ЯХТ-КЛУБ.....	391
ТАНЦОР.....	392
«Как будто с лунных побережий...».....	393
НЕБЕСНЫЕ ПОРТРЕТЫ.....	394
«Сочинитель моих сновидений...».....	395
«За корпусом «Прилесья»...».....	396
Ты едешь, мой белый «Икарус»...».....	397
«На холме пологом и песчаном...».....	398
ДЯТЕЛ.....	399
«Тишина на лесном перекрестке...».....	400
«У станции водозабора...».....	401
ПТИЦЫ.....	402
«Дремлет небо в задумчивом зное...».....	403
КЛАДЫ.....	404
«На песке, у обрыва над Волгой...».....	405
ШИПОВНИК.....	406
СНЫ.....	407
«Прозрачный день, как в Бунинском рассказе...».....	408
ЭКСКУРСИЯ.....	409
КОРАБЛИ ГРИНА.....	410
«Опускается ночь в моросящем, промозглом тумане...».....	411
ЭХО.....	412
«В теплых красках солнечного света...».....	413
«Мертвый дуб у дороги пустой...».....	414
«Когда слетает светлая листва...».....	415

«Зажгутся фонари и...».....	416
У КАРТИНЫ.....	417
«Когда ни веры нет, ни знанья...».....	418
«Счастлив тот, чья весна совпадает с весной...».....	419
ОСЕННИЙ СВЕТ.....	420
ЗВЕЗДА НОЯБРЯ.....	421
«Листва летит сырая...».....	422
СМЕРТЬ ДИРЕКТОРА.....	423
«За днями дни идут однообразно...».....	424
ДВАДЦАТОМУ ВЕКУ.....	425
«Он, умирая, попрощался с ними...».....	426
ЛЫЖНИК.....	427
«За деревьями тени на жарком снегу...».....	428
ТРОЙКА ВЕТРА.....	429
«На рубеже тысячелетий...».....	430
«Метель, метель. Переметает годы...».....	431
ПАВИЛЬОН.....	432
«Скамейка в тени над оврагом...».....	433
КАБИНЕТ.....	434
«Настанет день и час опять...».....	435
«Предвечернее солнце зажгло...».....	436
ЧУВСТВО ВЕСНЫ.....	437
ПУТЕШЕСТВИЕ.....	438
«В зимний полдень есть отблеск вечерний почти...».....	439
АКВАРИУМ.....	440
«Невидимый оркестр зазвучал...».....	441
«Как будничный день незаметный...».....	442
МОСТ.....	443
«Снова вдалих таких знакомых...».....	444
НОЧНОЙ АВТОМОБИЛЬ.....	445
«Огни фонарей. И ограда...».....	446
«Жизнь! Мерцай между этих слов...».....	447
«Все отдаю проклятому стремлению...».....	448
«Когда бумагу размывая...».....	449
«В ОЩУЩЕНИИ СОЛНЕЧНОЙ ВЕРЫ». В. Стрелец о поэзии И. Мельникова.....	450

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2011
ИД № 00092 от 27.08.99.

Мельников Игорь Глебович

ЗАБЫТЫЙ СЕКРЕТ МИРОЗДАНЬЯ
стихотворения

макет, верстка **В. Мисюк**
художник **М. Шляпина**

Отпечатано в типографии МНХ.
г. Тольятти, ул. Борковская, 59-3/5.

Заказ №

Подписано в печать 10.02.2011.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 29.

Тираж 500 экз.